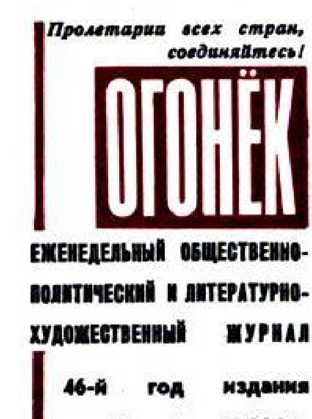

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
РОСС

Генерал-полковник В. Г. Куликов.

Учебная тревога.

Танковая атака.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

А вдруг выиграем у генерала...

ДЕНЬ КОМАНДУЮЩЕГО

А. СТАСЬ, собкор «Огонька»

Когда генерал-полковник Куликов в праздничное ноябрьское утро принял парад войск на Крещатике, а затем поднялся на трибуну и стал произносить речь, кто-то рядом с нами сказал, что генералу тридцать девять лет. Теперь, в своем кабинете, услышав об этом от нас, Виктор Георгиевич от души смеется — человек он общительный, веселого нрава, разговаривать с ним легко, интересно:

— Значит, тридцать девять? Неплохо бы! Но хочешь не хочешь, а еще шесть лет надо прибавить... Молод или не молод, это кто как смотрит. Внуку моему, Сережке, я уже дед, а для начальства... Впрочем, ко мне вас привело, наверное, не одно лишь желание уточнить мой возраст. Итак, какая перед нами задача?

А задача была рассказать о труде, заботах, людях, что окружают командующего войсками Киевского военного округа. Выслушав нас, генерал сделал широкий жест рукой.

— Здесь работали Фрунзе и Якир, маршалы Жуков, Чуйков, Гречко. Люди прославленные, известные полководцы. Мы только их ученики...

Ход мыслей генерала понятен. Но в том, пожалуй, и суть, что есть у советских полководцев достойные ученики, и когда наступает время, им, ученикам, вручают боевые знамена. Виктор Георгиевич прошел многие крутые ступени воинских должностей и званий. Окончил академию Генерального штаба. Командовал и стрелковыми частями и танкистами-гвардейцами. За годы службы в разных краях побывал, ему и север знаком, и солнце юга его припекало. Теперь под началом генерала военный округ. Можно сказать, фронт, только в мирное время...

Беседуя с человеком, которому подчинены соединения и части разных родов сухопутных войск и Военно-Воздушных Сил, многое узнаем, кое-чему поражаемся. Тем не менее разговор наш в кабинете кажется лишь преддверием сурового мира боевой техники, штабных замыслов и прочих «военных тайн». Но проникновение в «тайны» пока не состоялось, пришлось спуститься на землю: мы сели в машину командующего и поехали с ним к суворовцам.

...Часовой у ворот. Тяжелая колоннада здания. Училище замерло, застыло. Седой генерал-майор, четко кинув руку к папахе, молодо шагнул навстречу командующему со словами доклада. Не шелохнувшись, стояли офицеры. Вытянулись в струнку ребята в темных мундирах с малиновым прочерком лампас. Кто знает, может быть, не одному из них еще носить лампасы и пошире — генералами ведь не рождаются. А пока это обыкновенные мальчишки, стриженые, лобастые, конопатые. И все же не обыкновенные. Потому что воином быть — это трудно. И если твое первое самостоятельное решение — быть воином всю жизнь, тут и начало мужества. Десятки пар восторженных глаз глядят на командующего, на планки его орденов, звезды на погонах. А потом уставная строгость исчезает, ребята вновь становятся просто ребятами и окружают Виктора Георгиевича тесным кольцом.

Мы не хотели мешать им. Мало ли о чем могут толковать между собой военные? Но вот они переключились на спорт, и, видно, так пошел у них разговор, что Женя Низенко, беленький вице-сержант, спросил:

— Товарищ командующий, а вы в шахматы играете?

— А ты, случаем, не разрядник? — прищурился генерал.

— Да нет,— успокоил его вице-сержант,— я так, любитель...

— Стало быть, на равных мы. Согласен на одну партию. Только, чур, не подсказывать! — повернулся Виктор Георгиевич к суворовцам. Но ребята уже нависли над шахматным столиком, уже разделились на две группы болельщиков. И сражение началось.

Прощаясь с суворовцами, командующий похвалил их за отличную выправку и твердый шаг на параде. Лица ребят расцвели. Доволен и генерал-майор Борис Михайлович Кибардин. Ведь он, боевой генерал, ставший педагогом, в училище за все в ответе. И за то, как умеют его воспитанники шаг «печатать», и чтобы английский и французский знали хорошо, и чтобы крепко помнили, кого защищают, если придется когда-нибудь подняться в рост под огнем.

Мы возвращались в штаб округа, не зная, что готовится еще одно учение. Где-то севернее Киева на исходные позиции уже вышли войска. И было все там — люди, оружие, машины — как сжатая пружина, готовая стремительно распрямиться и ударить. Конечно, в тот час речь шла об ударах, после которых не полыхают пожары и города остаются целы. Но умение выигрывать бой, побеждать достигается не только тогда, когда уже свистят осколки и пули над головой.

Теперь не безобидная шахматная доска была перед командующим. Виктор Георгиевич стоял у большой карты, испещренной стрелами, а за столом, где лежала еще одна топографическая карта, расположилась группа генералов.

Вроде бы обыденная сцена: собрались люди, рассуждают как-то даже немногословно, скупо, но так кажется только со стороны. На самом деле «мозг» округа работал с полным напряжением мысли. И, подчиняясь его воле, опыту, знаниям оперативного искусства, оживут скоро стрелы на картах, придут в движение войска и устремятся вперед, демонстрируя свою готовность к бою и ко всем предвиденным и непредвиденным событиям в ходе его, что неизбежно на войне.

— Вот здесь, в этом районе, начинаются учения.— Виктор Георгиевич повел указкой по карте.— Не учения «Днепр», конечно, тут другие масштабы, но любой полевой выход войск — дело ответственное.

По звонкам, которые раздавались в кабинете командующего, и по многим признакам было видно, что предстоящими учениями заняты многие его подчиненные. В условиях нынешней насыщенности армии новыми видами вооружения, техники, вспомогательных средств подготовка и осуществление каждой оперативно-тактической задачи — это фейерверк цифр, поток разнообразных данных. Огромное количество информации необходимо быстро переварить и осмыслить. Нам привели один пример, и стало совершенно ясно: такой объем работы находится за пределами возможностей пусть даже феноменальной памяти и самого острого ума военачальника. Как это делается, мы увидели, побывав в подразделении инженер-майора Кличановского.

— Предположим, в ходе боевых действий противник на каком-то участке подвергнут массированному удару. Что происходит у него на позициях? Нужно рассчитать все заранее. Имея исходные данные, можно точно определить реальную картину.

Утром следующего дня мы должны были вместе с командующим вылететь к месту, указанному на штабных картах. На рассвете лег туман, потом повалил густой, мокрый снег. Погода нелетная.

Усаживаемся в автомашину. Скользкий асфальт стелется вдаль. Мелькают деревья зимнего леса, остаются позади шоссейки и проселки. И мы переносимся из шумного, многолюдного города на «поле боя».

...Бронетранспортер остановился. Упруго раскачиваются на ветру штыри антенн. Низко над степью проносятся рваные клочья облаков. Командующий поднял бинокль. Танки шли левее и на ходу вели беглый огонь. Лавируя меж холмами, несколько машин вырвалось вперед и приближалось уже к песчаной кромке берега.

— Кто впереди?

Богатырского роста генерал-майор Анатолий Васильевич Богданов на миг отрывает взгляд от реки.

— Рота капитана Тымцяся, товарищ командующий!

Невооруженным глазом тоже видно: сейчас, через минуту-две, танки оставят на прибрежном песке, на снегу следы своих гусениц и окунутся в холодную темную воду. Начнется форсирование преграды, что встала на пути боевых машин, как бы силясь задержать их, не пустить дальше. Но что им река, этим новым, очень мощным, быстроходным, можно сказать, универсальным машинам! Танки пройдут ее, как нож проходит сквозь масло, и рокот моторов, канонада перенесутся на противоположный берег, занятый «противником». Оборона его крепка, но где-то в глубине ее, за синью лесов, по ближним тылам «противника» пришелся ракетный удар. Наступил тот момент, когда быстрота сбора данных об обстановке и решение, принятое вслед за этим, определят дальнейшее развитие учения.

Говорят, лицо человека — зеркало его мыслей. При виде массированной танковой атаки на лице генерал-полковника Куликова отражалось нечто большее, чем удовлетворение. Перед этим он побы-

вал у ракетчиков; они тоже действовали четко, слаженно. Был образцовый порядок и в других частях. Все, что военачальнику подвластно, важно для него в одинаковой степени, потому что и тот и другой род войск незаменимы в операции. Но и военачальник может и хмуриться и улыбаться. Сейчас шли танки. И взгляд командующего потеплел.

Еще когда ехали в район учений, был у нас с Виктором Георгиевичем разговор о танках, о их роли в минувшей войне и в современном бою. Сказал он тогда:

— Ляжешь, бывало, на танк, выхлопные коллекторы работают, и горячий запах кажется тебе приятнее одеколона...

В двадцать два года на войне он стал начальником штаба отдельной танковой бригады. И провоевал до самой победы танкистом.

Но вот затихли моторы и пальба, только звон стоял в ушах. К бронетранспортеру подбежал капитан Владимир Никифорович Тымцясь, в комбинезоне и ребристом шлеме, легко взлетел на машину. Командующий задавал ему вопросы, а офицер отвечал, придерживая слегка неуверенными от волнения руками раскрытый планшет, и с лица генерала Куликова не сходило все то же выражение полуулыбки. Оно не изменилось и тогда, когда он спрыгнул с брони на землю и, стоя у гусеницы, протянул руку старшему сержанту Виктору Шероцкому. Утром сержанту вручили медаль. Он не ждал, что его поздравит сам командующий, и растерялся. Но кому-кому, а генералу-то хорошо известно, что такое для солдата первая в жизни боевая награда. Побывать бы дома ему, родным, друзьям показаться.

— Пять суток отпуска старшему сержанту Шероцкому! Он заслужил.

Вся часть, в которой мы сейчас находимся, отмечена высокой и почетной наградой. Недавно этому боевому коллективу, одному из лучших, и не только в округе, вручено на вечное хранение Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Отлично несут службу воины, радуют выучкой, дисциплиной, умением владеть грозной техникой. Значит, и нет причин, чтобы хмуриться командующему.

Возвращаемся в Киев под вечер. На лесной дороге неподвижные фигуры военных регулировщиков. Черная куртка, черные шаровары, белая каска с пятиконечной звездой — новая, недавно введенная форма. Генерал-полковник из машины приветствует каждого. Солдат на посту, и служба у него такая, что и в дождь и в стужу стой, и если снаряды рядом рвались бы, тоже стоять надо.

Перед нами огни, окраина большого села.

— В прошлом году был в отпуске, ехал с семьей и на этом месте остановил машину. Говорю своим: все, бензин кончился, привал делаем с ночевкой на свежем воздухе! Ну, кончился бензин или нет, а взглянуть вокруг очень мне захотелось. Тут я войну начинал,— рассказывает Виктор Георгиевич.— Тяжелые были бои. Когда бросили они на нас танки, верите, однажды обыкновенной солдатской ложкой в землю пришлось зарываться. Эх, имели бы мы тогда хотя бы частицу того, что сейчас наша армия имеет...

Что имеет наша армия сегодня, про то знать положено командующему. Но и увиденное нами за эти дни поражало силищей. Мы были возле ракет. Рядом с нами взлетали и проносились на малой высоте реактивные боевые самолеты с такой скоростью, что взгляд не успевал зацепиться за их силуэты, а они исчезали. Нам показали оружие, от которого не защитит никакая броня, оно неотвратимо настигнет цель и днем и в ночную темень. Это была всего лишь частица того мощного арсенала, которым располагает нынче Советская страна.

...Дома у Виктора Георгиевича не удивляются, что он поздно со службы приехал: привыкли. Но главный в доме, тот самый внук Сережка, человек шести месяцев от роду, такими порядками недоволен. Играть с дедом любит. А тут напрыгаться на коленях у деда не дали, спать отправляют.

Усаживают Сережку в коляску, а рядом танки стоят. На шкафу с книгами стоят, один черный, железный, другой золотистый, из бронзы. Эти не стреляют.

ГОД ПОКОРЕННЫХ ВЕРШИН

Нас почти 237 миллионов. Мы прожили радостный год — пятидесятый год Советской власти. И один из самых больших подарков юбилею — то, что мы создали в том году. Мы планировали увеличить производство промышленной продукции на 7,3 процента, а увеличили на 10 процентов. Перешагнули знаменательный рубеж металлурги — дали больше 100 миллионов тонн стали. Невозможно перечислить всех вершин экономики, науки, культуры, которые покорил наш народ в прошлом году. Об этом скупым языком цифр рассказано в сообщении ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1967 году». Есть в этом сообщении такие строки:

«Важной особенностью истекшего года является ускорение роста производства предметов потребления (группы «Б»), что позволило значительно увеличить поставки на рынок многих важнейших видов продукции, существенно повысить товарооборот и расширить работы по бытовому обслуживанию населения».

Вот небольшой комментарий, касающийся ускорения роста производства некоторых предметов потребления.

Что за цифрой?

Сравнительно недавно купить хорошие дамские чулки было проблемой. Да и те, что считались хорошими, особой прочностью не отличались. Так было. А как сейчас? Во-первых, промышленность стала выпускать чулки в достаточном количестве. Во-вторых, синтетические материалы сделали их более долговечными. Если теперь у наших женщин и возникает вопрос о чулках, то о каких-нибудь особенных — с необычным рисунком или особой ажурной вязки.

А трикотаж? С каждым годом ассортимент изделий из него увеличивается. Костюмы, платья, рубашки из шерстяного, искусственного и синтетического трикотажа все больше и больше входят в быт. Об этом красноречиво говорят цифры, приведенные в сообщении Центрального статистического управления СССР: продано в 1967 году в процентном отношении к 1966 году трикотажных изделий — 130 процентов, чулочно-носочных — 117 процентов.

Это итоги. А как с достигнутых рубежей наша легкая промышленность шагнет дальше? Многим, вероятно, интересно узнать, что год грядущий, вернее, текущий, нам готовит.

Мы попросили рассказать об этом заместителя начальника Главного управления трикотажной и текстильно-галантерейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР Нину Сергеевну Шелепову.

— Можете передать читателям «Огонька», что выпуск изделий из трикотажа, чулок, носок, белья и верхней одежды значительно увеличится. Но дело не только в количественном росте продукции. Гораздо богаче станет ассортимент, улучшится и качество.

— В том числе и ажурных чулок?

— Да, и ажурных, и рисунчатых, и чулок с малораспускающимся переплетением.

— А насколько больше их будет?

— Вместо 18 миллионов пар, изготовленных в прошлом году,— 45 миллионов. Мужчины получат носки различных расцветок, в том числе и ажурные. Больше будет выпущено и детской одежды из трикотажа. Учитывая большую потребность в детских колготках, мы изготовим их в нынешнем году не 18 миллионов, как в 1967 году, а 26. Возможно, даже и больше. Это сейчас уточняется.

На 54 процента увеличится выпуск белья из синтетических нитей с искусственным шелком. Это будут очень красивые вещи — с набивным рисунком и кружевной отделкой. На ряде фабрик устанавливаются новые печатные машины для трикотажа.

В этом году магазины смогут предложить значительно больше изделий из капрона, лавсана или, например, ацетатных и триацетатных объемных нитей. Платья, блузки и рубашки из них напоминают шерстяные, они не мнутся и легко стираются.

Но шерсть остается шерстью. Многие не хотят изменять старым привязанностям. И их вкусы учтены.

На 14 процентов больше, чем в 1967 году, будет выпущено изделий из чистой, натуральной шерсти. Впервые наша промышленность даст 700 тонн шерстяного трикотажного полотна (джерси) для пальто и костюмов модных расцветок.

Начал работать крупнейший камвольно-трикотажный комбинат в Курске. Он сможет давать двенадцать с половиной миллионов штук верхнего трикотажа в год. Это столько же, сколько дают четыре средних современных фабрики.

По сообщению ЦСУ СССР, в прошлом году вступило в строй около 400 новых крупных промышленных предприятий. Этот снимок сделан в вязальном цехе курского новосела — камвольно-трикотажного комбината.

Фото М. Савина.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Индии Индира Ганди.

Фото В. Соболева. ТАСС.

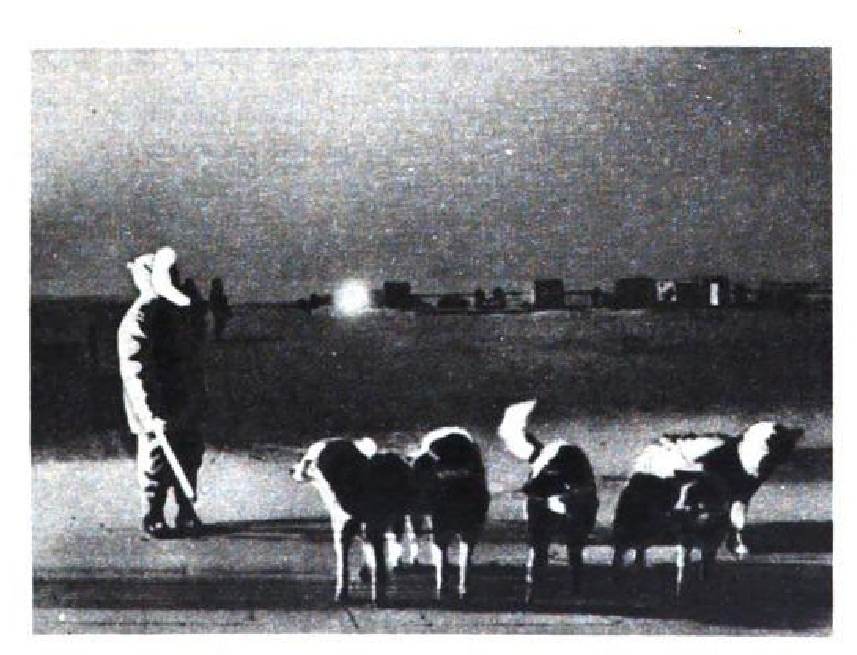
НАШ БЛИЗКИЙ СОСЕД—ИНДИЯ

За последние двадцать лет Индия стала намного ближе нам. Наши представления об этой огромной и удивительной стране значительно углубились и обогатились. Индия стала страной атомного центра в Тромбее и комбината тяжелого электрооборудования в Хардваре. Индия создает свою индустрию и развивает агронауку, строит университеты и выпускает кинофильмы, пользующиеся успехом во всем мире.

Крепнут политические, экономические и культурные связи между Советским Союзом и Индией. Большим уважением окружены в нашей стране имена индийских государственных деятелей Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру, Лала Бахадура Шастри и других политических деятелей. Сотнями тысяч экземпляров издаются у нас книги Рабиндраната Тагора и Мулк Радж Ананда. Слово «Бхилаи» давно уже стало символом советско-индийского сотрудничества. В наших магазинах продаются товары из Индии, на индийских полях работают советские тракторы.

Торговля, экономика, культура — в этих областях успешно развиваются наши связи. Но и в политическом курсе наших стран много общего. Советский Союз твердо поддерживает политику неприсоединения, которую последовательно проводит Индийская республика. Индия неоднократно выступала инициатором благородных политических акций неприсоединившихся стран. Поездки советских руководителей в Индию, визиты к нам индийских государственных деятелей стали доброй традицией.

В последние дни января советская общественность с чувством глубокого удовлетворения следила за официальной поездкой Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина по Индии. Глава Советского правительства был приглашен правительством Индии на празднование Дня республики — 18-й годовщины ее провозглашения. Такое приглашение — свидетельство уважения и дружеских чувств. Ведь на день рождения всегда приглашают только самых близких друзей!

Поиски в районе катастрофы.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЛОЖЬ

По поводу ядерной катастрофы у берегов Гренландии

Карл НЕПОМНЯЩИЙ

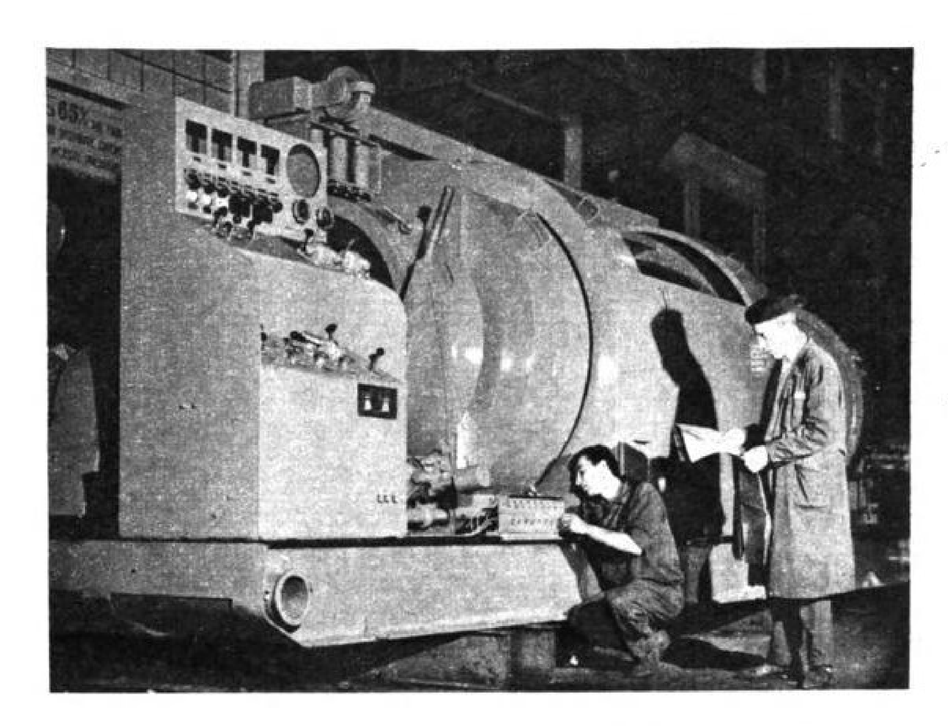
В Гренландии люди подавлены, вконец сбиты с толку. Отчаяние сменяется надеждой, надежда отчаянием. Из Копенгагена, поддерживающего более или менее постоянную связь с городом Туле, сообщают, что на острове запрещен лов рыбы, прекращена охота на тюленей, моржей и китов. Отравлена ли пресная вода? Неизвестно. На пресс-конференции, созванной по требованию журналистов, прилетевших из Копенгагена, генерал Ричард Ханзикер сказал лишь, что «все до сих пор найденные остатки бомбардировщика «В-52» заражены радиоактивными элементами». Но это было известно Пентагону уже в день катастрофы. Генерал не сказал ничего нового. Уж не растерян ли он сам? Судя по сообщениям американских газет и агентств, неясно даже, с какой целью Ханзикер примчался в Гренландию из Омахи, где находится штаб-квартира командования стратегической авиацией. Одни газеты сообщают, что на него возложена обязанность выяснить причины катастрофы. Другие утверждали, что его поисковой группе поручено найти утерянные четыре бомбы и обезвредить их.

Мир плохо информирован о том, что произошло на западном берегу Гренландии 21 января и в последующие дни. Если проанализировать информацию, которую в течение последних десяти дней распространяет Пентагон через газеты Нью-Йорка, Вашингтона и Лондона, то приходишь к выводу, что официальная Америка вконец изолгалась.

На самом деле, Ричард Лайонс в газете «Нью-Йорк таймс», вышедшей 22 января, на следующий день после катастрофы, утверждал, ссылаясь на мнение специалистов, что «практически нет никакой опасности радиоактивности, если только не раскололась одна из бомб, исходя из предположения (!), что на борту самолета были ядерные устройства». (Как будто газета не знала, что бомбардировщик был вооружен ядерным оружием!)

Эта же газета утверждала, что самое важное — определить глубину воды там, где упал самолет. И тут же с радостью сообщала, что, «согласно карте, изданной английским морским министерством в 1875 году (!), средняя глубина в данном районе составляет 75 футов» и поэтому, дескать, найти бомбы у берегов Гренландии будет несравненно легче, чем у берегов Испании. И дальше: «Спасательные команды намерены в самое ближайшее время обезвредить бомбы».

Одним словом, чудо как хорошо все обернулось! На следующий день Джон Финни в той же «Нью-Йорк таймс» продолжал эту же песенку. Хотя он и не высказывал предположения или сомнения в том, были ли на борту бомбардировщика ядерные бомбы, но в ос-

ПОДТВЕРЖДЕНО ЖИЗНЬЮ

4 февраля исполняется 20 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Социалистической Республикой Румынией. Время подтвердило животворную силу этого документа, ставшего надежной базой развития отношений между двумя странами. За истекшие два десятилетия положения Договора воплотились в конкретные дела. Советский Союз прислал оборудование для химкомбината в Крайове, турбины и котлы для теплоэлектроцентрали «Бухарест — Юг». На другой крупнейшей стройке — ГЭС «Железные Ворота» на Дунае — также будут работать советские турбины. Морские и речные суда, нефтебуровые установки с маркой «Сделано в Румынии» и другие товары румынского экспорта пользуются заслуженным признанием в Советском Союзе. Это лишь несколько примеров нашего экономического сотрудничества. За время действия договора расширились связи в области науки, культуры.

Договор успешно служит делу строительства социализма и коммунизма в обеих странах, укреплению единства и сплоченности стран социалистического содружества.

На снимке: На заводе имени Первого мая в Плоешти. Продукция этого предприятия — буровое оборудование — экспортируется во многие страны.

Фото Аджерпресс.

Доброго здоровья! Новых дерзаний!

Множество телеграмм и взволнованных приветствий получил этот человек от друзей со всех концов нашей необъятной страны, из разных стран мира. Адрес короткий: Москва, Союз дружбы, Комитет советских женщин, Нине Поповой...

Нине Васильевне Поповой, возглавляющей Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Комитет советских женщин, исполнилось шестьдесят лет.

Ее жизненный путь — это путь больших свершений во имя человека, во имя советской Родины. В годы войны и мирного строительства она плодотворно трудилась на партийной работе, в советских профсоюзах. С первых же дней зарождения всемирного движения сторонников мира Нина Попова в его рядах. С первых шагов многомиллионной организации демократических женщин она в руководстве этого движения, является бессменным вице-президентом Международной федерации женщин.

Мне не раз приходилось видеть Нину Попову на всемирных конгрессах, на различных международных встречах борцов за мир. С какой страстью звучал ее голос с трибун этих встреч, с какой убежденностью она умеет говорить о том, что волнует всех тружениц земли! Вспоминается Всемирный конгресс женщин, который состоялся в Москве в 1963 году. Это была ассамблея женщин всего мира. Нина Попова — один из инициаторов и организаторов этого конгресса.

Эжени Коттон в одной из бесед сказала:

— Каждый раз, когда я встречаюсь с советскими женщинами, когда вижу Нину Попову, я обретаю новые силы, дух уверенности, дух молодости...

Нам, друзьям Нины Поповой по Советскому комитету защиты мира, особенно приятно отметить ее огромный вклад в развитие великого движения народов против угрозы новой войны. Нина Васильевна — бессменный член Всемирного Совета Мира. Ее деятельность в защиту мира по праву отмечена высокой наградой — присуждением почетной Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Отмечая заслуги Нины Поповой в развитии культурных связей и дружбы между народами, Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Ленина.

Пожелаем ей доброго здоровья, новых дерзаний, новых больших и добрых дел!

Михаил КОТОВ

новном подтверждал версию Лайонса — найти бомбы будет значительно легче, чем во время инцидента (подумайте, как деликатно выражается!) у Паломареса. «Указывают, что даже в том случае, если бомбардировщик находится на дне, место его нахождения в общем известно»,— писал он.

И дальше: «Должностные лица считают, что в данном инциденте около Туле бомбы все еще находятся в бомбардировщике». Полно! Что же должны были означать телеграммы Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, переданные в тот самый день, когда была опубликована эта статья, что же должны были означать телеграммы этих агентств о том, что «поисковые партии во главе с генералом из Омахи отправились в путь на собаках»? Что же они должны были искать, если место нахождения бомбардировщика и бомб при нем было известно! Знали ли в Пентагоне спустя 48 часов после катастрофы, что бомбардировщик разлетелся на куски и пять членов экипажа из шести спаслись на парашютах? Несомненно. Но «Нью-Йорк таймс» дурачит читателя. Послушать ее, так все получилось как нельзя лучше: бомбардировщик разлетелся на куски, экипаж выбросился на парашютах, а бомбы, если верить «Нью-Йорк таймс», находились все же при нем, при бомбардировщике. И это свидетельствовало, конечно, об эффективности предохранительных устройств! Мимоходом миру сообщили: глубина в заливе оказалась не 75 футов, как это указывалось на карте прошлого века, а все 900. Но главное не в этом. По мнению «Нью-Йорк таймс», главное состояло в том, что «катастрофа не вызвала непосредственной опасности радиации».

Английская газета «Сан» успокаивала своих читателей таким же образом: «Американцы не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть четыре водородных бомбы, упавших в Гренландии и оказавшихся под ледяным колпаком».

Вполне возможно, что эта лживая версия Пентагона разрабатывалась бы и дальше, но произошло непредвиденное событие — пятьдесят журналистов, слетевшихся в Копенгаген, потребовали доставить их немедленно к месту катастрофы. Посольство США в Копенгагене доложило об этом госдепартаменту и Пентагону, видимо, достаточно панической телеграммой, потому что получило ответ — задержать отлет корреспондентов хотя бы на сутки и заодно произвести тщательный их отбор. Демонстрации у посольства США достигли огромного накала, и, когда отлет корреспондентов больше задержать не удалось, американские власти дали им наконец разрешение посетить... датскую провинцию!..

Как только датские и американские журналисты высадились в Туле, появилась на свет другая версия. Тот же Джон Финни в той же респектабельной «Нью-Йорк таймс» теперь уже вынужден был сообщить, что «поисковые группы ВВС США обнаружили небольшую радиацию, исходящую от некоторых, а может быть, даже от всех четырех водородных бомб». Потом слово «небольшая» исчезло из этой статьи и других, и все-таки Джон Финни, верный себе, сохранял оптимизм. Вот как он комментировал это заявление Пентагона: «Обнаружение радиации расценивается как обнадеживающий признак» (?). Как это он не написал, что все это счастливый, радостный, прекрасный признак! Потом мы узнали, что бомбы разлетелись в стороны и лежат где-то на поверхности, а вовсе не под водой залива... А как же с первым сообщением, что взрыва не будет, что бомбы в целости и предохранительные устройства безукоризненны? Что же все это могло значить, кроме того, что все эти сообщения оказались на поверку грязной хитростью, призванной ослабить всеобщее негодование!

Но, сказав «а», Пентагону и его журналистской агентуре пришлось сказать и «б».

Оказывается, поисковые группы обнаружили также альфа-частицы, испускаемые плутонием, который, попадая в человеческий организм, оказывает сильное токсическое действие. О других «обнадеживающих» новостях сообщило затем агентство ЮПИ из Вашингтона: поисковые партии, продвигающиеся на санях, запряженных собаками, нашли место, где разбился американский бомбардировщик, но ни одной из бомб не обнаружили.

Другое американское агентство, Ассошиэйтед Пресс, высказало в тот же день мнение, что «водородные бомбы никогда не будут найдены». Возможно, оно знало, что их действительно нельзя было обнаружить потому, что не одна, а все четыре бомбы раскололись. Пентагон уже знал об этом по высокой степени радиации. Но он молчал в течение десяти дней.

Затем последовали жалобы на 27-градусный мороз, полярную ночь, сообщение научного обозревателя Томаса О'Туле, что большие дозы альфа-частиц могут быть смертельны (подумайте, какая осведомленность!), и, наконец, его предположение, что поиски бомб на дне залива «могут быть отложены до лета».

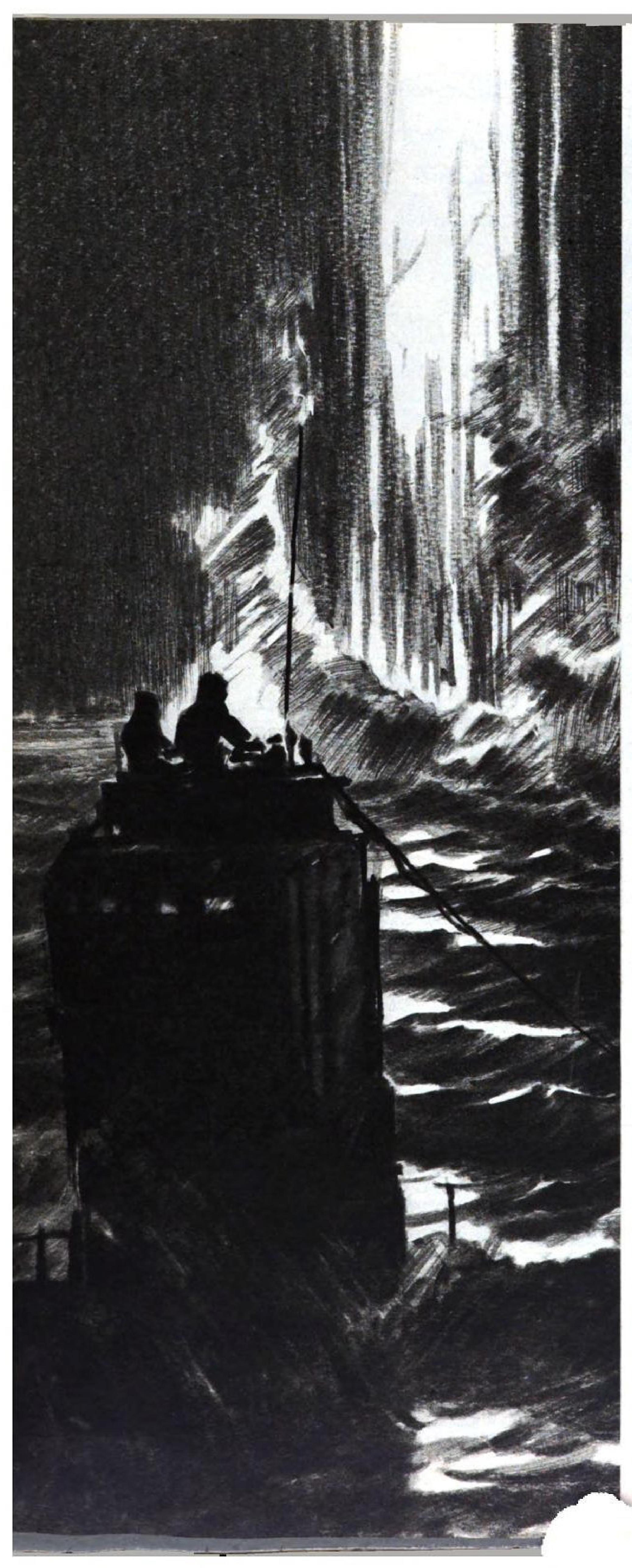
25 января на базе в Туле появились датские ученые, получившие задание своего правительства установить степень опасности радиоактивного заражения Гренландии и с этой целью взять необходимую пробу на месте. Тут же Пентагон объявляет, что американские специалисты прекратили из-за мороза поиски четырех ядерных бомб. Случайно ли совпали эти два события? На следующий день генерал Ханзикер был уже на базе в Туле. Смысл пресс-конференции свелся к тому, что корреспондентам сказали, чтобы они сидели в казармах, не лезли не в свое дело.

Между тем в мире нарастает негодование. Научный обозреватель лондонской «Дейли телеграф» Михоэлс выступает со статьей, в которой высказал мнение, что, «если поисковые партии не сумеют в самое ближайшее время обезвредить водородные бомбы, воздушные потоки и морское течение могут вынести радиоактивные частицы в направлении Ньюфаундленда и Европы».

Гольфстрим, как он думает, быстро распространит радиоактивное заражение по Атлантике. Такого же мнения придерживается немецкий профессор Альберт Арндт, датский ученый У. Нансен, шведский профессор Торстен Магнуссон.

Как же объяснить гнусный обман Пентагона — этого вертепа политических авантюристов? Страх перед правдой — вот откуда это чудовищное лицемерие. 16 раз бомбардировщики стратегической авиации США теряли бомбы. И все эти бомбы падали не на их земле — вот откуда эта наглость.

Аморальная война во Вьетнаме образовала пропасть между империалистической Америкой и цивилизованным миром. Напалм, газы и варварские бомбардировки во Вьетнаме, шпионский корабль у берегов Кореи, непрекращающиеся попытки запугать, затравить доктора Спока и других гуманистов и, наконец, ядерная катастрофа у берегов Гренландии — все это делает пропасть глубже и шире.

ФЛОТ НА

Беседа с Главнокомандующим Военно-Морским Флотом СССР

— Скоро наш народ будет отмечать 50-летие Вооруженных Сил. В связи с этим журнал «Огонек» хотел бы предложить своим читателям ваш рассказ о Военно-Морском Флоте.

— Рассказ о флоте, рассказ в тесных рамках интервью... Сложная задача. У нашего флота большая история. Истоки его боевых традиций уходят в века, ко временам сражений при Гангуте, Корфу, Чесме, Синопе, первой обороны Севастополя. Морская мощь русского государства создавалась многими поколениями моряков, и мы чтим их заслуги. Уже полувековой путь прошел флот под боевым знаменем Страны Советов. И это героические подвиги, открытия, замечательные плавания, это необычайные судьбы кораблей, экипажей и отдельных людей, их мужество, самоотверженность.

Одно сопоставление непроизвольно напросилось мне 7 Ноября — в день празднования 50-летнего юбилея Советской страны. Тогда, как известно, военный парад на Красной площади открыли бойцы гражданской войны. И вот широким флотским шагом прошли матросы в бушлатах, перепоясанные крест-накрест пулеметными лентами. Отряды таких матросов с «Авроры», «Гавриила», «Забияки», «Самсона» и других кораблей шли по зову Ленина на штурм Зимнего дворца, беззаветно сражались за Советскую власть в первые годы ее становления. Словом, давнее прошлое воскресилось в памяти.

И тут же я подумал о другом. За несколько дней до юбилейных торжеств мне выпала честь вручить Памятное знамя ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР экипажам атомных подводных лодок. Эти самые совершенные боевые корабли современности, появление которых еще не так давно казалось чем-то фантастическим, теперь вполне освоены нашими людьми, и их дальние океанские плавания прочно вошли в обычную учебную практику флота.

И, сопоставляя то и другое, я не мог не подумать о времени, которое разделяет годы 1917-й и 1967-й, о громадных изменениях, совершившихся на флоте, как и во всех наших Вооруженных Силах, во всей стране. А за этим — годы тяжелейших войн, преодоления многих трудностей, годы технических преобразований и ломки привычных ранее взглядов. Рассказ о флоте должен был бы охватить все это. Но все охватить невозможно.

— А если говорить о самом главном!

— Попытаемся говорить о самом главном. Боевая история Советского Военно-Морского Флота берет начало с того дня, когда В. И. Ленин подписал декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Этот ленинский декрет был объявлен 30 января (12 февраля) 1918 года. Основу первых формирований флота только что родившегося пролетарского государства составили те военные моряки царской России, которые в 1917 году встали под знамена большевистской партии и активно поддержали восстание народа.

Новому флоту вместе с молодой Красной Армией выпали тяжелейшие испытания в боях с войсками внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. День рождения Советских Вооруженных Сил мы празднуем 23 февраля. В этот день в 1918 году были одержаны первые победы над войсками германских интервентов под Псковом и Нарвой и по всей стране началась запись добровольцев в Красную Армию. В тех боях участвовали и матросские отряды, проявившие большую стойкость и героизм. В марте — апреле 1918 года балтийцы, спасая корабли от захвата их врагом, совершили беспримерный Ледовый поход из портов Финляндии в Кронштадт. В результате этой операции спасено 211 кораблей, так нужных Советской республике. Многие из этих кораблей затем прославились подвигами на Балтике, а их экипажи составили костяк тех более тридцати речных и озерных флотилий, которые были сформированы для помощи сухопутным войскам в годы гражданской войны. Активное участие в этой войне принимали также военные моряки Черноморского флота. Отряды черноморских матросов отважно сражались с врагами на юге страны.

Краснознаменный Северный флот. Старт из-под воды

Рисунок Р. Иванова.

Т
БОЕВОЙ ВАХТЕ

Адмиралом Флота Советского Союза С. Г. ГОРШКОВЫМ

Оглядываясь на те годы, мы не можем не отметить, что именно тогда во всю ширь раскрылись революционные традиции нашего флота, унаследованные от «Потемкина» и «Очакова», складывались новые боевые традиции экипажей надводных кораблей, подводников, морской пехоты, морской авиации. Тогда зарождалось и наше советское военно-морское искусство, получали закалку и опыт кадры будущих советских флотоводцев.

— Известно, что вскоре после гражданской войны М. В. Фрунзе, возглавлявший Народный комиссариат по военным и морским делам, написал в одной из своих статей: «Флота у нас нет». Чем были вызваны эти горькие слова, что стояло за ними?

— Эти слова из статьи, которую М. В. Фрунзе написал в то время для журнала «Красный флот». Статья оценивала состояние флота после гражданской войны.

Вооруженные Силы молодой Советской республики добились всемирно-исторической победы, разгромив белогвардейцев и интервентов. Но оставалась постоянная опасность со стороны империализма. Важно было всемерно укреплять оборону Советской страны, поднимать боеспособность армии и флота.

А флот в то время оказался в крайне тяжелом положении. За предыдущие семь военных лет истощились все запасы, разрушилось базовое хозяйство. Корабли требовали ремонта, они безжизненными громадами возвышались около захламленных, полуразрушенных причалов. На Черном море, Севере и Тихом океане корабельных сил фактически не было. Иностранные интервенты увели с Черного моря и Севера 3 линкора, 10 крейсеров, 64 эсминца, 30 подводных лодок и большое число вспомогательных судов.

Все это и стояло за действительно горьким признанием М. В. Фрунзе.

Партия и правительство, весь советский народ предприняли в те годы героические усилия, чтобы возродить флот. Мы не имели тогда возможности строить флот на всех морях, поэтому его восстановление началось на Балтийском море, а несколько позднее и на Черном.

Эта работа приняла особую организованность и размах после X съезда РКП(б), специально рассмотревшего вопрос о флоте. По решению ЦК РКСМ, одобренному ЦК партии, в январе 1923 года по всей стране была проведена Неделя Красного Флота, прошедшая как большая военно-политическая кампания. По совету В. И. Ленина V Всероссийский съезд РКСМ в октябре 1922 года принял решение об установлении шефства над флотом.

Ремонтировались корабли. Открывались военно-морские учебные заведения. Уже в 1922—1923 годах в состав действующих кораблей Балтийского флота вошли после восстановления линкор «Петропавловск», крейсер «Аврора», 8 эсминцев, 9 подводных лодок, 20 тральщиков и другие корабли. Началось возрождение и Черноморского флота. Регулярно стали проводиться учения и маневры.

Осенью 1925 года М. В. Фрунзе посетил Балтийский флот и участвовал в учебном походе эскадры во главе с линкором «Марат». В статье «Балтийский флот и комсомол», написанной на борту этого линкора, М. В. Фрунзе с гордостью отметил, что «Советская республика флот уже имеет».

К 1928 году восстановление флота было закончено. Но ему требовались новые корабли. Возможность строить их появилась тогда, когда наш народ, отказывая себе во многом, создал отечественную индустрию. В течение первых двух пятилеток со стапелей сошло 500 новых кораблей различных классов. Росла и совершенствовалась морская авиация, укреплялась береговая оборона. В начале 30-х годов создаются два новых флота — Тихоокеанский и Северный. Таким образом, всюду, где берега нашей Родины омываются морями, флот встал на свою вахту. В его составе накануне Великой Отечественной войны насчитывалось около 600 подводных и надводных кораблей, оснащенных техникой и вооружением высокого качества. На флоте поддерживалась высокая боевая готовность. Внезапные удары немецко-фашистских сил в июне 1941 года наш флот встретил организованно. Ни в одной базе в первый день войны мы не понесли потерь.

— Какие задачи пришлось выполнять флоту в Великой Отечественной войне?

— В годы войны главная задача флота состояла в том, чтобы помочь Красной Армии разгромить врага, прикрыть ее упиравшиеся в море стратегические фланги от ударов противника, обеспечить безопасность своих морских сообщений, а также наносить удары по коммуникациям противника, по приморским флангам его сухопутных войск. Эти задачи наш флот решал и совместно с войсками Красной Армии и путем самостоятельных операций. Боевые действия флота велись непрерывно с величайшим напряжением на море, в воздухе, в прибрежных районах. Военные моряки всюду сражались с большим мужеством и доблестью.

Возьмем балтийцев. Они покрыли себя бессмертной славой в боях у стен Лиепаи, Таллина, Ленинграда, героически обороняли Ханко, Моонзундские острова. Подводники Балтики в тяжелом 1942 году прорывались через плотные минные заграждения в Финском заливе и топили корабли врага на путях его сообщений. А в период наступления балтийцы дошли с боями до польских, германских и датских земель.

Черноморцы проявили величайшую доблесть в обороне Одессы и Севастополя, в битве за Кавказ, бесстрашно ходили в десанты. Свою военную судьбу я разделял с ними, был свидетелем многих подвигов целых экипажей и отдельных моряков, был причастен к действиям знаменитой морской пехоты, которую враг окрестил «черной смертью», испытывая перед ней панический страх.

Североморцы, воюя в суровых условиях Заполярья, крепко стояли на скалистых прибрежных рубежах. Экипажи подводных и надводных кораблей Северного флота, преодолевая множество трудностей, активно действовали на своем обширном морском театре, топили корабли врага, обеспечивали проводку очень важных для нас конвоев.

За время войны силы нашего флота потопили более тысячи боевых кораблей, вспомогательных судов и катеров фашистской Германии, значительную часть ее торгового флота. Это говорит о больших масштабах вооруженной борьбы, развернувшейся на морях. Свой вклад в победу внесли также моряки речных военных флотилий. Свыше полумиллиона посланцев флота участвовало в боевых действиях на сухопутных фронтах.

Кстати сказать, среди этих моряков было много тихоокеанцев. Они громили врага под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге. Тихоокеанцы затем проявили отличные боевые качества в войне с империалистической Японией.

Партия и правительство высоко оценили боевые заслуги Военно-Морского Флота. 513 морякам было присвоено звание Героя Советского Союза, а семеро из них удостоились этого звания дважды. Все наши флоты, Ладожская, Днепровская, Дунайская и Каспийская флотилии, а также свыше двухсот соединений, частей и кораблей стали орденоносными. 85 кораблей, частей и соединений преобразованы в гвардейские.

Мы с гордостью говорим, что Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне до конца выполнил свой долг перед Родиной.

— Теперь вопрос о нашем нынешнем флоте. В начале беседы вы сказали, что он претерпел большие изменения. Чем они вызваны и в чем они выразились?

— От окончания войны с фашизмом нас отделяет немногим более двух десятилетий. В историческом плане срок небольшой. Но если кто-нибудь из военных моряков того времени побывает сейчас на флоте, многое вызовет удивление. Он будет искать глазами знакомые корабли и вряд ли найдет их.

Правда, он может услышать известные ему овеянные боевой славой

корабельные имена: «Гремящий», «Сообразительный», «Туман», «Красногвардеец»... На флоте есть хорошая традиция передавать имена заслуженных кораблей, так сказать, по наследству. Но во внешнем облике нынешнего, скажем, «Гремящего» и называвшегося так же гвардейского эсминца, который славно воевал на Северном флоте, нет ничего похожего. Новый корабль несет мощное ракетное оружие, способное точно поражать противника на огромной дистанции, в его техническом оснащении широко использованы современные средства радиоэлектроники и автоматики, он обладает большей мореходностью и автономностью плавания.

Такие сравнения можно сделать по кораблям всех классов. И они покажут, что боевые качества нынешних кораблей, их боевые возможности неизмеримо выше, чем у предшественников.

Предыстория происшедших на флоте изменений вкратце такова. Да, мы одержали в Великой Отечественной войне победу огромного значения. Итоги войны убедительно показали, что в мире нет таких сил, которые смогли бы поставить на колени наш народ. Агрессорам был дан суровый урок. Но этот урок не хотят учитывать новые претенденты на мировое господство — американские империалисты. После разгрома фашизма они стали сколачивать направленные против нас агрессивные военные блоки, стремились окружить лагерь социализма сотнями военных баз. В планах новой войны против нас империалисты стали отводить значительную роль основных ударных сил военно-морским флотам США, Англии и других капиталистических стран. Дело шло к огромной, небывалой концентрации ударной мощи в сфере действий флотов.

Нам нельзя было спокойно взирать на это. И, укрепляя свои Вооруженные Силы, мы были обязаны развивать свой Военно-Морской Флот.

Грандиозные успехи советской науки и техники позволили нам создать новые, мощные средства вооруженной борьбы, такие, как баллистические ракеты и ядерное оружие. На флоте широко внедрялись средства радиолокации и гидролокации, электронная аппаратура. В начале пятидесятых годов отечественная промышленность разрабатывает первые корабельные ядерные энергетические установки и начинается строительство атомных подводных лодок.

В это время, как и всегда, флоту уделяли большое внимание Центральный Комитет партии и Советское правительство. На основе их решений был взят курс на то, чтобы в короткий срок создать вполне современный океанский флот, в полной мере отвечающий требованиям ракетно-ядерной войны. Такой флот теперь создан и продолжает развиваться.

В его состав входят подводные лодки-ракетоносцы с атомными энергетическими установками, ракетные надводные корабли, морская ракетоносная авиация, высокомобильная морская пехота и береговые ракетные войска. Мы имеем теперь корабли с большой автономностью плавания, неограниченной мореходностью, способные наносить мощные удары по противнику, защищать свои объекты с океанских направлений. Все это поставило флот в разряд сил, которые могут выполнять стратегические задачи наступательного характера.

— Новые корабли, новые задачи... Значит, изменились и требования к военным морякам, к людям флота!

— Безусловно. Наш народ знает, что, например, советские атомные подводные лодки неоднократно ходили под вековыми льдами к Северному полюсу, что совершен беспримерный групповой поход атомных подводных лодок вокруг света без всплытия на поверхность. Известны и другие дальние плавания наших кораблей. Они представляют большое испытание для военных моряков, предъявляют к ним гораздо более серьезные требования, чем плавания в прибрежных водах.

Между прочим, в создании современного океанского флота, помимо чисто технических вопросов, нам пришлось решать сложную задачу переориентировки кадров флота. Они должны были понять, что в будущей войне, если ее развяжут империалисты, главные события на море развернутся не у наших берегов, а на океанских просторах. Всему личному составу флота следовало получить необходимую закалку для длительного пребывания в океанах, научиться нести свою службу, проявлять бдительность, инициативу, расчетливость и выдержку. И эти качества наши военные моряки сейчас проявляют повседневно.

Наши подводные лодки и надводные корабли постоянно находятся в дальних походах в различных морях и океанах. Их экипажи смело борются с непогодой, совершенствуют свою морскую и специальную выучку, умело управляют могучими кораблями, мастерски владеют современным оружием и сложнейшей техникой.

Хотелось бы особо отметить службу личного состава кораблей, находящихся в Средиземном море и выполняющих ответственную задачу по обеспечению государственных интересов Советского Союза в этом районе. Матросы, старшины и офицеры этих кораблей проявляют лучшие качества, присущие советским воинам, демонстрируют большую выдержку, высокую боевую готовность.

Военные моряки нынешнего поколения отличаются от своих отцов и старших братьев гораздо более высоким уровнем технической подготовки. Свыше 90 процентов корабельных офицеров имеют высшее образование. Вот уже несколько лет все выпускники военно-морских училищ получают дипломы инженеров. Большие технические знания нужны также матросам и старшинам. Нам удается успешно справляться с их подготовкой, так как на флот теперь приходит грамотная молодежь, как правило, с десятилетним или техническим образованием. Это люди замечательные, не жалеющие сил для службы Родине. И не случайно сейчас на флоте более половины матросов и старшин — отличники боевой и политической подготовки, около 70 процентов — классные специалисты.

Минувший юбилейный год принес нам особенно большие успехи. Все военные моряки, выполняя взятые на себя социалистические обязательства, стремились ознаменовать 50-летие Советской власти отличным проведением плаваний, отличным решением любой задачи. И налицо повышение результативности ракетных, торпедных и артиллерийских стрельб, рост боевого мастерства всех категорий личного состава.

Заслуживают быть отмеченными успехи подводников, летчиков Краснознаменного Черноморского флота, экипажей надводных кораблей. Среди лучших из лучших те, кто завоевал накануне 50-летия Октября Памятные знамена ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР. Это уже упоминавшиеся мною подводники, и в частности экипаж атомного подводного корабля под командованием капитана 3-го ранга В. Дрондина, ракетный подводный корабль, где командиром капитан 1-го ранга А. Катышев, а также ряд других частей и кораблей.

Сейчас на всех наших Краснознаменных флотах идет новая волна социалистического соревнования, поднятая подготовкой к 50-летию Вооруженных Сил. Несомненно, что она принесет нам свежие вести о достижениях военных моряков.

Советский Военно-Морской Флот, как один из видов наших Вооруженных Сил, зорко стоит на страже Отчизны и готов выполнить любой приказ Коммунистической партии и Советского правительства.

Григорий КОТНИЦКИЙ,
капитан 3-го ранга

Старые форты

Земля, пропитанная кровью:
Здесь каждый метр
в сраженье взят...
Седой Кронштадт!
К нему с любовью
Матросы устремляют взгляд.

Стоит он грозною твердыней,
Щитом надежным от врагов...
Былую славу и поныне
Хранит немой бетон фортов.
Они лежат дугою лука,
Кронштадт — по центру,
как стрела
На тетиве.
Все годы туго
Она натянута была.
Глядел форт Риф:
«Когда Толбухин
Даст нам тревогу на посты?»
Стояли в битвах,
друг о друге
Заботясь бережно,
форты.
Стреляли Обручев, Тотлебен
И все другие островки...
И ни водою
и ни в небе
Здесь не смогли пройти враги.
Форты долг выполнили честно,
Служил отважный здесь народ...
Былая слава повсеместно
В делах сегодняшних живет!

Кронштадт.

●

Валентин
Владимирович
ОВЕЧКИН

Умер талантливый писатель Валентин Владимирович Овечкин, чье творчество широко известно и любимо в нашей стране и за рубежом.

Валентин Владимирович был признанным мастером повести и рассказа. Его военная повесть «С фронтовым приветом», так сразу обратившая на себя внимание, и поныне пользуется успехом. Особое место занимает творчество Валентина Овечкина в развитии советского художественного очерка — этого боевого жанра нашей литературы. Правдивые, остро проблемные его книги о деревне — «Районные будни», «Трудная весна», «Очерки о колхозной жизни» — стали заметным литературным явлением.

Его знание жизни современной деревни было поистине глубоким и всесторонним. Партийная страстность, высокая гражданственность, сыновняя любовь к земле и ее труженикам — все эти качества писатель пронес через долгую, тридцатилетнюю литературную деятельность.

Заслуги выдающегося писателя высоко оценили партия и правительство, наградив его двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Память о Валентине Владимировиче Овечкине, большом писателе и гражданине, всегда будет жить в сердцах любителей советской литературы.

Э. Окас (Таллин). НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЗАВОДА.

И. Клычев (Ашхабад). ПРАЗДНИК УРОЖАЯ. Центральная часть триптиха.

РЫЦАРЬ ПОДВОДНЫХ ГЛУБИН

М. КОРЕНЕВСКИЙ,
капитан 2-го ранга

Согласитесь, это все-таки редкая для журналиста удача — с расстояния в один — три метра своими глазами увидеть подвиг, проследить его от начала до конца по суткам, часам, минутам и секундам. Мне такая удача однажды выпала. Перед дальним плаванием на атомной подводной лодке познакомился с ее командиром — тогда еще капитаном 2-го ранга Юрием Александровичем Сысоевым, по отзывам старших, очень способным, волевым флотским офицером. Но после того плавания обыкновенного Сысоева уже не было, а был общепризнанный подводный ас Герой Советского Союза Ю. А. Сысоев, чье имя теперь широко известно. Беру недавно с прилавка книжку чешского журналиста Станислава Бартля «Атом в Арктике», открываю наугад. Портрет во всю страницу. Сысоев! Вспоминаю 29 сентября 1963 года — день кульминации сысоевского подвига. Вот как это было.

...Преодолев под ледяным черепом планеты нелегкий путь, боевой глубинный атомоход поднимается к последнему, девяностому градусу северной широты. С тем излишним спокойствием, которое выдает глубокую взволнованность, штурман докладывает командиру: до Северного полюса остается одна миля. Кто-то вполголоса шутит: надо немного отвернуть от курса, чтобы земную ось не погнуть.

— Проходим полюс! — доносится из штурманской рубки.

— Проходим полюс! — бросает в микрофон инженер-механик, и ему тут же приходится приглушить динамик, дабы не лопнул он от ликующего ответного «ур-ра», хлынувшего в центральный пост из всех отсеков.

В следующую секунду командиру поступает неожиданный доклад: над нами тонкий лед. Видимо, полярные течения вынесли на полюс льдину со свежезамерзшей полыньей. Сысоев приказывает возвратиться к полынье, которую мы уже проскочили, пробить тонкий лед.

Здесь я должен сделать небольшое пояснительное отступление. Подводники бывали на Северном полюсе и до нас, выходили из-под льдов совсем рядом с полюсом. Но всплыть точно на пересечении меридианов не удавалось пока никому, а у нас появилась именно такая возможность, и она была очень заманчива. Нет, речь тут не о рекорде. Досадную ошибку допускает в интересной книжке мой чешский коллега Станислав Бартль, когда пишет, что достижение полюса является вопросом национального престижа, спортивного честолюбия или естественного человеческого стремления завоевывать вершины, а в остальном-де его значение мало чем отличается от значения других областей Северного Ледовитого океана. В том-то и дело, что отличается! Ну, скажем, хотя бы тем, что точно на полюсе прекращается центробежная сила нашей планеты, ибо там относительная скорость вращения Земли равна нулю. Это уже не романтика и не спорт. И на описание таких особых примет полюса не хватило бы десятка страниц. Так вот, если удастся сейчас Сысоеву поднять корабль по земной оси точно к пересечению меридианов, самописцы многих приборов вычертят на лентах причудливые кривые, которые расскажут о нашей планете чуть больше, чем было известно людям до сих пор.

Но это очень и очень не просто — с большой глубины точно попасть в окошко там, наверху. Ошибешься на метр — хорошего не жди. Описывая свой маневр подобного рода, командир американской подводной лодки «Скейт» Джеймс Калверт вспоминает, как он невольно напряг все мускулы в ожидании сильного удара, который мог означать катастрофу.

Цитируя Джеймса Калверта, не хочу бросить на него тень: блестящие способности американского офицера-подводника, как и его завидное самообладание в критические минуты, неоспоримы. Однако, говоря совершенно объективно, куда большей степени восхищения достойно командирское мастерство Юрия Сысоева. Мы поднялись к ледяному куполу планеты, как в лифте, и не почувствовали даже малейшего толчка. Стальной подводный дирижабль плавно «приледнился» посреди полыньи, плотно окруженной торосами. В тот миг, отдавая последнюю команду, наклонил голову Сысоев и как-то подался плечами вверх, будто проламывал лед собственной силой...

...Интересно, где она сейчас, та наша льдина, на которой были тогда водружены Государственный и Военно-морской флаги СССР? И где теперь люди, что подледными путями доставили те флаги на полюс? Я не раз бывал потом на Северном флоте, слышал о них много хорошего, но повидаться нам все не удавалось. «Лодка Сысоева в океане,— отвечали мне,— вернется не скоро».

И вдруг узнаю, что Юрий Александрович по делам в Москве. Он теперь капитан 1-го ранга. Как не повидаться! Вот уж порасспрошу! О Геннадии Юферове — неугомонном политработнике, о Владимире Борисове — инженере с большой буквы, о Викторе Храмцове — подледном штурмане. От Борисова и Юферова как-то пришли хорошие весточки, да много ли они мне рассказали? «Дела идут нормально,— сообщал в обычной своей манере Владимир Иванович Борисов.— Как нас награждали, очевидно, знаете. Недавно пришлось много поработать...» «Пишу тебе примерно в такой же обстановке,— радовал новостями Геннадий Иванович Юферов,— какая была, когда ты в докторской каюте собирал в чемоданчик свои пожитки. Как и в тот раз, все хорошо. Еще больше возмужали, окрепли...»

Письма как письма. Но все-таки лучше разыскать самого Сысоева... Наконец нам удалось созвониться.

— Погоди минутку,— говорит Юрий Александрович.— В блокнот загляну, московское время надо по минутам расписывать, иначе ничего не успеешь.— Он назвал адрес, время и пояснил: — Поднимайся на самый-самый верх!

— На последний этаж, что ли?

— Еще выше. И не удивляйся неожиданной обстановке, я буду именно там.

Любит человек озадачить. Вводные, что дает он подчиненным в море, тоже очень часто содержат какую-нибудь неожиданность: привыкайте не теряться!

В назначенный день по дороге к месту встречи я невольно думал о Сысоеве и о других офицерах атомного корабля, с которыми познакомился и как-то сблизился на высоких широтах. Рыцари океанских глубин... Сысоеву после окончания академии предлагали довольно высокую штабную должность, а он попросил: дайте лучше атомную лодку! И о вояже Владимира Ивановича Борисова «в Крым и обратно», как дружески шутят все те же флотские остряки, ни в каких реляциях не упоминалось... Впрочем, это было уже после награждения Борисова орденом. Расскажу-ка подробнее. Долго вынашивал Борисов хрустальную мечту: вот сходим к Северному полюсу — и точка. Подам рапорт о переводе на преподавательскую работу. Наплавался вдоволь, десятки тысяч миль насчитали лаги. Вот и буду передавать опыт новым поколениям подводных инженер-механиков... В отделе кадров заминки не было: получайте, товарищ инженер-капитан 2-го ранга, предписание и отправляйтесь в Севастополь. В Высшее военно-морское училище. Обучайте курсантов.

После многих лет службы на Севере показалось Борисову, что попал в рай: солнечный город, теплое море. Почти каждый вечер — с семьей, не то что раньше, когда иной раз по месяцу и больше не видел жену и дочь. Теперь можно подумать и о диссертации.

А примерно через полгода получает Сысоев от Борисова письмо. Суть такая: милый дедушка, забери меня отсюда!.. Не дышится крымским воздухом, затосковал по Северу. Не от трудностей сбежать хочу, а просто убедился, что без корабельного «железа», без всех наших нет для меня жизни...

Сысоев и рад бы помочь, да ведь он не отдел кадров. Пиши, дружище, своим теперешним начальникам. Подай рапорт по инстанции.

Первый рапорт Борисова дальше начальника училища не пошел. На последующие уже из Москвы ответили: несерьезно, товарищ, сами в училище просились. И тогда решился Борисов обратиться с письмом к первому заместителю Главнокомандующего. Адмирал флота Владимир Афанасьевич Касатонов, читая письмо из Севастополя, конечно же, вспомнил инженер-механика с атомной. Когда командовал Северным флотом, не раз видел Борисова в деле. Даже в таком нелегком, как подледное плавание с неоднократным всплытием на высокой широте — в полыньях, среди торосов. И первый заместитель Главнокомандующего пометил для кадровиков на уголке письма-рапорта: «Верните офицера на Северный флот!» И снова доволен судьбою Борисов.

Награждали северных подводников за их славные походы, как фронтовиков-героев. У людей любой профессии есть свой передний край и свои тылы. В тылах тоже ведется нелегкая, необходимая работа. Но все-таки всегда и прежде всего самая горячая любовь народная обращена к людям переднего края. Это особые люди. В войну, едва выйдя из боя, они снова рвались на передовую. Они обманывали врачей и с незажившими ранами выписывались из госпиталей... У тех же подводников есть, разумеется, какие-то графики, какая-то очередность выполнения задач, требующих особого напряжения моральных и физических сил. Но график графиком, а жизнь жизнью. На выполнение особых заданий посылают тех, кто более подготовлен. И люди атомного флота официально и неофициально состязаются во имя права взвалить на себя тяжелейшую ношу, чтобы заполучить труднейшее задание.

...С такими вот раздумьями ехал я на встречу с Юрием Сысоевым. Отыскал нужный дом, поднялся на последний этаж. Отсюда, если подниматься еще выше, путь оставался только на чердак. Что ж, будем действовать по вводной.

Загадочный чердак оказался мастерской художника А. Меркулова и скульптора И. Маркеловой. У большого окна, облокотившись на тумбу, стоял Сысоев. А под руками Ираиды Маркеловой возникал из глиняной глыбы другой Сысоев. Тот, другой, был похож и не похож на Юрия Александровича.

— Вот так,— смущенно улыбнулся Сысоев,— понимаешь, приказано позировать. Ну и работенка, доложу!

«Вот так,— мысленно повторил я.— Уже и скульпторы заинтересовались Сысоевым».

Осматриваюсь, отмечаю, что Юрий Александрович тут, можно сказать, в родной среде. Вон чуть поодаль — скульптурный портрет известного заполярного героя-подводника И. А. Колышкина, а рядом на картинах А. Меркулова — боевые корабли у стылых причалов, арктические пейзажи. Ловлю себя на мысли: удастся ли скульптору раскрыть характер Юрия? Знаю, возможности пластики огромны, а вот сомневаюсь. От зависти, что ли, от ревности ли, вызванной тем, что работают над портретом «моего» героя.

Нет, не стану завидовать. Все-таки ни мрамор, ни бронза не могут состязаться со словом. Как, скажем, расскажет ваятель, что трансполярное плавание Сысоева было не венцом его славных дел, а только началом? Что пожинать лавры подвига довелось ему главным образом на глубинах очень далеких меридианов? Сегодня, например, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Адмирал флота С. Г. Горшков вручил Сысоеву Золотую Звезду, а сутки спустя Сысоев ушел в океан. Не на неделю, не на месяц... И, надо полагать, был тот поход не менее сложным, чем предыдущий, если главком лично провожал подводников. О том плавании писал мне Юферов: «Еще больше возмужали, окрепли, стали опытнее». А когда Борисов писал, что «недавно пришлось много поработать»,— так это уже про следующий, не менее долгий и трудный поход... Вот такие они, лавры Сысоева. А парадная тужурка, на которой Золотая Звезда, висит в шкафчике, а командир все в походной спецовке... И тут я замечаю, что Маркелова лепит Героя в его рабочей одежде. О, кажется, уловила суть!

Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Ю. А. Сысоев.

Наконец скульптор дает Сысоеву передышку. Но какая там передышка, если у меня припасено столько вопросов! Ответы поначалу обескураживают. Оказывается, многие офицеры корабля, что поднимался на Северный полюс, переведены с повышением — кто в штаб, кто на преподавательскую работу, кто в адъюнктуру — диссертации писать. Некоторые просто на учебе в больших городах. Как же выдержать мне тему стремления героев очерка на передний край?

— Видишь ли,— выручает Сысоев,— мне кажется, в наши дни передний край не географией определяется. И не должностью и не классом корабля. Таких, как Храмцов, Юферов, Борисов, куда ни пошли, они все равно найдут для себя передний край. Это ведь в самом человеке...

Ираида Васильевна всем своим видом показывает: время перекура вышло! Сысоев с тяжким вздохом снова становится за высокую тумбу, облокачивается на нее. Словно на штурманский столик. Словно ждет результатов только что произведенного ракетного залпа из морских глубин. Словно далеко в океане слушает из Москвы последние известия.

Их было пять человек, одеты они были одинаково: синие, тонкого дорогого сукна поддевки и шаровары, заправленные в лакированные, с высокими голенищами сапоги; белые шелковые косоворотки, подпоясанные красными плетеными шнурками.

Находилась эта пятерка у вешалки ресторана «Серебряный якорь», представляла собой артель со взаимной ответственностью, что, понятно, означало: один за всех, все за одного. И, следовательно, доходы и убытки делили они между собой поровну. Впрочем, вполне возможно, что старичок Иван Моисеевич получал немного больше других, так как считался старшим в артели, управлял остальными, делал им указания и замечания.

Ростом Иван Моисеевич, что называется, не вышел. Маленький, тщедушный. А так как все другие артельщики высокие, широкоплечие, рослые, то среди них выглядел Иван Моисеевич еще меньше, еще тщедушнее чем был на самом деле. Щегольской наряд — поддевка, лакированные сапоги — не то что не шел к нему, а, казалось, был надет на него сильно насмешливым человеком, и было поэтому во всем облике Ивана Моисеевича что-то ненастоящее, цирковое.

Иван Моисеевич был жесток и скуп. Стоило какому-нибудь официанту поссориться с другим официантом при дележе чаевых, как тот частенько замечал: «Иван Моисеевич тебе приснился? Все у другого хочешь отнять, все себе захватить? За копейку повесишься! Жила!» Когда на булыжном дворе ресторана вдруг обнаружился труп мирного, пышного и глупого кота Васьки, вначале показалось, что это рыжий Васька, сильно разжиревший за последнее время, поскользнулся как-нибудь на карнизе и упал вниз, но, когда увидели, что задние ноги кота связаны бечевкой, все поняли, что свершить такую жестокость — убить всеобщего любимца Ваську — мог только Иван Моисеевич.

Наверное, Васька чем-то не пришелся по душе Ивану Моисеевичу. И тут же вспомнили: не далее как вчера Васька в раздевалке, неудачно прыгнув, сбросил со столика чайник, из которого Иван Моисеевич собирался налить в стакан заварку. Чайник разбился, а Иван Моисеевич, собирая с полу осколки, подтирая тряпкой лужу, сказал, ни к кому в отдельности не обращаясь, но так, чтобы те, кто находился поблизости, слышали:

— Кот в ресторане должен на кухне безотлучно находиться для борьбы с мышами и крысами. А если кот по всем местам путешествует, то это уже не кот, а черт знает что.

Итак, и убытки и доходы артели делились поровну. Убытков, собственно, не было никаких. За все время моей работы на кухне «Серебряного якоря» я не помню, чтобы с вешалки что-либо исчезло и артели пришлось бы расплачиваться за это. Зато доходы были у артели, как тогда говорили, державшей вешалку в «Серебряном якоре», немалые. Жалованье от хозяина ресторана Петра Анисимовича Ямщикова артельщики не только не получали, а, наоборот, от себя платили Ямщикову тысячу рублей в год. Тысяча рублей! Деньги большие. Каковы же были доходы артели? Из чего они составлялись? Неужели из тех пятачков и гривенников, которые давали на чай посетители ресторана после того, как артельщик надевал на них пальто или шубу? Да, конечно, и тут собиралось ежедневно кое-что в кружке белого металла, с дыркой, в которую артельщик просовывал полученные за услуги от посетителей монеты. Но не это составляло главные, основные доходы артели, державшей вешалку в ресторане. Нет, не это.

— Так, так! — сказал шеф-повар Степан Степанович, остановившись около меня.

В это время я мочалкой тер большое блюдо, перед тем как поставить его под струю теплой воды, бьющую из медного крана прямо в огромный жестяной бак.

— Ты что это делаешь? — продолжал Степан Степанович, и на полном лице его с удивительно тонкими светлыми бровями появилось выражение крайнего удивления, а отчасти даже испуга...

Через мгновение мне все стало ясно. Оказывается, я вовсе не тер тощей мыльной мочалкой большое блюдо. Блюдо вполне неподвижно лежало на дне жестяного бака, а я мочалкой тер не что иное, как дно этого бака. Тер сильно, так как всегда работал, что называется, на совесть.

Степан Степанович коснулся моего плеча.

— Дядя, ты долго в молчанки собираешься играть?

Я молчал, так как знал, что если произнесу сейчас хоть слово, то разревусь. Обдумывал, как бы мне ухитриться и Степану Степановичу ответить и сдержать слезы, что уже рвались из глаз моих наружу. Степан Степанович, понимая, что с минуту нужно повременить, но не желая даром терять эту минуту, стал рассуждать.

— Кажется, чего парню этому не хватает? Все время к нему отношение. Если предвидятся приличные чаевые, шеф-повар сам направляет его с мороженым там или с кремом в богатые квартиры. А что в это время шеф-повар видит? Что получает он, этот дурак шеф-повар, взамен? Что? Ласковость? — Степан Степанович горько усмехнулся.— Ничего подобного! Преданность? Что вы, что вы! Только угрюмость и недружелюбие со стороны этого парня.— Степану Степановичу тут уже не на шутку стало жалко себя, и он присовокупил совсем жалобно: — Нет, вы найдите другого такого шеф-повара, в каком-нибудь еще ресторане, чтобы он последним мальчишкой интересовался, которому и всего-то доверено посуду на кухне мыть. Вы найдите!

Сейчас он уже обращался ко всему человечеству, он требовал справедливости. Полное лицо его так покраснело, что бровей-ниточек не стало уже видно: желтенькие, они не выдержали конкуренции с красным цветом, исчезли. Мне даже показалось, что они улетели.

И тут я почувствовал, что наступил момент, когда сумею сдержать слезы.

— Мать заболела,— сказал я.

— Мать, конечно, вообще,— сказал он.— Но тут у меня сочувствия не ищи, потому что я без матери с двух неполных лет остался и сам совершенно не в курсе дела, что такое мать. Но подозреваю, конечно, что тут со стороны детей и обратно любовь может быть большая и даже безграничная.

И вдруг он стал гневен.

— А ты чего ее хоронишь? — закричал он.— Это достойно, чтобы живого человека хоронить? Да? А вдруг накличешь?

Он помолчал и спросил:

Из цикла «Вторая столица»

Рассказ

— Лежит мать?

— Лежит, Степан Степанович! — Слезы полились из моих глаз.— От этого-то я и обмираю. Мать чтобы лежала без движений. Она, бывалоче, разбитая, слабая, а все поднимается и идет стирать на людей. А сегодня утром мне она говорит: «Сегодня я, Сережа, не встану, полежу день, может, завтра полегчает».

Степан Степанович внимательно поглядел на меня.

— Совсем убит ты, парень,— сказал он тихо.— Хорошо я вовремя явился, а то бы ты жестяной бак наш до дыр протер. Вот что: отпущу я тебя сейчас домой. Погляди, как там вообще. Потому что в данное время все равно ты не здесь, на кухне, а там, дома, присутствуешь. Тем более сестренки твои махонькие без присмотра.— Он с минуту подумал.— Я сейчас поднимусь в контору. Значит, я не буду находиться здесь при твоем уходе домой. Понятно тебе?

— Нет, Степан Степанович!

Константин ФИНН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Что нет, что нет? Дурак ты все-таки.

— Нет, Степан Степанович!

— Ну уж ты тут, пожалуйста, не спорь. Мне со стороны виднее.

Он опять с минуту помолчал.

— Разрешение кое-чего с кухни домой прихватить я тебе дать не могу. Строгий приказ хозяина Петра Анисимовича Ямщикова: в ресторане служащие могут кушать, но домой чтобы носить — ни-ни! Но что я вижу, то я вижу. А чего не замечаю, того не замечаю. Понял?

— Я не из-за вас не могу, Степан Степанович.

— Сам уж такой чересчур чистый?

— Нет, я не чересчур чистый, Степан Степанович...

— Может, мать и сестренки и не жрали сегодня ни черта... Мать тем более больная. Это родной сын называется? Да?

— Я именно из-за матери, Степан Степанович!

— Это как же понять?

— Я как-то гусиную ногу домой прихватил, сестренок побаловать!

Степан Степанович стал грозен.

— Украл, значит? Ты уж называй так, чтобы это было доступно пониманию!

— Она в двух местах надкусана была, нога эта гусиная.

— Все равно, согласно правил ресторана, это считается воровством.— Степан Степанович, кажется, абсолютно забыл, на что сам намекал мне с минуту назад.

— Вот мне за эту гусиную ногу от матери и попало, Степан Степанович! Ударила она меня по лицу. «Не обижайся,— говорит,— я делаю только то, что покойный отец сделал бы. Он бы именно так одобрил твой поступок. Мы рабочие люди, значит, нам ничего не предстоит. Но мы ворами не были и никогда не будем!»

— Вон какая она у тебя,— почтительно произнес шеф-повар.

Теперь он с интересом оглядывал меня, точно впервые увидел.

— Гордое у вас семейство. Я к тебе приглядываюсь, ты в мать-отца! Самолюбие из тебя прямо так и прет.

Он помолчал.

— К бухгалтеру я идти передумал. А ты отправляйся домой. Вот возьми два пятиалтынных... до получки. Принеси чего-нибудь домой.

Через минуту, когда я уже был у двери, он сказал не то мне, не то самому себе:

— Запутались мы! Ах, как же ужасно мы запутались! И плохое и хорошее пошло у нас вперемешку. А что к чему, нам объяснить некому. Тычемся, тычемся... На, держи еще гривенник, и уйди ты с глаз моих поскорее. Глядя на тебя, я еще больше расстраиваюсь. Потому что не могу понять, зачем ты на свет родился, для какой именно цели? Христос — тот распятый на кресте, гвозди в руки забиты; картина ужасная, но все понятно. А мы тоже распятые, без гвоздей, но распятые. И ничего не понятно. Один живет, а сотни, тысячи мучаются. Для чего ж тогда эта шарманка крутится и какие песни она играет?

Я вышел из ресторана, позвякивая монетами, полученными мною от Степана Степановича, как вдруг получил удар в бок: молодой артельщик оттолкнул меня от коляски, куда его товарищи усаживали мертвецки пьяного человека в светло-сером пальто.

— Все в полном порядке, господин Милов! — говорил один из артельщиков пьяному человеку, а сам в это время шарил в одном из карманов светло-серого пальто. Он нашел там пятирублевую бумажку и засунул в карман своей синей поддевки. Другой артельщик, помогавший пьяному человеку поудобнее усесться в коляске, тоже что-то уже прятал себе за пазуху.

До кухни нашей иногда доходили слухи о громких кутежах и безудержном пьянстве Милова. И еще о том, что он не в пример многим другим купцам в эти годы, предшествующие первой мировой войне, уже давно сменившим поддевки на пиджаки, новшеств никаких не признавал, а жил, что называется, по старинке, как деды и прадеды жили. Правда, поддевку и Милов уже не носил, но вместо лакированных туфель-лодочек на ногах его были сапоги, поверх голенищ которых болтались полосатые брюки — непременная принадлежность визитки или смокинга.

— Вы что это делаете? — закричал я артельщикам.

Но они не удостоили меня вниманием, и, только когда коляска с пьяным покатила по улице, молодой артельщик, тот, от которого я получил удар в бок, сказал мне:

— А ну-ка сыпь отсюда! Живо!

Я бросился к швейцару.

— Федор Матвеевич,— задыхаясь, проговорил я,— наши артельщики только что человека обокрали!

— Не лезь, парень, не в свои дела,— посоветовал он мне.— Не лезь! — Он усмехнулся.— А у господина Милова, Николая Прокофьевича, сколько ни воруй, все равно столько останется, что нам с тобой и во сне-то никогда не увидать. Крупнейший купец. Пенька... канаты... на всю Россию. На Первой Мещанской улице такой особняк, что любому дворцу не уступит.

Лоб у швейцара был выпуклый, широкий, и фуражка с золотым галуном и лакированным козырьком казалась как бы естественным продолжением величественного его лица, окаймленного густой рыжей бородой. За эту бороду да еще за пухлые, похожие на подушки щеки и ценил его Петр Анисимович Ямщиков.

— Рыжих на свете хватает,— говаривал наш хозяин,— но такой рыжины, как у моего швейцара, еще поискать. Да вряд ли и найдешь.

Сам Федор Матвеевич тоже нисколько не сомневался в своей большой ценности.

— С моей внешностью,— говорил он,— меня любая фирма — с распростертыми объятиями. Я для фирмы украшение. Я зависть у многих к Ямщикову возбуждаю. Переманивают. Это ж вполне понятно. Кому же не хочется, чтобы такая личность, как моя, в ливрее с галунами у дверей находилась?

Был Федор Матвеевич человеком добрым, глядел на меня с сожалением и совет «не лезть не в свои дела» давал чистосердечный.

И, как оказалось впоследствии, совет этот был вполне правильным.

На другой день по дороге на Первую Мещанскую улицу в голове моей бродили очень приятные мысли. Я ясно представлял себе, как купец Милов скажет мне:

«Молодец! Хороший парень! Ах они мерзавцы, артельщики! Они давно у меня на подозрении. Неужели они карманы мои обшаривали? За твой поступок, мальчик, за то, что ты пришел ко мне с откровенным своим рассказом, на возьми три рубля!»

«Нет, господин Милов, я отказываюсь. Копейки даже у вас не возьму!»

«Что ж, сам такой богатый?»

«Откуда же у нас богатство? Что вы? А сейчас так совсем беда. Мать захворала. Надеялась сегодня встать и идти на людей стирать. А ей хуже, чем вчера. Лежит пластом. Придется, видно, теперь только на мои деньги жить. А что я получаю в «Серебряном якоре»? Четыре рубля в месяц. На хлеб даже не хватит».

«Тем более возьми трешку!»

«Нет, не возьму. Если я приму благодарность вашу, то это что будет означать? Что я потому отпросился в ресторане на час, потому и пришел, чтобы именно эту благодарность получить. А я пришел чистосердечно. Я воровство ненавижу».

Особняк Милова на Первой Мещанской улице я нашел без труда. Конечно, швейцар Федор Матвеевич преувеличивал, когда утверждал, что этот особняк любому дворцу не уступит. Двухэтажный, белого матового камня дом был хороший, но какой-то пузатый, чем немного напоминал человека, открывшего мне дверь, после того как я не без страха нажал кнопку звонка.

— Я брат хозяина,— сказал пузатый, как-то не произнося, а проплевывая слова.

Он хотел еще что-то добавить, но качнулся, чуть не упал, и тут я увидел, что он сильно пьян.

— К брату ты не ходи,— посоветовал он мне, чудом удержавшись на ногах.— Николай Прокофьевич сегодня в чувствах.

— Это я понимаю, почему,— проговорил я.— Причина эта мне очень даже известна. Вот я и пришел именно для того...

И тут в полутемной передней раздался голос самого Николая Прокофьевича:

— Кто это тут разговоры разговаривает?

В противоположность брату своему Николай Прокофьевич был худощав и поворотлив. Держался он как-то странно, точно ожидая, что его вот-вот могут ударить; поэтому он то приближался к собеседнику, то отступал от него. Скажет несколько фраз — и шага два назад, потом опять приблизится.

Хотя я вчера видел Николая Прокофьевича вечером, а сейчас передняя освещалась только светом, проникавшим в нее через широко распахнутую дверь, я бы сразу узнал его. Уж очень велики были его уши, тяжелые и мяси-

стые, точно с трудом удерживающиеся — вот-вот шлепнутся об пол — на узкой голове.

Он внимательно оглядел меня и сказал:

— В комнаты я тебя не пущу. Ты еще, по-моему, рылом не вышел для этого. И почему ты вообще прешься через парадный ход, когда для таких имеется черный?

Он обернулся к брату:

— А ты, дурак, почему ему это не объяснил?

Но ответа не получил, так как пузатый уже спал, растянувшись на полу, бодро похрапывая.

— Ну, а тебе что надо? — спросил меня Милов, приблизившись ко мне вплотную.

— Вы вчера были в ресторане «Серебряный якорь»?

— Ну, был. А тебе какое до этого дело?

Милов отступил на несколько шагов от меня.

— Я лично наблюдал, как артельщики, ну те, что у вешалки стоят, вас в экипаж усаживая, карманы ваши очистили.

Затаив дыхание, я ожидал, что сейчас именно и произойдет то, о чем я с надеждой думал по дороге сюда. Сейчас я услышу от купца: «Молодец, хороший парень...»

Но услышать мне пришлось нечто совсем иное.

— Лично он наблюдал! — Николай Прокофьевич тоже, как и брат его, не произносил, а как-то проплевывал слова. Это было, очевидно, у них семейное.— Ишь, какой сыщик нашелся. Ну, спасибо вам, ваше благородие! — Он низко поклонился мне.— Так вы мне услужили, даже не знаю, чем благодарить.

Милов приблизился ко мне.

— Сукин ты сын, вот ты кто!

Тут уже я попятился от него.

— Подлец высшей марки! Потому что без приглашения не в свои дела лезешь! А у меня, может, по карманам пальто специально деньги были положены для артельщиков, для ихнего воровства? Тогда как? А ты прибежал ко мне, надеялся, что я тебе благодарность выложу за то, что ты такой наблюдательный?

Милов отступил от меня и показал мне кукиш.

— На-кось выкуси! Пинькертон сопливый. Я, когда перепиваю, прихожу в настроение. Понял? А остановиться, не пить больше, чем следовает, не могу, не дано мне это. А придя в настроение, начинаю все сокрушать на своем пути. И зеркала, и люстры, и людей. Во что мне это раньше обходилось? В большие тыщи. Мелочь какую-нибудь стукнешь по носу, чиновничка с почты, а он за мирное разрешение вопроса норовит с тебя побольше содрать. У меня даже адвокат специально пьяные мои дела легулировал за триста рублей в месяц жалованья. А теперь, чуть я впадаю в настроение, артельщики меня вытаскивают, усаживают в мой экипаж, иногда даже по шее меня стукнут для некоторого отрезвления. А что ж тут такого? Раскладываю я для них по карманам трешками и пятерками, ну, рублей тридцать, от силы сорок. Так какие же мне тыщи экономит то, если я вовремя извлечен и домой отправлен!

Милов приблизился ко мне.

— А ты, значит, честность свою показываешь?

Я наконец решился произнести несколько слов:

— Разве воровать хорошо, господин Милов? Отец и мать моя — рабочие люди — даже били меня за воровство.

— И правильно делали. Вам воровать нельзя! Ох, плохой ты парень! Вредный! Ненавистный! Ненавистный-то ненавистный, а прибежал все-таки у купца первой гильдии «на чаишко» схватить!

И тут гнев, такой, какого я еще в жизни своей не испытал ни разу, овладел мной. То ли полное и даже вопиющее несоответствие того, что происходило сейчас в этой полутемной передней, с мечтами моими, когда шел сюда, к Милову, то ли уж слишком последние дни был я напуган болезнью матери, только, с трудом узнавая собственный голос, я закричал:

— Не нужен мне ваш «чаишко»! Хотите, я вам «на чаишко» дам? Хотите?

И тут, уже ничего не видя перед собой, кроме белого тумана, удивляясь себе, познавая себя и удивляясь поэтому еще больше, я вынул из кармана штанов пятачок и бросил. Когда он стукнулся об пол, мне показалось, что кто-то другой бросил монету. Это был, как я теперь понимаю, один из тех моментов, поразительных и даже чудесных, когда человек как бы впервые по-настоящему знакомится сам с собой, открывает в себе то, о чем он и не подозревал раньше.

Но вот тот, кто незримо присутствовал в передней Милова и с чьей помощью я бросил свой пятак на пол, покинул меня. Я, Сережка Малышев, остался один-одинешенек, а купец наступал на меня.

Он поднял мой пятачок с пола, но не отдал мне.

— Смотри, пробросаешься,— сказал он, подкинув пятачок на ладони.— Деньги небольшие, а что ж, я возьму! Если дают, надо брать!

И он опустил мой пятак в карман своих брюк.

— Отдайте,— попросил я.— У меня ни копейки больше нету!

— А заплакать ты можешь?— спросил Милов, отступая от меня.

«Надо заплакать,— подумал я,— иначе он не отдаст пятачок последний.— И вдруг меня пронизала мысль, что вот уже некоторое время приходила в голову: — А вдруг матери уже нет в живых и я и сестренки мои — круглые сироты... Что же мы будем делать без нее? Как же так: за полтора года чтобы и без отца и без матери остаться?»

И слезы вот-вот должны были брызнуть из моих глаз. Но тут я услышал голос мамы:

«Не плачь, Сережка, не унижай себя. Черт с ним, с пятачком этим! Не плачь! Не велю я тебе плакать».

Милов переспросил:

— Можешь заплакать?

— Нет, не могу!— ответил я, с трудом сдерживая слезы, так как в тот момент думал о маме. А мама, словно чувствуя, что слезы все-таки вот-вот покатятся из глаз моих, опять сказала мне: «Не плачь, не плачь, сынок!»

«Была бы только жива!»— сказал я ей мысленно.

И обратился к Милову:

— Не буду я плакать!

— А ты попробуй! Если получится, держи тогда свой пятачок.

Он приблизился ко мне, а я подумал:

«А может, врезать ему по морде или оборвать эти красные уши? Ой, посадят! А как же тогда мать, сестренки?»

— Значит, слез не будет?— спросил Милов. И, не дожидаясь ответа, добавил:— Ну, черт с тобой! Я сегодня добрый! Тем более, я так прикидываю, что тебя большие слезы в недалеком будущем ожидают. На, держи твой пятачок и брысь отсюдова!

Николай Прокофьевич Милов не ошибся. Большие слезы ожидали меня этим вечером.

Артельщики били меня, перебрасывая друг другу: один ударит и толкнет, сосед его подхватит меня, бьет и тоже отталкивает от себя. Падая, я тыкался носом в лакированные сапоги, которые орошал своей кровью. А может, кровью и испачкал какую-нибудь синюю поддевку. Оглушенный ударами, перед тем как потерять сознание, я явственно слышал над собой не по летам звонкий голосок Ивана Моисеевича.

— Господа, господа!— взывал он к артельщикам.— Не увлекайтесь! Прошу вас! Бить — это сколько угодно! Убить — не дай бог! Суд! Неприятности! Парень гадкий! Очень гадкий! Но прошу вас, не переборщите! Не такие у нас с вами дела, чтобы еще падаль вблизи наших дел обнаружилась. Бейте аккуратно, внимательно не бейте! Но и без уродства! За уродство он сдерет. Уродство артели денег будет стоить.

И вот голосок этот не то что исчез, а как-то погас надо мной. Но тут же вернулся. Сейчас он напоминал жужжание большой неутомимой мухи. Она то летала надо мной, то скрывалась, а я уже так привык к ее жужжанию, что, когда оно, стихая, исчезало, искал его, открывал глаза, и тут я видел мать у моей постели, сестренок, с испугом глядящих на меня. Иногда, открывая глаза в поисках мухи, я видел мать, стоящую на коленях перед маленькой иконкой, что мерцала в углу, то ли оттого, что на нее падал солнечный луч, то ли потому, что перед ней была зажжена тоненькая восковая свечка. Утро или вечер, день или ночь,— этого я не знал. Но наконец день, ясный летний день, приблизился ко мне, остался у моей койки, никуда не ушел. В свете его я видел нашу комнату, теперь уже неподвижную, такую, какой ей и надлежало быть. Стены ее не покачивались, давно не крашенный дощатый пол смирненько лежал на своем месте, а не изгибался по-кошачьи, как совсем еще недавно.

В свете этого дня я увидел сидящего у моей постели Степана Степановича. Я его сразу не узнал, так как привык видеть в колпаке, в грязноватом белом халате. Сейчас на Степане Степановиче был синий пиджак, надетый на розовую ситцевую косоворотку, с воротом, расшитым голубым крестиком.

— Ну вот, я ж говорил,— обратился он к матери,— еще немного, и очнется наш молодец-удалец.

Мать перекрестилась.

— Вера в вас сильно живет, Мария Осиповна,— сказал Степан Степанович.— Я сам крещусь.— Он невесело усмехнулся.— Но что-то все реже и реже. И не с прежней, надо сказать, охотой.

— Это потому, что вы без места, Степан Степанович,— с сочувствием произнесла мама.— От настроения это у вас.

Я даже приподнялся на своей койке.

— Ушли вы, значит, из «Серебряного якоря», Степан Степанович?

— Молчи уж ты!— строго прикрикнула на меня мать.— Именно из-за тебя Степан Степанович места лишился.

— Ну почему вы так рассуждаете, Мария Осиповна?— отозвался Степан Степанович.— К местам своим я всегда очень равнодушен, потому что у меня этих мест сколько угодно благодаря моему тонкому пониманию кулинарного дела. Тем более, вообще решил переехать в Харьков, там у меня брат меньшой, Игнат Степанович, в паровозных мастерских слесарем. Двое нас родных на всем белом свете, зачем же нам жить в отдалении друг от друга? А в Харькове этом ресторанов, что ли, нет? Конечно, то, что произошло, это не ха-ха-ха и не хи-хи-хи. И, безусловно, артельщики эти меня, останься я в «Серебряном якоре», как это говорится, подведут под монастырь. Но мог ли я, Мария Осиповна, пребывать в стороне и парня у них не отнять? Они же во вкус вошли и убить его могли.

— Такая уж вам благодарность за это, Степан Степанович, такая благодарность,— произнесла жалобно мать.

— Но, как выяснилось, Сережку наш швейцар Федор Матвеевич предупреждал: «Не лезь, парень, в эти дела». Степан Степанович обернулся ко мне:

— Действительно тебя предупреждали?

— Предупреждали, Степан Степанович.

— А ты даже внимания не обратил на добрый совет и стал капиталы купца Милова охранять.— Степан Степанович рассмеялся.— Чудачок ты, чудачок! Ты думаешь, артельщики эти только шубы и польты снимали с гостей? Как бы не так! Старичок ихний Иван Моисеевич — это охранка. Да. Служит он в этой тайной полиции, что политических вылавливает, ну тех, кто идут против царя и хозяев. И еще этот Иван Моисеевич в «Союзе русского народа» состоит. Не слыхал о таком? Это тоже все равно что охранка. Не отличишь. А ребята Ивана Моисеевича беспрекословно по его сигналам действуют. Там у них все смешалось на вешалке. Постороннему человеку и не разобраться: полиции служат, а сами краденое у себя сохраняют. В комнате при вешалке у них товары грабленые, меха, там и другие ценности срок свой пережидают, когда воры их без риска в другой город переправить смогут. Да что там много говорить: Иван Моисеевич, наверно, недели три в этой самой комнате при вешалке прятал известного взломщика несгораемых шкафов, «медвежатника», по преступному наименованию, Шастьева. Как ты думаешь, мало Шастьев артельщикам за это заплатил? Вот они какие, ребятки при вешалке. А ты перед ними за купца Милова заступился. А он, Милов этот, сам же им и рассказал, что ты к нему

на дом бегал. И просил купец артельщиков дать тебе науку построже...

Степан Степанович невесело усмехнулся.

— Вот ты чьим защитником стал! Может, еще хочешь попробовать?

Он обернулся к матери:

— А вы, Мария Осиповна, удивляетесь, что я все реже крещусь. Скоро, наверное, и совсем рука не поднимется.

— Вот что, Степан Степанович,— строго сказала мать.— Мы вам, конечно, очень благодарны за все, что вы для нас делаете. И за то, что Сережку вы у артельщиков отняли, и вообще за всю доброту вашу.— Тут она кинула взгляд на покрытый потертой, давно потерявшей свой первоначальный цвет клеенкой наш стол, на котором стояла сейчас бутылка молока, а на тарелках лежали кусочки сыра и колбасы.— Но такие слова ваши о боге,— продолжала она,— я слушать, Степан Степанович, не желаю, я верующая. И если вы не можете сдержаться, то лучше уходите от нас. Меня вы, конечно, не повернете, девчонки малы и ничего еще не понимают, но вот Сережка от вас наслушаться может. Но если он в вашу сторону станет склоняться,— тут она устремила на меня весьма красноречивый, не оставляющий никаких сомнений взгляд,— я об него не одну палку обломаю!

— Ох и суровая вы женщина!— сказал Степан Степанович, вставая со стула.

— Уж какая есть! Пока силы хватит, буду работать... А если не сумею, верю, что господь наш милостивый приберет меня. И детей моих он не оставит. Но ни воровать, ни с рукой на паперти стоять не буду никогда.

— Второе отчасти непонятно,— насмешливо отозвался Степан Степанович.— По вашим религиозным убеждениям, Мария Осиповна, почему же на паперти с рукой не встать? Паперть-то церковная! Верующие верующей копеечку в ладонь и опустят.

— Да, это не грех — перед богом подаяние принять,— сказала тихо мать.— Не грех! Но стыдно! Ах, как же стыдно!— Она закрыла на мгновение глаза, как бы покинула она сейчас нас, и мне, а может, и Степану Степановичу стало понятно, что мысли о церковной паперти, о нищенстве уже не раз приходили ей в голову. Она открыла глаза и сказала твердо:— И стыд этот, Степан Степанович, пережить невозможно.

Я уже несколько часов бродил по улицам, старался не пропустить малейшей возможности заработать. Но, увы, никому не требовалось что-нибудь поднести или послать меня с каким-нибудь поручением; словом, огромный город Москва в этот ясный летний день совсем не нуждался в помощи Сережки Малышева. Ну, а уж если так, по всей справедливости разобраться, то чем, собственно, щуплый этот паренек, еще не совсем оправившийся после зверского избиения, которое учинили ему артельщики ресторана «Серебряный якорь», мог помочь людям, что шли по улицам, ехали в трамваях и на извозчиках, наполняли пыльные бульвары? У всех было какое-нибудь дело, пусть даже маленькое, незначительное, один я был «без места».

Конечно, те, кто будет читать этот рассказ, не поймут, какие это были тогда страшные слова: «Без места». Это означало: человек без дела, без дыхания, почти уже и не человек он, а так, некое не нужное никому существо. Конечно же, не только я был в этот день в Москве «без места» и без всякой надежды найти таковое, а еще и много других людей, но как я мог думать о ком-либо в этот день, когда в доме не было хлеба! Мать, было оправившаяся после какой-то неведомой мне болезни (о том, чтобы позвать врача, мы и мечтать не могли), уже ходившая несколько дней стирать на людей, вдруг опять сильно занедужила, слегла. Человек, всегда помогавший нашей семье в трудные моменты, Григорий Фомич, мастер на макаронной фабрике Минга, где покойный отец проработал много лет, вот уже вторую неделю с женой своей уехал на родину, в деревню, а когда должен возвратиться в Москву, неизвестно. Степан Степанович в Харькове.

Голод мучил меня особенно сильно, когда я вспоминал о еде. Я мог, конечно, бродить по переулкам, где почти не было булочных и гастрономических, или, как их тогда называли, «колониальных», магазинов, где на витринах, за стеклами, отливающими синевой, выставлены были всевозможные изделия из теста, колбасы, окорока, сыры, но шансов, бродя по таким переулкам, что-нибудь заработать не было уже никаких. И я, стараясь не глядеть на «колониальные» магазины и булочные, шел по улицам.

Но на Тверской, около булочной Филиппова, я остановился. Через стекло было отчетливо видно, как человек в белом колпаке длинными щипцами вынимал из блестящих, никелированных ящиков знаменитые тогда филипповские пирожки со всевозможной начинкой. Вокруг этого человека и его ящиков толпилось много людей. Некоторые из них поедали пирожки тут же, отойдя на шаг, на два от продавца; другим он заворачивал пирожки в тонкую бумагу, и они уносили их.

Когда открывалась тяжелая дверь филипповского заведения, включавшего в себя и булочную, и кондитерскую, и маленькое кафе, была слышна тихая приятная музыка: это в кафе играло «трио»— скрипка, виолончель, рояль. А так как дверь открывалась то и дело, а вернее сказать, не закрывалась, то казалось, что люди, окружающие продавца в белом колпаке, поедают пироги под музыку, что они повторяют сейчас то, что ими было уже ранее заучено. Но при этом совершают некоторые ошибки, которые требовалось исправить.

У этих людей вдруг обнаружился руководитель, строгий и властный.

«Сейчас у тебя один пирог упадет!— мысленно кричал я какому-то господину в котелке, ухватившему сразу пять пирогов.— Да вот он уже катится! Ну так и есть... Теперь подними с пола».

«Обмени, обмени скорей пирог!— приказывал я какой-то полной даме.— Продавец тебе обязан обменять. Пирог треснул, разве ты не видишь? Из него же почти вся начинка вытекла».

Так, обуреваемый этой благородной деятельностью, я уже почти не чувствовал голода: голод мой все больше терял остроту, он как бы вытряхивался из меня, по мере того как я размахивал руками, а иногда даже подпрыгивал от досады, когда что-нибудь свершалось за стеклом не по-моему.

Но вот я увидел, что у входящей «к Филиппову» молоденькой женщины в шляпке с длинными страусовыми перьями незаметно для нее выскользнула из рук черная, туго набитая сумочка. В одно мгновение я поднял ее и оглянулся. Никто этого не заметил.

«Господи, наградил ты наконец нас»,— прошептал я.

Но, вспомнив о боге, я тут же увидел перед собой строгое лицо матери.

«Ладно, ладно, помирай!— мысленно сказал я ей злобно.— И я помру и сестренки! Не беспокойся, я честный, честный! Все мы умрем. Значит, так и надо. И очень хорошо! Да не кричи ты на меня в самом деле, мать! Тоже надоело в конце концов. Отдам, отдам я эту сумочку!»

Я без труда разыскал в булочной женщину в шляпке со страусовыми перьями.

— Вот сумочка ваша. Потеряли!

Она тихо вскрикнула и схватила свою сумочку.

— Спасибо тебе, милый мальчик,— проговорила она.— Ну, какой же ты честный и хороший! Спасибо! Только так и поступай всегда. Молодец!

Она произнесла еще несколько благодарственных слов и поспешила к человеку в белом колпаке.

А я вышел из булочной Филиппова, сделал несколько шагов по Тверской и тут почувствовал такой приступ голода и слабости, что остановился, прислонился к стене. Казалось, голод сейчас мстил мне за то, что я хотел хитро ускользнуть от него, простояв полчаса у окна филипповского заведения.

Через несколько минут мне все же удалось оторваться от стены, и я побрел по Тверской к Страстной площади. Тут я задержался около памятника Пушкину. Некоторые стихи Пушкина я уже читал, и они нравились мне, и теперь мне как-то не по себе стало, что Пушкин на этой площади металлический, такой холодный.

Я пошел по Страстному бульвару к Каретному ряду. Проходя мимо одноэтажного длинного дома, услышал звуки оркестра и шум многих голосов. В этом доме помещался «Зал для свадеб и балов». Сейчас тут праздновалось, видно, нечто весьма грандиозное и торжественное, так как, судя по гулу, доносящемуся на улицу, было понятно, что дом переполнен, а около него находилось множество колясок, пролеток, ландо и даже карет.

Я простоял тут с полчаса, рассчитывая, что, может быть, подвыпившие люди, то и дело выходящие из дома прогуляться, покурить на воздухе, дадут мне какое-нибудь поручение. Но никому я не понадобился и здесь.

Я покинул этот веселый дом и пошел к Каретному ряду, а миновав Каретный ряд, стал спускаться к Трубной площади. По воскресеньям на «Трубе», как тогда называли рынок, который возникал в этот день на площади, торговали породистыми голубями, золотыми рыбками, кроликами, собаками, кошками. Тут тогда было шумно, многолюдно. Сейчас же площадь Трубная пуста, заработать тут было ничего нельзя, и я стал подниматься к Сретенским воротам.

Я шел и шел, уже без мыслей, без всякой надежды раздобыть хоть копейку. Зачем я шел? Куда я шел? Вряд ли мне самому было это понятно. Сколько времени я шел? Это мне тоже было неизвестно.

И вдруг я услышал тихое пение:

«Свете вечерний, свете тихий...»

Это пение доносилось из небольшой церкви,

где сейчас служили вечерню. А я увидел, что стою на паперти этой церкви рядом с нищими и рука моя, как и их руки, протянута за подаянием.

Страх охватил меня. Нет, не страх — ужас! Я бросился бежать. Откуда только силы у меня взялись для этого, но я несся, мне надо было как можно скорее подальше убежать от этой церкви.

«Я нищий! Нет, этого не может быть! Этого не должно быть! Лучше смерть! Если я нищий, то куда же мне девать все мечты мои о прекрасной жизни, что предстоит мне? Если я нищий, то уже не смогу читать сказки, которые очень любил, в особенности «Конька-горбунка», потому что сам становлюсь каким-то сказочным, ненастоящим. Да нет, нет, какой же я нищий? Дед и отец мой были слесарями, рабочие люди. Мама — прачка! Я еще совсем недавно мыл посуду в ресторане «Серебряный якорь». Нет, нет, мы рабочая семья. У нас сроду не было нищих и не будет никогда!»

Солнце то поднималось над крышами, то скрывалось за ними. Оно быстро теряло силы, таяло. И вдруг, сразу утратив свой вес, упало за крыши и больше уже не появилось. Но темнее от этого стало ненамного, только блеск исчез из глаз.

Стали опускаться на землю сумерки. Я уже не бежал, а шел медленно. И вот я увидел, что впереди меня идет человек, а в руке у него железная коробка, из которой что-то торчит, а под мышкой короткая лестница. Я сразу понял, что это фонарщик. Уличные фонари были керосиновые, и, перед тем как зажечь, надо было, заправив лампу, еще ершиком протереть ее стекло, предварительно подышав в него.

Около фонаря фонарщик остановился и, проделав все это, направился к следующему. Он шел не торопясь, а я за ним, и каждый раз, когда фонарщик останавливался, неподалеку от него замирал на месте и я. Так шли минут двадцать в темноту, вспарывая, разрушая ее. И наконец я решился. Я подошел к фонарщику. Он был уже немолодой, сутулый, из-под стиранной-перестиранной, в прошлом, очевидно, синей, ныне светло-голубой косоворотки выпячивались лопатки. Я уже было совсем решился сказать, что хотел, но тут при свете зажженного фонаря я увидел на ногах фонарщика разбитые башмаки, которые давно уже стали опорками, чем-то уже весьма отдаленно напоминающими обувь. И у меня не хватило духу обратиться к фонарщику. Он взял под мышку короткую свою лестницу, и мы направились к следующему фонарю. И тут я решился.

— Дяденька,— сказал я фонарщику.— Наверное, вам трудно все время дышать в стекло?

— Да нет, ничего,— сказал фонарщик.

— А давайте я за вас подышу,— предложил я.

Фонарщик внимательно оглядел меня. Не знаю, каким я ему показался в сумерках, но меня поразило сходство его с покойным моим отцом. Густые черные брови, карие, очень ко всему внимательные глаза; поначалу они кажутся строгими, подозрительными, а чуть привыкнешь,— они ласковые, с грустинкой.

Фонарщик оглядывал меня довольно долго.

— Ну что ж,— сказал он наконец,— если ты такой добрый парень и хочешь мне помочь, то я не против. Только задохнуться-то не боишься? Фонарей нам много придется заправить и зажечь.

— Да что вы,— сказал я,— самая приятная работа!

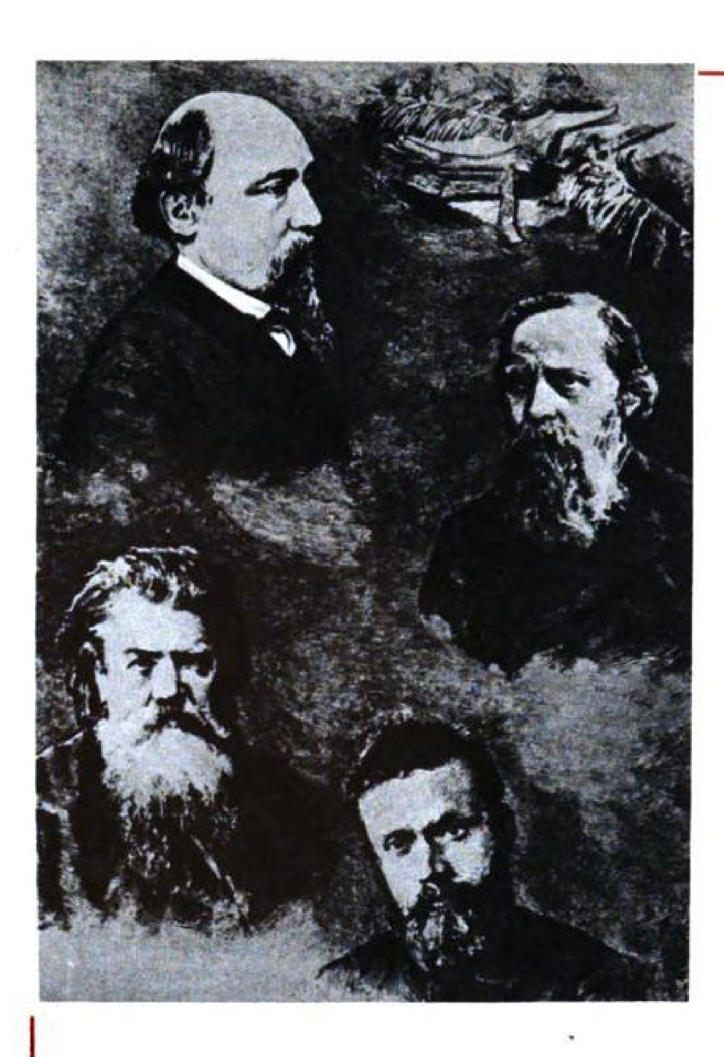
— Приятная-то приятная, а оплаты требует!

Он опять внимательно оглядел меня, и я заметил, что его карие глаза стали еще грустнее.

— Откровенно говоря, мне дышать не очень-то легко,— сказал он.— Я все мечтал найти себе помощника. Но ведь бесплатно кто ж пойдет? А если ты за сходную цену готов, то что ж, я — пожалуйста. Пройдемся со мной, и вручу я тебе в конце пути нашего двугривенный. Как ты к этому относишься, паренек?

— Спасибо!— сказал я.

Я поймал в темноте его толстую, пахнущую керосином руку и изо всех сил сжал ее в своей. Но этого мне показалось мало, и я прислонил эту руку к своей горячей щеке.

Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков, Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский. Гравюра на дереве В. Матэ (70-е годы).

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗА

Ровно сто лет назад, в январе 1868 года, вышел первый номер журнала «Отечественные записки», которому суждено было стать крупнейшим явлением русской национальной культуры. «Отечественные записки», руководимые великим поэтом и журналистом Некрасовым и гениальным сатириком Щедриным, на протяжении шестнадцати лет — и каких лет! — из года в год, из месяца в месяц несли русскому обществу и слово правды, и слово любви и уважения к народу как источнику всех духовных богатств нации, и мудрое слово познания самых сложных и запутанных фактов действительности. Трудно назвать большое или малое событие внутренней или зарубежной жизни, на которое не откликнулся бы журнал Некрасова и не возвел бы его в степень события исторического. Ибо в том и состоит сущность журнализма, чтобы в ворохе случайностей, в пестроте повседневности, в тине мелочей, теснящих нас изо дня в день, увидеть могучее, вечное, услышать поступь истории и распознать направление ее движения. А распознав, заставить каждого оценить свое поведение и уяснить свои задачи в свете общего направления жизни.

И в этом смысле журнал Некрасова и Щедрина являет нам высокие образцы журнализма: «Отечественные записки» вели за собой русскую демократию, точно указывая ее врагов и друзей, определяя задачи и цели, обобщая опыт поисков верной революционной теории. Вот почему изучение «Отечественных записок» как классики русской демократической журналистики есть необходимость, живая и современная.

И прежде всего Некрасов обратил свой взор на старый и стареющий журнал (некогда — во времена Белинского! — шедший во главе русской журналистики, но затем утративший совершенно свое влияние на общество) с одной и единственной целью — возродить, воззвать к жизни демократическую журналистику. Это была трудная задача. Это было крутое время. Русская демократия только что понесла невосполнимые утраты. Умер Добролюбов. На каторге томился Чернышевский. С неслыханной жестокостью было подавлено польское восстание. Крестьянские бунты в России подавлялись с еще большей беспощадностью. После выстрела Каракозова шла облава на революционеров. Реакция во главе с Катковым объявила священную травлю свободомыслия. Журналы русской демократии «Русское слово» и «Современник» были закрыты. Общество погружалось в беспробудную зимнюю спячку...

И надо отдать себе полный отчет в том, что Некрасов совершил беспримерный гражданский подвиг в истории национального самосознания. В эту пору кнута и виселиц, раболепия и верноподданничества он начинает собирать силы русской демократии. Задача, строго говоря, почти невыполнимая. Дело в том, что демократия в ту пору не только понесла жестокий урон в борьбе с правительством, но и была внутренне разобщена. Вспомним затяжную изнурительную полемику между «Русским словом» и «Современником», между Писаревым и Щедриным,— вспомним о том, что новых журналов основывать было нельзя и надо было демократическое издание начинать под либеральной вывеской; вспомним и о том, что у Некрасова было много врагов не только в стане врагов, но и среди «друзей», которые не переставали нападать на поэта и в связи с вынужденными стихами его, посвященными Комиссарову, «спасшему» царя, и Муравьеву, и в связи с тем, что он был Некрасовым, и вообще так, «по-дружески», без всякой связи...

И если все это принять во внимание, то мы обязаны сказать, что до сих пор подвиг Некрасова не оценен ни некрасоведами, ни историками русской журналистики в полной мере и степени. Ведь до сих пор «Отечественные записки» критикуют за отсутствие «выдержанности»: в них печатались и Писарев и Щедрин, и народники и первые пропагандисты марксизма в России, и те, кто не был ни народником, ни марксистом, а носил просто имя Островский, Достоевский, Толстой... Это ставят в вину журналу. А между тем именно в этом состоит великая заслуга Некрасова и сущность его

ПИСКИ»

исторического подвига в ту пору. Великий национальный поэт-демократ поистине гениально схватил суть исторического момента и существо исторической задачи, стоявшей перед ним. Мы и сейчас не перестаем удивляться, с каким поразительным тактом, волей и непреклонностью он все свои действия подчинил одному и единственному: сплотить **все** силы русской демократии в борьбе с самодержавием, остатками крепостничества и нарождающимся буржуазным хищничеством. Это была задача, продиктованная историей. Некрасов чутко уловил ее и последовательно провел на протяжении лет в редактировании демократического издания. Осмелимся сказать, что в ту пору ни один редактор так широко и полно, так политически остро и так **национально** не осознавал своей задачи, как ее понял и выполнил великий поэт и журналист Н. А. Некрасов. И в решении этой национальной задачи для него не существовало ни частных, ни групповых, ни личных интересов, взглядов, предубеждений. Он смело приглашает в журнал на первые роли вчерашних «антиподов» Писарева и Щедрина; привлекает к изданию народника Михайловского и не имеющего никакого отношения к народничеству драматурга Островского; печатает педагогическую статью отнюдь не марксиста — Льва Толстого и статью о «Капитале» Маркса в России — Николая Зибера...

Прибавим сюда и то, что Некрасов печатает в журнале роман Достоевского «Подросток»,— и картина получится чрезвычайно пестрой. При такой неоднородности имен и произведений журнал, казалось бы, должен потерять свое лицо и превратиться в некий дискуссионный листок, если не в эклектическое крошево. А между тем «Отечественные записки» поражают исключительным единством содержания и цели: здесь все бьет в одну точку, идет в одном направлении. Это направление и цель — борьба с самодержавием, новым крепостничеством и капиталистическим рабством. Заслуга Некрасова в том именно и состоит, что он сумел вокруг этой общей демократической цели сплотить все силы русского общества, способные в той или иной мере и степени решать эту главную историческую задачу — сплотить и повести их за собой. Он умел в каждом различном открыть единое, открыть свое и направить в единое русло.

Этим и велик Некрасов и его соратник и продолжатель Щедрин. В этом и состоит главный завет «Отечественных записок» нашей советской журналистике.

Итак, не узколичные симпатии и антипатии, не групповые предубеждения, не прошлые ошибки и заблуждения, а общие интересы и цели должны руководить действиями редактора и служить мерилом оценки возможных сотрудников. Его функция в пределах общей цели объединительная, а не разобщающая. И об этом завете Некрасова должны особенно помнить советские журналисты, тем более что у нашей журналистики общая и принципиально иная платформа, несравненно более широкая и более монолитная.

Но Некрасов и Щедрин добивались единства не любой ценой, не ценой уступок и амнистий. Они объединяли только то, что могло быть единым по своей объективной природе, и только в тех пределах, в каких это могло быть. Поэтому, печатая роман Достоевского «Подросток», они вели (во имя единства!) непримиримую борьбу с романом того же Достоевского «Бесы» на страницах все тех же «Отечественных записок», где несколько позже появилась и знаменитая статья Михайловского о Достоевском — «Жестокий талант»...

Путь к действительному, а не мнимому единству только один: это путь высокой принципиальности, не уступающей ничему, не склоняющей своего знамени ни перед чем,— таков второй завет «Отечественных записок» нашему времени.

И третий завет «Отечественных записок» — быть на высоте современности, всем сердцем слушать современность. Без этого нет и не может быть журнала. А это означает быть чутким к самому последнему слову научной, революционной мысли. Именно это и только это даст возможность верно уловить и оценить и то, что происходит вовне, и то, что таится в самых глубинах народной жизни. И, верный этому принципу, Некрасов вокруг своего журнала объединил все действительно талантливое, великое, все, что сделало эпоху в области литературы, искусства, политики, экономической науки или наук естественных,— все было здесь, на страницах «Отечественных записок». И это дало возможность не только оценить по достоинству факты крестьянского протеста в России, но и встать на защиту парижских коммунаров, увидеть будущее в речи Петра Алексеева, выступить с гневной отповедью противникам Маркса, неустанно искать положительный образ, положительное содержание народной жизни. Именно эта связь с современностью — а в этом душа журнализма — заставила «Отечественные записки» проявить редкое упорство и последовательность в борьбе с деспотизмом и не дрогнуть руководителей журнала под ударами правительственных репрессий.

Все эти животворные традиции демократической журналистики восприняла большевистская печать и возвела их на новую историческую ступень.

В. АРХИПОВ,
доктор филологических наук

Флор ВАСИЛЬЕВ

Человек

Муравей спешит.
Вдруг — человек.
Колокольней в небо.
Ноги — сваи.
Глянул муравьишка снизу вверх,
А на глыбу глаза не хватает.

В звездолете человек другой
Стелет новый путь по звездным
вехам.
Перед ним, как мячик, шар
земной.
Где на нем увидишь человека?

Так обычен он
И так велик.
Так он мал на вид
И так огромен.
Лег — и к василькам щекой
приник.
Встал — и головой в ракетном
громе.

Утес

Когда утес на полдороге
И дух захватит — не взойти! —
Ты памятью, как взглядом
строгим,
Вновь огляди свои пути.

Припомни, как тебя качало,
Толкало вбок,
сбивало с ног,
А ты вставал, и все сначала:
Еще шажок,
еще вершок!

Припомни, как ты брел под
снегом,
Скользил в дожди,
полз в гололедь.
И станет прошлое разбегом,
Чтоб путь к вершине одолеть.

Ижевск.

Перевел с удмуртского
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ.

Платон ВОРОНЬКО

СЫНОВНЯЯ ПЕСНЯ

Янке Брылю

— Ты слышишь, мой сын? —
Поднялось над листвою.
И чудится, будто кивнул головою:
— Я слышу вас, мама...
— Так молви хоть слово!
Стоит он, гранитный, стоит
стопудово,
А все-таки снял перед матерью
каску.
— Вам песню, родная? Иль,
может быть, сказку?
— Да в сказке неправда ведь,
Лучше уж песню.
И сразу напев из груди к
поднебесью
Потек, расплеснулся
По-вешнему нежно,
Года, словно поле, простерлись
безмежно,

И мать, оглядев это поле,
спросила:
— Тебя ли, сынок мой, железная
сила
Настигла, скосила
Под замятью зимней
В тот год и морозный, и вьюжный,
и дымный?
Не ты ли упал в то заснежье,
не ты ли?
— Нет, мама,
В ту пору хлеба золотили
Горящую землю...
Не надо про это.
Я песню пою вам, — она ж не
допета,
Мама...

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Н. ДИМЧЕВСКИЙ

Где-то...

Я этот поселок с трудом узнаю...
Он где-то на Севере... Где-то,
где краски просеяны сквозь кисею
полночного сонного света.

И рыжие бревна плывут по реке,
и черные баржи на ртути,
и серые избы на синем песке
в подсиненной тундровой мути.

Там красный платок над обрывом...
Глаза...
Ладонь над их вырезом узким.
В них кто-то, кто должен вернуться назад,
тускнеет за маревом тусклым.

...А лодка промазана медной смолой.
И капля костра.
И белила
березовых дров...

Эта лодка
за мной
когда-то
сквозь ночь приходила...

Из книги «Прорубь»

ПИСЬМА С ОПАЛЕННОЙ ЗЕМЛИ

Александр СЕРБИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Письмо второе: СРЕДНЕМУ АМЕРИКАНЦУ

Обращаясь с этим письмом к вам, мистер Средний Американец, я считаю нужным предпослать ему небольшое объяснение.

Я отлично знаю, что вас на самом деле не существует. Вы — создание американской статистики, которая сотворила вас из средних цифр, установив ваш уровень жизни, сорт сигарет, которые вы должны любить, марку машины, в которой вы должны предпочитать передвигаться, и весь остальной среднеарифметический комплекс примет, столько же характерный для вас, сколько и несвойственный реальному гражданину Соединенных Штатов Америки. Ибо по воле статистики в вашем образе смешаны доходы миллионера и безработного негра, вкусы четырехзвездного генерала из Пентагона и студента-новобранца, привычки газетного босса и фермера с Дальнего Запада.

Но все же я готов допустить ваше существование как некий хотя и условный, но обобщенный образ Америки, тем более что в печати вашей страны я натолкнулся недавно на другие цифры, которые придают вашему бытию определенную степень реальности. Я имею в виду недавний опрос американского общественного мнения, проведенный Институтом Гэллапа. Дело касалось войны, которую ведут Соединенные Штаты во Вьетнаме. Сорок шесть процентов опрошенных американцев сказали, что США совершили ошибку, вступив в эту войну.

Эти сорок шесть процентов ответов сложены из взглядов убежденных противников агрессивной политики США, из опасений людей за собственную судьбу, из желания матерей видеть своих сыновей живыми, из сознания вины за кровь, льющуюся во Вьетнаме. В свою очередь, оставшиеся пятьдесят четыре процента — это мозаика из убежденности тех, кто сознательно стоит за продолжение войны, из слепоты тех, кто по-ложному понимает честь своей родины, и из недоумения тех, кто, просто запутавшись, не знает, как должны вести себя Соединенные Штаты.

Этот опрос позволил мне, мистер Средний Американец, олицетворяющий свою страну, обнаружить душу в вашем статистическом теле. И я заметил, что на душе у Америки неспокойно. Она раздираема противоречивыми чувствами. Мне видится за этим трагедия великой страны, которую ведут по скверной, кривой и грязной дороге в мрачную неизвестность. Но вы еще не совсем прозрели, мистер Средний Американец, хотя сорок шесть процентов и происходящее в Америке позволяют думать, что многое для вас сейчас начинает открываться.

Я пишу это письмо, надеясь, что оно — пусть хотя бы чуть-чуть — поможет вам ясно разглядеть, что творят от вашего имени на вьетнамской земле. Виденное, услышанное и пережитое тут, во Вьетнаме, заставляет меня не щадить ваши чувства. Наоборот, я хочу, чтобы вам стало больно, стыдно и страшно, если вы прочтете это письмо.

Я начну его с рассказа о недавней поездке в уезд Ким Шон. Есть такой небольшой кусочек земли в Демократической Республике Вьетнам. Он лежит к югу от Ханоя и выходит к побережью Тонкинского залива. В переводе «Ким Шон» значит «Золотые горы». Но даже это поэтическое название слабо передает очарование тех мест.

Подъезжая к Ким Шону, видишь вдруг среди ровной земли неожиданно, без предгорий, поднимающиеся вверх скалистые вершины. А дальше сама земля, навечно украшенная зеленым нарядом, перерезана множеством каналов. Здесь люди разъезжают по воде, как в Венеции, и, как в Голландии, ведут борьбу с морем, строя дамбы и отвоевывая у него сушу.

Крупной промышленности в Ким Шоне нет — тут живут искусные рисоводы, мудрые рыболовы и ремесленники с тонким вкусом. Почти каждый кимшонец умеет превращать специально выращиваемый тростник в нечто прекрасное. Нежные руки девушек и заскорузлые пятерни их отцов-крестьян одинаково ловко плетут из него циновки, причудливых форм сумки и сосуды, коврики с изящным и легким узором. Эти изделия бывают окрашены в яркие цвета, словно повторяющие изумрудную зелень полей, золото спелого риса, голубизну вод в каналах, игру закатных лучей солнца. Половина всего населения Ким Шона занимается плетением из тростника, и их искусство находит себе путь на заграничные рынки.

В кимшонский пейзаж всегда вписаны островерхие крыши и кресты католических храмов. Здесь сорок процентов жителей католики — результат деятельности заморских миссионеров.

Центр уезда — небольшой городок Фат Зием. В нем невысокие, одноэтажные, иногда двухэтажные, домики и тоже много храмов. Самый главный из них — католический собор, сделанный под пагоду. Перед ним посреди озера стоит большой каменный Христос с распростертыми руками. Об этом соборе, о Христе, о самом Фат Зиеме написал в своем «Тихом американце» английский писатель Грэм Грин.

Вот строчка из романа:

«Обломки и битое стекло, запах горелой краски и штукатурки, пустота длинной улицы насколько хватало глаз...»

Это описание Фат Зиема относится к годам первого Сопротивления, когда вьетнамцы сражались с другими колонизаторами, а США были представлены на этой земле лишь «тихими американцами».

Фат Зием стал свободным еще до заключения Женевского соглашения 1954 года. Его освободило восстание патриотов. Дни войны сменились днями мира. Восстанавливался город; в Ким Шоне, как и по всей республике, была проведена аграрная реформа; люди построили здесь новую дамбу, заставив отступить море, и рис заколосился на новых землях. Но короткими были годы спокойного труда...

Я ехал в Фат Зием в сопровождении товарища Чан Ван Дэ, председателя административного уездного комитета. Дорога тянулась вдоль канала. На его берегу в предутренних сумерках серели силуэты изломанных пальм. Канал впереди пересекался другим, через него был мост, а дальше начинался городок. Машина остановилась метрах в трехстах от моста. Шофер набросал на крышу и капот валявшиеся на земле пальмовые листья. Наступил рассвет.

Мы двинулись вперед. Но еще не доходя до моста, услышали резкие металлические удары.

— Стойте! — сказал Чан Ван Дэ.— Сейчас через мост нельзя. Тревога.

Мы вернулись немного назад и остановились около разрушенного дома. За соседними развалинами спрятались несколько вьетнамцев.

— Мост бомбили вчера,— произнес Чан Ван Дэ.— Бомба попала совсем рядом, в берег.

Отбой дали через четверть часа. Обошлось без бомбежки. Мы снова пошли вперед. Рядом с нами шагали вьетнамцы. Я заметил, что чем ближе они подходили к мосту, тем быстрее становился их шаг. А через мост они уже бежали.

— Скорее, скорее! — торопил товарищ Дэ и меня.— Американскому летчику нужны считанные минуты, чтобы долететь с авианосца до Фат Зиема. Могут и не успеть объявить тревогу.

Мы миновали огромную воронку от вчерашней бомбы, перешли мост, и я увидел Фат Зием.

Он был снова таким, каким его описал Грин. Длинная пустынная улица — только несколько фигурок вдали и те вьетнамцы, которые перешли мост вместе с нами. Запах гари. Разрушенные дома, пустыри. Обломки и битое стекло. Вспоротые стены. Провалившиеся крыши. Пустые проемы дверей. Ветер раскачивал висящую на одной петле раму, она скрипела.

Это сделали американцы, переставшие быть «тихими».

В пустоте улицы как-то особенно слышно звучали шаги и слова.

— До вчерашнего дня,— сказал Чан Ван Дэ,— на Фат Зием было совершено 127 налетов. Город разрушен почти полностью. Собор не тронули. Но вот посмотрите, что сделали со святым Антонием.

Справа был храм. Наверху, на коньке крыши, стояла фигура святого Антония. У него не было половины головы. Мы прошли еще мимо одного разрушенного храма. На другой стороне канала лежала в развалинах пагода.

...Несколько часов спустя мы сидели вместе с Дэ в деревенском доме километрах в восьми от Фат Зиема. В воздухе выли американские бомбардировщики, и со стороны города доносилось глухое уханье взрывов. На него шел 128-й налет. А Дэ говорил:

— Американцы начали бомбить Ким Шон с июня 1965 года. Они бомбят здесь все подряд. В городе разбили госпиталь, рынок. Что они сделали с жилыми домами, вы видели сами. В уезде американскими бомбами разрушено восемь церквей, одна пагода, один конфуцианский храм. Бомбы падали на кладбища. Когда мы показали одно из трех кладбищ, которые были подвергнуты бомбардировке, Гаррисону Солсбери, редактору «Нью-Йорк таймс», то он, поглядев на развороченные могилы, произнес: «Эти лю-

См. «Огонек» № 4.

●

Ханой. Отряд самообороны на занятиях.

Сейчас на этом плакате, установленном на берегу озера Возвращенного Меча, уже другая цифра сбитых американских самолетов.

Всегда начеку.

В дом № 22 по улице Чан Куок Тоан в Ханое попала американская ракета. Трое убитых, десять раненых...

В скале — убежище.

Разрушенные жилые кварталы вьетнамской столицы.

●

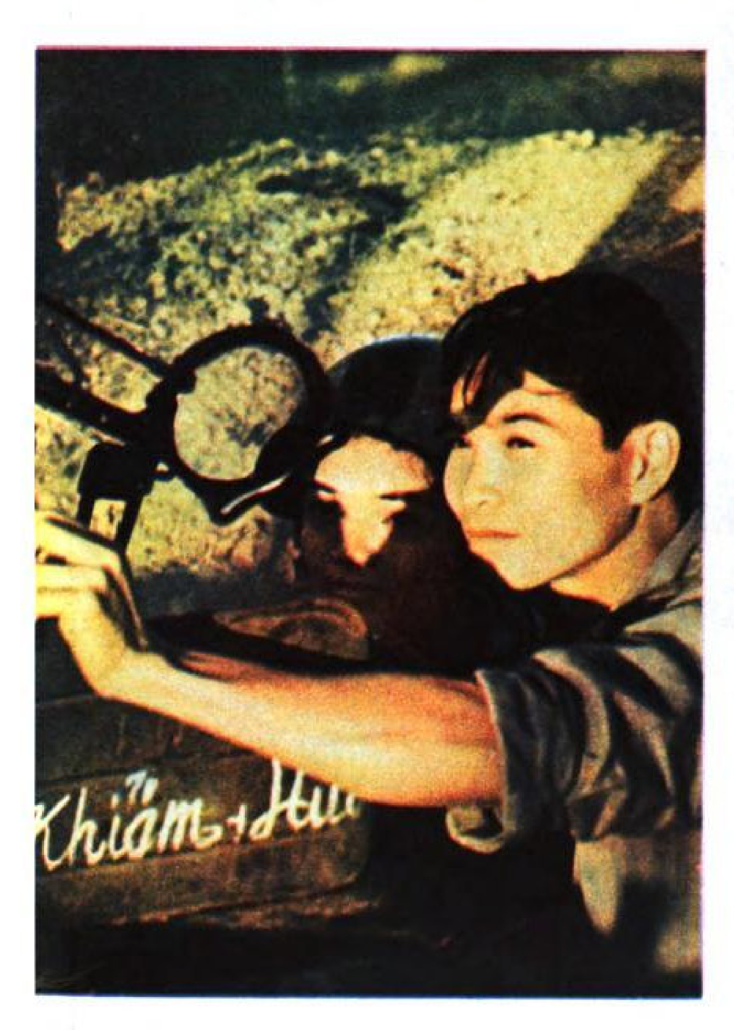
На развороте вкладки: Школьники плетут из рисовой соломы толстые жгуты, из которых потом будут сделаны щиты против осколков.

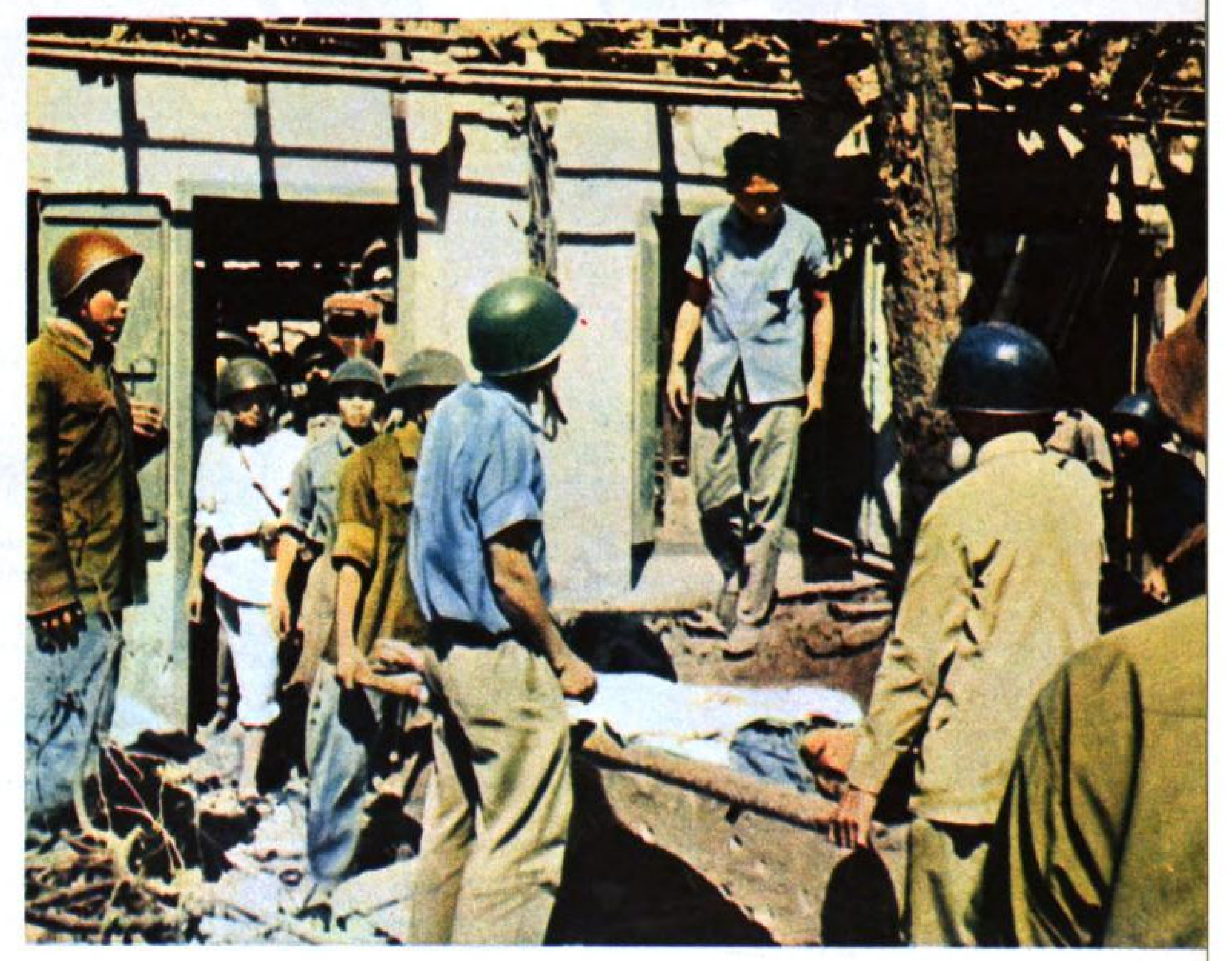
Готовясь к бою за ханойское небо.

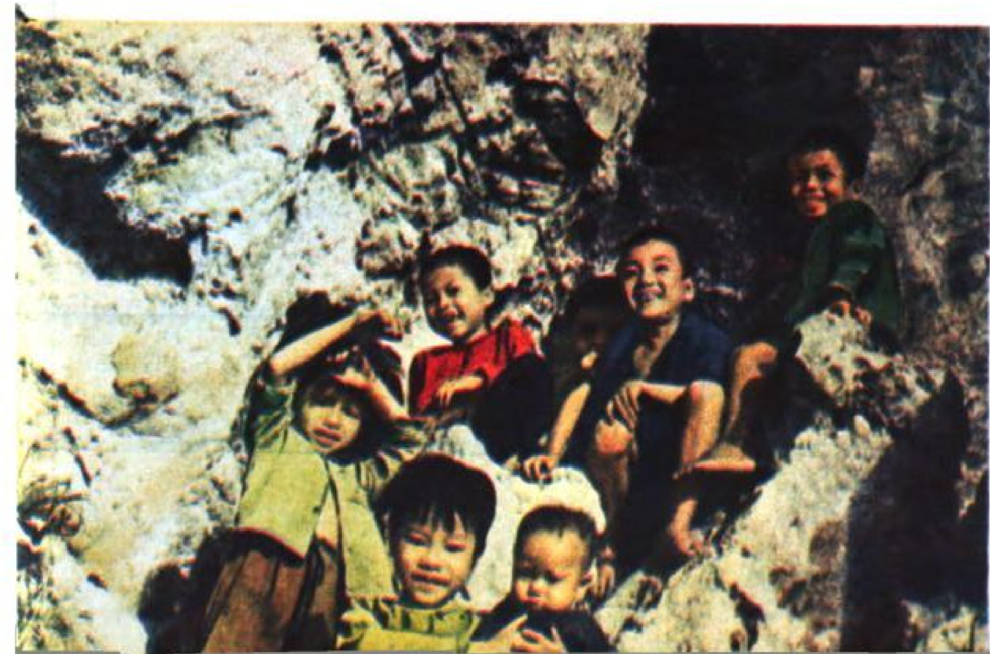
Эту девушку зовут Луна. Она живет под Хайфоном.

2500

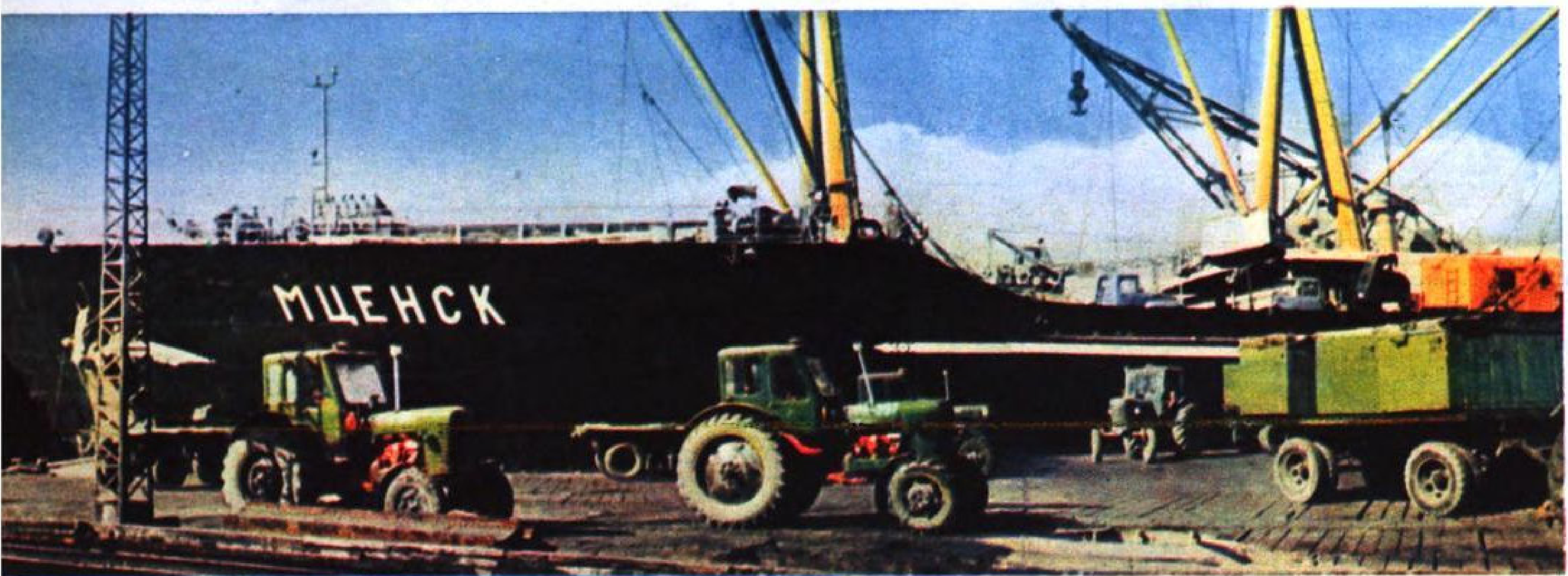

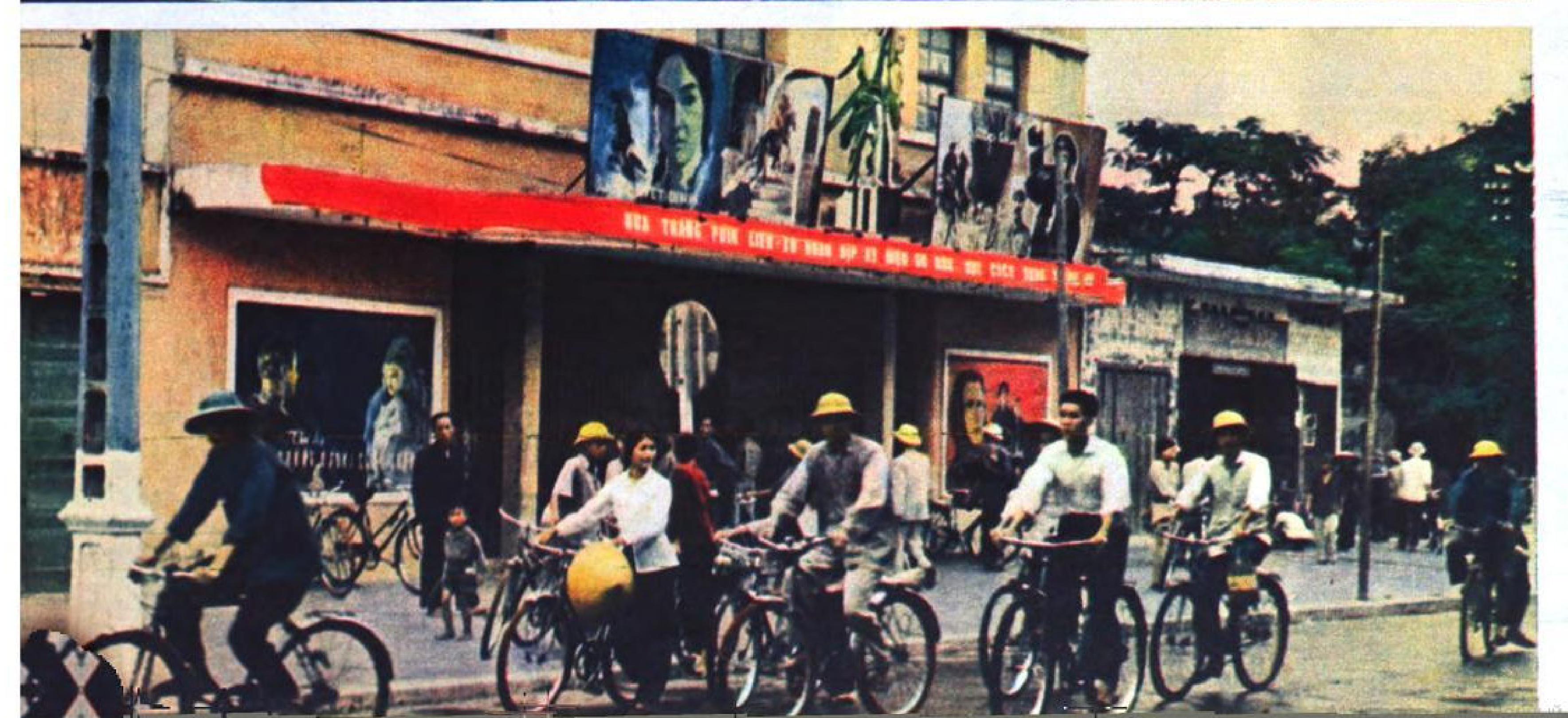

МЦЕНСК

ди умерли дважды». Тринадцать раз американские самолеты совершали налеты на дамбы, чтобы вызвать наводнения и затопить поля. У нас в уезде нет ни одного населенного пункта, который не был бы атакован с воздуха.

И Дэ рассказал о некоторых воздушных атаках. Я изложу его рассказ для вас, мистер Средний Американец.

7 мая 1966 года. В деревне Ан Кы, в одном километре от Фат Зиема, американцы разрушили около ста домов, убили шестерых и ранили четверых. Когда односельчане бросились к развалинам, чтобы вытащить из-под них людей, последовала вторая воздушная атака, и еще несколько человек из тех, кто пришел на помощь пострадавшим, были убиты и ранены.

26 мая 1966 года. Налет на деревню Кон Тхой в десяти километрах от города. Убито шесть человек, все католики. Во время этого налета тринадцатилетний мальчик по имени Тхань рыбачил на канале. Он видел своими глазами, как бомба попала в его дом, где оставались отец и мать. Отец Тханя погиб, мать была ранена. Мальчик сошел с ума.

2 октября 1966 года американские самолеты сбросили свой бомбовый груз на общину Тхонг Кием. Это произошло рано утром, когда в домах только начинали зажигать лампы. От бомб погибло шестнадцать человек, в том числе целиком одна семья из четырнадцати человек.

20 января 1967 года атаке подверглась школа в общине Тынь Тхань. Ракета, пущенная американским пилотом, попала на школьный двор. Убиты учитель Тху, учительница Леу. Среди учеников пятеро убиты, семеро ранены.

11 октября с военных кораблей 7-го флота обстреляна деревня Куи Хао в пяти километрах от города. Одновременно американские самолеты забросали деревню шариковыми бомбами. Ранено двое взрослых и трое детей.

Это все непохоже на то, что говорят вам, мистер Средний Американец, о бомбежке «стратегических объектов» на территории ДРВ, не так ли? Но тем не менее правда не в словах официальных представителей вашей страны, правда в кровавых фактах, которые изложены выше.

Кстати, знаете ли вы, что такое шариковые бомбы? Да, конечно, вы читали об этом в газетах. Возможно, вы знаете, что шариковые бомбы бывают двух типов: «ананасы» — оранжевые стаканы с крыльчаткой — и круглые, зеленого цвета бомбы величиной с теннисный мяч. Возможно, вам известно, что такие бомбы сбрасывают в больших контейнерах, куда набивают их до 640 штук; что эти контейнеры раскрываются, не долетая до земли; что, взрываясь в воздухе, бомбы разбрасывают шарики, которые летят по сумасшедшим траекториям и могут поразить человека за высокой стеной или даже в убежище. Это — подлое оружие. Шариковые бомбы не предназначены для использования против «стратегических объектов». Они предназначены для убийства людей. Но главная подлость заключается в том, что это оружие применяется против мирного населения. Оно убивает детей, женщин, стариков. С некоторых пор США стали использовать шариковые бомбы замедленного действия. Ими американские самолеты забрасывают места, подвергшиеся бомбардировкам фугасными бомбами. Когда к разрушенному дому приходит спасательная команда или пожарные, начинают взрываться эти маленькие кулачки смерти...

Однако вернемся к рассказу о поездке в Ким Шон, я еще не кончил его. Я хочу познакомить вас, мистер Средний Американец, с женщиной по имени Фан Тхи Дао из деревни Ны Хуа. Она совсем не старая, эта женщина, ей всего 37 лет. Но выглядит она гораздо старше. Она одета в черные широкие брюки и черную кофту. На шее у нее цепочка с маленьким серебряным крестиком. Голова повязана длинной белой лентой, двумя концами спускающейся по спине. Это знак траура. Недавно Фан Тхи Дао стала вдовой. Вот как это случилось.

Однажды, после того как были закончены все работы на поле, ее муж Чан Ван Хонг отправился к вечерней мессе в храм святого Франциска, который стоит на дороге в Фат Зием, недалеко от города. Дао осталась дома с детьми. Через некоторое время после ухода мужа над крышами домов прогудели реактивные моторы американских самолетов. И стихли. Где-то далеко земля вздрогнула от взрыва, потом еще раз, еще... Снова гул самолетов в воздухе — летчики уходили восвояси.

Дао перекрестилась: слава господу, убрались! И опять за дела. Уже давно стемнело, уже давно был готов ужин, а муж все не возвращался. Наступила ночь. Она послала своего старшего сына Ха поискать отца. Ха нашел его около церкви. Но не сразу. Его пришлось откапывать, он лежал почти под метровым слоем земли. Мертвый. Одна из жертв этого налета. Бомба разрушила и храм.

— Я не помню, что было после того, как мне сказали о гибели мужа,— говорила Дао.— Я потеряла сознание. Потом долго болела. И сейчас все, вся боль — со мной... Когда встала на ноги, пошла к нашему священнику, преподобному Кхоину, чтобы отслужить заупокойную мессу. Отец Кхоин утешал меня. Он говорил, что сейчас надо быть сильной и мужественной, потому что враг жесток. Мессу он отслужил ночью. Теперь он служит мессы только по ночам. А если и в ночной час появляются самолеты, он велит гасить свечи...

Я узнал позже, что старший сын Дао (он католик, как мать, как был его отец) сейчас стал солдатом. Он мог бы получить отсрочку, но мать сама велела ему идти в армию. Ха служит в артиллерии и очень хочет сбить американский самолет. Может быть, это не по-христиански — ведь христиане должны прощать своим врагам. Но по-человечески я его очень хорошо понимаю.

Потом мы сели вместе с Дао в машину и поехали к храму святого Франциска. Стены храма были проломлены взрывом, вместо крыши чернели ребра стропил, мощенная камнем площадка перед входом была вся в выбоинах. Над входом сохранилось вырезанное на камне евангельское изречение: «Придите ко мне, страждущие, и я успокою вас». Дао вошла в разрушенный храм и молча постояла около того места, где раньше был алтарь. Может быть, она молилась...

Я вспомнил, что президент США тоже молился в католическом монастыре в Вашингтоне, когда он решил резко расширить масштаб воздушных атак на ДРВ.

Теперь, мистер Средний Американец, я должен повести вас в госпитали. Я был во многих госпиталях ДРВ, чтобы самому убедиться в результатах американских налетов. Я могу подтвердить, что немало американских бомб достигли цели, если считать, что целями были жилые дома, школы, больницы.

Я вспоминаю разрушенный до основания городок Фули, стоящий в девяноста километрах от Ханоя. Мы подъехали к нему ночью, и в темноте черные остовы домов стояли, как надгробные памятники. Я проехал по улицам города Тханьхоа, разрушенного на 80 процентов, и мне вспомнилась кинохроника времен второй мировой войны: так выглядели города, которые подвергались нападению гитлеровцев. В Хайфоне мне показали район новых домов, которые были построены за годы народной власти для рабочих цементного завода. Раньше здесь кипела жизнь, бегали дети, вечерами у больших деревьев, украшавших округу, назначали свидания парни и девушки. Теперь пустынно и глухо среди развалин и оставленных домов. Людей нет, потому что американская авиация продолжает бомбить этот район города. Я повстречал только двух бойцов из отряда самообороны с винтовками за плечами и одного народного милиционера, который показал мне стабилизатор от большой американской бомбы замедленного действия. Она взорвалась несколько дней назад.

Я мог бы и дальше перечислять разбитые американской авиацией города, деревни, улицы, но наш с вами путь сейчас, мистер Средний Американец, — в госпитали, к средоточию свидетельств американских преступлений на территории ДРВ.

...В эвакуированном госпитале Фат Зиема в одной из палат на широкой кровати лежал на спине маленький мальчишка с грустным, испуганным лицом. Врач, который показывал нам госпиталь, откинул простыню, и мы увидели, что живот у парнишки был закрыт большим куском ваты, которая придерживалась розовыми лентами пластыря. На краю кровати, поджав под себя ноги, сидел пожилой человек в крестьянской одежде со странным, устремленным куда-то вдаль взглядом широко раскрытых глаз.

— Этому мальчику — его зовут Бинь — 12 лет,— объяснил нам врач.— 17 октября он играл на дороге. Неожиданно появились самолеты. Один из них сбросил ракету. Осколок попал мальчику в живот. Человек, который сидит рядом,— его отец. Он слепой. Мать Биня тоже слепая. И он — единственный сын...

Я до сих пор не могу забыть эту картину: слепой отец около раненого сына. Мистер Средний Американец, вы, наверное, знакомы с заявлениями властей предержащих в вашей стране о том, что США якобы ведут во Вьетнаме войну с «коммунистическими агрессорами». Это ложь. Вьетнамцы воюют на своей земле. Ни один американский ребенок не погиб и не был ранен на территории Соединенных Штатов от вьетнамской бомбы или пули. Но тысячи — тысячи! — вьетнамских детей были убиты и ранены на земле своей родины американскими бомбами, ракетами, пулями. Нужны ли еще какие-нибудь доказательства, что агрессор — это Соединенные Штаты?

Вы должны знать, что американские бомбы и ракеты не щадят никого. В Хайфонском госпитале вьетнамско-чехословацкой дружбы главный врач Нгуен Минь Там показал мне список жертв американских бомбардировок, доставленных туда за период с 11 сентября по 14 октября 1967 года. Их семьдесят пять человек: крестьяне, рабочие, служащие, дети. Заметьте — ни одного солдата, речь идет только о гражданском населении! Самому старшему было 71 год, самому младшему — 1 год. Большинство получило ранения от шариковых бомб. Семеро из 75 скончались.

В Ханое, в госпитале вьетнамско-германской дружбы, заместитель директора Нгуен Джонг Куанг сообщил мне, что за шесть дней ожесточенных бомбардировок столицы ДРВ в октябре в госпиталь привезли 96 раненых жителей Ханоя. И снова я услышал слова о том, что среди пострадавших от бомбардировок было много детей, раненных шариковыми бомбами.

Я видел разрушенные больницы во многих городах ДРВ. В эвакуированном госпитале Намдиня я спросил у заместителя директора Нгуена Тинь И, почему на медицинских учреждениях не вывешивают крупные опознавательные знаки. Нгуен Тинь И усмехнулся:

— Почему? Потому что это не охранит нас, а, наоборот, подвергнет нас прямому риску. Два года назад в Тханьхоа был разбит лепрозорий, на котором был хорошо обозначен красный крест. Госпитали — это одна из «стратегических» целей американской авиации. За годы войны мы получили полную возможность убедиться в этом.

Я осмотрел госпиталь. Он был расположен среди рощицы, в небольших домах, похожих сверху на жилища крестьян. Фармацевтическое отделение помещалось в бывшей пагоде. Рядом с домами были вырыты бомбоубежища. В домике, отведенном под хирургическое отделение, был сделан цементированный подвал, где можно продолжать операции во время налетов. Госпиталь освещался от движка. Но на тот случай, если он будет выведен из строя, в хирургическом отделении стоит велосипед. Вращением колеса заставляют работать динамо, и велосипедный фонарь дает свет. Госпиталь оборудован современной медицинской аппаратурой, которая изготовлена в Советском Союзе и Германской Демократической Республике.

— Американцы бомбят и деревни. Вы не опасаетесь, что ваш госпиталь и в этом виде может стать объектом нападения? — задал я вопрос Нгуену Тинь И.

В ответ он напомнил мне о тех мерах, которые приняты на случай бомбардировок, и добавил:

— Если будут выведены из строя и сооружения, то мы переедем в новое место. Помещения для того, чтобы разместиться в новом месте, уже есть.

Я задал еще один вопрос заместителю директора эвакуированного госпиталя Намдиня: что бы он сказал американскому врачу, если бы ему довелось с ним встретиться? Вот его ответ:

— Я бы сказал своим американским коллегам, что империалисты США — варвары. Они используют самые современные средства войны для того, чтобы уничтожить нас. Каждая минута нашего времени посвящена тому, чтобы спасать людей от смерти. Каждая минута их времени отдана тому, чтобы лишать людей жизни. Нам нелегко. Но мы верим, что наше справедливое дело восторжествует. С нами в одном строю могучий социалистический лагерь и все честные люди земли. Я бы передал свою благодарность тем людям в Соединенных Штатах, которые не боятся выступать против варварства американской агрессии, и обратился с призывом к медицинским работникам США поддержать нас в нашей борьбе.

Потом я задавал подобные вопросы многим во Вьетнаме.

Начальник цеха текстильного комбината в Намдине Нгуен Тхи Минь Там сказала так:

— Пусть американские рабочие знают, что мы ненавидим тех, кто посылает смерть на нашу землю. На нашем комбинате до сих пор стоят недостроенные цеха. Строительство прервала война. Теперь к недостроенным сооружениям прибавились цеха, разрушенные американскими бомбами. Пусть они поймут нашу ненависть к людям, которые мешают нам жить. Пусть сами американские рабочие сделают все, чтобы остановить убийц наших детей.

В школе, эвакуированной из Ханоя в дальний пригородный район, директор, которого звали Фут Хо (с ним мы сидели в небольшом домике, служившем учительской) ответил:

— На нашу школу дважды падали шариковые бомбы. Одна из них — рядом с тем местом, где мы находимся. Наши ученики, к счастью, не пострадали. Но не раз случалось, что под обломками школ гибли дети. Если бы я беседовал с американскими учителями, я рассказал бы им об этих преступлениях. И они увидели бы, что бомбы нас не испугали. Мы, как и прежде, будем воспитывать в наших детях любовь к родине и ненависть к тем, кто хочет поработить ее.

Кстати, мистер Средний Американец, я хотел бы здесь привести некоторые цифры позорных «побед», одержанных американскими летчиками в Северном Вьетнаме. Вот они:

за годы войны против ДРВ американские самолеты совершили нападения на 592 различных учебных заведения;

за это же время американская авиация полностью или частично разрушила 130 госпиталей и медицинских пунктов;

на счету у пилотов США 307 атакованных храмов и 116 нападений на пагоды.

Но вы должны знать, мистер Средний Американец, что жертвы и разрушения не привели к тому, чего добиваются главари американской агрессии. Демократический Вьетнам не потерял воли к сопротивлению. Варварство, окрашенное безнадежностью,— вот что такое действия Соединенных Штатов против ДРВ.

Слова вьетнамцев, которые я привел, достаточно убедительно свидетельствуют о вере в победу. Я бы хотел к этому добавить лишь один пример, в котором, на мой взгляд, как солнце в капле, отразилась эта вера. Из разрушенного Тханьхоа несколько молодых парней посланы в архитектурные институты братских социалистических стран. Посланы для того, чтобы научиться восстанавливать свой город.

...Сейчас мне снова вспомнилась прекрасная земля Ким Шона. Однажды вечером я стоял на дамбе и смотрел на рисовые поля. Закат окрашивал воду в темно-алый цвет. И я не знал, с чем сравнить этот цвет — с кровью, пролитой на этой земле, или с пламенем, которое горит здесь в душах людей.

А с чем бы вы сравнили его, мистер Средний Американец?..

Минута передышки.

У причала Хайфонского порта.

Хайфон. Здесь демонстрируются советские кинофильмы.

15 молодых отвечают: „ДА, ТРИЖДЫ ДА"!

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. БОЧИНИНА.

В этом репортаже-интервью мы рассказываем о молодых работниках бытового обслуживания и торговли, транспорта и связи, об их заботах и тревогах...

Встретиться с хорошим человеком порой все равно, что открыть себе друга. В последние декабрьские дни уходивший год неожиданно подарил мне много новых друзей. Они наперебой приглашали меня на встречу 1968-го, соблазняя то выдержанной «Хванчкарой» («Вы, конечно, не станете утверждать, что есть на свете вино лучшее, чем в Грузии!»), то гранатами («Ах, какие у нас в Фергане сейчас гранаты!») или: «Вы не были в Монетном баре на Ратушной площади? Тогда вы совсем не знаете Таллина!», «Если уж ехать, то надо к нам, в Карпаты, где ели стоят над Прутом, как заколдованные красавицы, а в Пруте играет форель». И только одна девушка скромно сказала: «Что у нас хорошего? Тайга, олень и минус пятьдесят. Но не бойтесь, в каждом доме нашего села будет вам тепло и весело!..»

Я решила, чтоб никого не обидеть, отвергнуть все приглашения, под праздники из Москвы никуда не уезжать и написать вот этот репортаж — репортаж о моих друзьях. Познакомьтесь с ними.

Гульнара ЧАЛАТАШВИЛИ и Наташа АСТАШКИНА. Наташа — мастерица в сооружении причесок, Гульнара придает безукоризненную форму накрахмаленным сорочкам, костюмам и платьям,— она гладильщица химчистки. Обе из Тбилиси.

Юрий КУЦ из Львова. Он прессовщик фабрики по пошиву и ремонту обуви. Но может сделать и любой мелкий ремонт в организованной им и прославившейся на весь город «Минутке».

Петя ЛИ — фотограф из поселка Бахт, Сыр-Дарьинской области. Встречалась я с ним несколько раз, но он все «не раскрывался». Небольшой, незаметный какой-то, он превратился в барса, когда, обвешанный аппаратурой, носился по залу заседаний Дворца съездов и перехватывал у столичных фоторепортеров самые лучшие позиции для съемки.

Вагиф БАГИРОВ — специалист по оптическим приборам. В бакинской мастерской, которой он заведует, можно отремонтировать фотоаппарат и электробритву, микроскоп и нивелир.

Инабат ТУЛЯБАЕВА — швея. Жители Аккургана, узбекского кишлака, полюбили и оценили ее почерк, добросовестный и аккуратный.

Маленькая и худенькая девушка в очках, голубоглазая Таня МОСЕВЦОВА — работник связи в Липецке. Была почтальоном, а сейчас заведует отделением связи.

Эльшад НУРАЛИЕВ и Сеймур ХАЛИЛОВ из Сумгаита, из одной самой большой на заводе «СК» рабочей столовой. Нуралиев — заведующий производством, Халилов — повар под его началом. Добрый повар, говорят, доктора стоит. Сеймур — один из таких докторов.

Дмитрий ДЕМЬЯНОВ из Таллина — победитель Всесоюзного конкурса молодых поваров, кондитеров и официантов 1967 года. Предупредительность и радушие — во всем его облике. Можно себе представить, что когда такой официант подойдет к столику, то даже строптивый посетитель попытается скрыть свой характер и улыбнется в ответ на улыбку.

На форменном темно-синем жакете Инессы КИРЬЯВАЙНЕН медаль «За трудовую доблесть». Она стюардесса того самого «ТУ-114», который совершил беспрецедентную в практике благополучную посадку при испорченном шасси.

Зоя СУЧКОВА и Иван КОМАХ — водители. В Зоином распоряжении самый распространенный в Донецке и во многих городах транспорт — трамвай. А Иван Комах сидит за рулем автолавки. С некоторых пор он стал и продавцом. Его зеленый фургон под номером «06-99 ДОГ» очень хорошо знают доярки и трактористы, полеводы и телятницы всех сел Константиновского района, Донецкой области.

Ева ДОНЦОВА и Ульяна ПОТАПОВА — из Якутии. Уля, дочь местного охотника, промышлявшего белку, лисицу и горностая,— продавец универмага в селе Бердигестях, в двухстах километрах от Якутска. Ева — директор комсомольско-молодежного продовольственного магазина в столице алмазного края, городе Мирном.

Вот и все мои новые друзья. Нетрудно заметить, что их объединяет: молодость и принадлежность к так называемой сфере обслуживания. Все они в разных географических точках представляют эту сферу и, конечно, не исчерпывают ее, подобно тому, как нельзя исчислить точками поверхность шара, радиус которого беспрерывно увеличивается. Так и сфера нашего обслуживания с каждым годом становится объемнее. Это показал Всесоюзный слет работников торговли, бытового обслуживания, пассажирского транспорта и связи, организованный Центральным комитетом комсомола. В Москву съехались 2 500 делегатов, лучшие из лучших, мастера каждый в своей отрасли, словом, молодые асы большой сферы. Мне хотелось бы рассказать хотя бы о пятнадцати из них, как они того и достойны. Но как? Как вместить в короткий репортаж судьбы пятнадцати человек? Их вчера, их сегодня, их завтра? А не выручит ли испытанный прием — анкета? Попрошу каждого из них коротко ответить на три вопроса.

Вопрос первый:

КАК ВЫ ВЫБРАЛИ СВОЮ ПРОФЕССИЮ ?

Семеро ответили, что по собственному желанию. Мечтали о ней и стали осваивать ее сразу по окончании средней школы. Двое унаследовали семейные традиции. Двое приобрели профессию (шофер и повар) во время действительной службы в армии и решили остановиться на ней. Трое — в силу сложившихся обстоятельств: поступали в вуз и не поступили, надо было куда-то пойти работать, прочли объявление в газете, услыхали от соседки.

Одного человека привлек заработок.

Итак, четыре и одиннадцать. Элемент случайности в выборе профессии относится только к четырем из пятнадцати, остальные одиннадцать человек избрали свою профессию вполне осознанно. Знакомство с пятнадцатью делегатами слета не позволяет, конечно, делать какие-либо социологические выводы. Четыре и одиннадцать, соотношение может быть больше или меньше, но какой-то процент случайности в выборе профессии будет присутствовать, видимо, всегда или до тех пор, пока мы не научимся безошибочно находить свою и только нам присущую профессиональную ориентацию.

Даже Дмитрий Демьянов, достигший в своей работе виртуозного мастерства, не сразу стал официантом. В детстве, как он рассказывал с трибуны слета, ему снились люди в белых колпачках с поварешками. Стряпать он научился еще мальчиком и делал это дома вместо матери с большой охотой. Казалось, прямая ему дорога на кулинарное производство. И все же подросток после восьмого класса поступил в техникум, на отделение радиоэлектроники. Что это было — дань моде? Или он руководствовался какими-либо другими соображениями? К счастью, товарищи, с которыми учился Демьянов в техникуме, заметили искусство, с которым он буквально из «ничего» творил на электрической плитке в общежитии такие кулинарные чудеса и так подавал их... Короче говоря, вовремя остановили юношу: «Знаешь, Дима, техник из тебя неизвестно еще, получится или нет, а вот официант... Словом, попал ты сюда по ошибке».

Что ж, он внял мудрому совету, но далось это ему нелегко. Было время, когда даже от своих лучших друзей скрывал, что работает официантом, боялся войти в зал «Глории» (одного из лучших ресторанов Таллина), боялся встретить знакомое лицо, увидеть усмешку. Но ему повезло, рядом стоял бригадир Харальд Расс и подталкивал своего ученика: «Ну же, смелее, смелее иди! Ведь тебя ждут люди. Они доверяют тебе свой отдых, свое настроение, свое здоровье!»

К сожалению, думают так далеко не все. Директор ресторана «Душанбе» организовал как-то встречу с выпускниками одной средней школы. Пригласил, конечно, учителей. И тогда один из классных руководителей возмутился: «Неужели мы воспитывали и учили ребят для того, чтобы они подавали графин с водкой?»

— В нашем городе в профессионально-техническом училище № 15 открылось специальное отделение по подготовке официантов. И что же вы думаете? На сто мест подано всего четыре заявления,— огорчается Демьянов.— Преобладает высокомерное, пренебрежительное отношение к нашей работе. А ведь было время, когда поддался всеобщему настроению и я. Потом убедился, как надо много знать официанту: быть и диетологом и кассиром, знать технологию кулинарии и языки (я изучаю английский, а владею русским, эстонским и финским), пройти школу гостеприимства, то есть выработать в себе хороший вкус, хорошие привычки, быть всегда опрятным и подтянутым, радушным и остроумным.

В этом рассказе Дмитрия Демьянова суровая правда. Когда мы читаем объявления, расклеенные на улицах с бесконечным «требуются»: рабочие и работницы на фабрику по ремонту обуви; швеи и трикотажницы; кондукторы и продавцы; почтальоны и электрослесари; повара и буфетчицы,—то в этом сказывается прежде всего отношение нас самих к этим профессиям. Ведь на работу в сфере обслуживания, что тут греха таить, смотрят как на работу второго сорта и очень часто забывают, что без этого самого обслуживания мы не можем обойтись, что оно начинается в нашем доме, а продолжается за порогом его — на каждом шагу, куда бы мы ни пришли: в ясли или в магазин, в сберкассу или поликлинику. Важно это помнить еще и потому, что в будущем, как подсчитали ученые, службе быта понадобится каждый четвертый выпускник средней школы.

Вопрос второй:

НРАВИТСЯ ЛИ ВАМ ВАША ПРОФЕССИЯ ?

«Да, да, трижды да!», «Очень нравится». Тут и двух мнений не было и не могло быть, потому что отвечали лучшие, избранные на слет. Пятнадцать моих друзей ответили только утвердительно, хотя и шли к своей профессии разными, порой извилистыми путями; и были у них, да есть и сейчас, некоторые «но»...

— Я сначала никак не могла привыкнуть.— Наташа Асташкина чисто профессиональным жестом поправила выбившийся локон.— Все казалось, что я обсыпана с ног до головы волосами, что они у меня в тарелке, когда я сажусь обедать. Постепенно ощущение брезгливости исчезло. Появилось другое: заинтересованность, желание найти что-то свое, подобрать форму и линии к каждой головке.

— Люблю свою работу, потому что она на людях, все время среди людей. Но...— И тут моя собеседница замялась.— Она очень тяжелая для нас, девушек. Бывало, выйдешь с утренней почтой, а на улице такой противненький частый осенний дождичек. Через несколько шагов уже ничего не видишь.— Таня Мосевцова потерла очки, будто и сейчас их запорошило.— Шлепаешь по грязи; туго набитая сумка обрывает плечо, кажется, бросила бы ее и убежала. Но тут вспоминаю тех, к кому иду. Ну хоть бы дом № 19 по улице Рылеева. Там живет одна девушка, у меня для нее письмо из армии. Я знаю, что она обрадуется, когда ей позвоню, и обязательно скажет: «Вот спасибо! А вы садитесь, подождите, пока дождь уймется».

Однажды зимой я поставила сумку посреди дороги — уж очень тяжелая была — и бегаю от дома к дому: раздаю. Подошла какая-то женщина, подняла мою сумку да как закричит: «Кто же это тебя так нагружает, а? Вот я сейчас пойду на почту, поговорю там!» От этих слов моя ноша показалась мне в два раза легче. Но вообще та женщина права. Давно пора снабдить почтальона транспортом да и спецодеждой получше, чтоб сапоги не были пудовыми, чтобы форма выглядела современной и сшита была из прочных, но не грубых тканей. Ах, как права та девушка из Барнаула, что выступала на слете: «Мы, конечно, не мечтаем о «болонье», в которую с такой нежной заботой одета московская милиция, но хотелось бы, чтоб наши накидки не становились колом от холода и сырости!..» А еще пусть сумка наша не напоминает рогатый, с острыми углами короб, дубеющий от мороза. Тогда, может, девушки меньше будут уходить с почт.

«Но» Тани Мосевцовой оказалось весьма емким. Оно, как мостик, соединило второй вопрос анкеты с последним.

Вопрос третий:

СОБИРАЕТЕСЬ ВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ В СВОЕЙ ОБЛАСТИ ИЛИ НЕТ ?

Шестеро стали студентами вузов и техникумов, соответствующих профилю их основной профессии: Вагиф Багиров, Татьяна Мосевцова, Эльшад Нуралиев, Ульяна Потапова, Ева Донцова и Юрий Куц.

Двое готовятся начать учебу в этом, 1968 году: Иван Комах и Сеймур Халилов.

Двое изучают на курсах иностранные языки, необходимые им в работе: Инесса Кирьявайнен и Дмитрий Демьянов.

Трое официально нигде не учатся. Но это не означает, что они не повышают свой профессиональный уровень.

Петр Ли, фотограф, имеет законченное среднее и специальное образование... Он пристально следит за новинками фотомастерства, выписывает соответствующие журналы.

Инабат Тулябаева — совсем еще молодая швея. Работает немногим более года. Ее главная задача сейчас — овладеть всеми операциями, какие только есть в ее ателье «Индпошива».

Наталья Асташкина — парикмахер с немалым стажем. Работает девять лет, сама имеет своих учениц и жадно тянется ко всему новому, что появляется в парикмахерском искусстве. Учеба — больное место Наташи. Стоило только задеть этот вопрос, как она вся вскипела:

— У нас в Тбилиси негде учиться. Во всем городе ни в одном училище, ни в одной школе не готовят парикмахеров. Самый распространенный метод обучения — индивидуальный, мы его называем «стоячим». У моего кресла стоит сейчас Ламара Шанидзе. Пять месяцев уже стоит. Много ли таким методом можно подготовить парикмахеров? Что же касается нас, молодых мастеров, то мы варимся в собственном соку. Старые мастера держат свои тайны в секрете. Взять, например, окраску волос. Самый острый вопрос, между прочим, тут такое требуется умение, навык и знание! Рецептура составов, химия нужна. А мы ее постигаем по наитию, экспериментируем на клиентках. А что же нам остается делать?

Зато в Москве за короткие дни своего пребывания на слете Наташа не потратила зря и часа. Она вставала в шесть утра и бежала в какой-нибудь салон. Превратилась сама в ученицу. То стояла в салоне гостиницы «Украина», где жила, то торопилась в салон Краснопресненского района у зоопарка. Встретилась, наконец, с Галей Константиновой, о которой спрашивала меня при первой встрече, и целых два дня простояла у нее. И все восторгалась ее работой: «Как легко она все делает! Будто играет!» Уезжала Наташа совершенно счастливая: «Ну, вот теперь я могу, наконец, навести седину. Наши брюнетки с ума по ней сходят, а никто не умел, кроме стариков. Оказывается, это совсем просто». Или: «Подумайте, у нас до сих пор не знают, как стричь под бритву. Стрижем женщин все ножницами, по старинке. А мне Галя даже приспособление подарила!..»

Наконец, двое из моих знакомых, заметьте, только двое из пятнадцати человек, решили окончательно изменить своей профессии. Интересны причины, побудившие их к этому.

Гульнара Чалаташвили — очень хорошая гладильщица из тбилисской химчистки. Работой она довольна. Но учиться ей тут негде. В химчистку она пришла после 11-го класса, а вуза соответствующего профиля в городе нет. Гульнара поступила на заочное отделение педагогического института.

Зоя Сучкова, водитель трамвая высшего, I класса. Награждена Похвальной грамотой ЦК ВЛКСМ. Систематически получает премии. И вдруг — курсы счетоводов. Собирается поступить в техникум, чтобы стать бухгалтером. В чем тут дело? Оказывается, все упирается в быт, в обслуживание, как это ни странно, в обслуживание работников сферы обслуживания. Да, да, их тоже надо обслуживать, кому-то надо думать и заботиться о них!

Зоя работает пять лет. Живет в общежитии. В комнате несколько человек, встающих в разное время. Когда Зоя работает в первую смену, подымается в три часа ночи. В четыре уже вагоны выходят на линию. Через каждые 10—15 минут новый маршрут. И вот Зоя на линии. Все время пристально надо смотреть вперед, по сторонам, причем следить в оба! И следить за пассажирами. Напряжение немалое. Устают глаза, дает чувствовать себя сердце. Но хуже всего с питанием. Все всухомятку и на ходу. Бывает так называемый отстой по десять минут. Но разве можно за это время успеть заскочить в кафе и, обжигаясь, проглотить стаканчик чая или кофе с булочкой? Разве этого достаточно и полезно ли таким образом «обедать»?

— Давно идут у нас разговоры, что будет оборудован вагон-ресторан и он станет ходить по линии. Обещают увеличить время для обеда. Но разговорам этим в Донецке уже несколько лет, а толку никакого,— сокрушается Зоя.— Вот народ и уходит от нас.

О своих неурядицах говорил мне и Дмитрий Демьянов. Живет он со своей семьей из четырех человек в маленькой комнате. Давно просил, чтоб улучшили его жилищные условия. Ему, конечно, обещают: «Что ты волнуешься? Дадим, обязательно дадим. Кому же тогда еще, если не тебе?!» У обещаний тех выросла солидная борода. У Демьянова уже дочь Яна появилась...

Так вот и получается: в одном случае — быт, в другом — отсутствие перспектив для роста, в третьем — тяжелые условия труда...

На слете я безуспешно искала прачку (работницу фабрики-прачечной), так и не встретила ни одной, долгое время разыскивала часовых и сапожных дел мастеров. Даже официантов среди участников слета было очень мало — единицы. А работников гостиниц, контор по ремонту мебели и квартир, ЖЭКов (сантехников и монтеров) не было и вовсе. Не говорит ли это о том, что в такие места молодежь идет работать с неохотой, а может, ее там встречают плохо? Все собирается одно к одному, а результат плачевный, наносящий огромный ущерб государству,— текучка. Страшная текучка. Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Х. Везиров привел в своем докладе на слете любопытные цифры: за два года только в торговлю, например, пришло пятьсот тысяч юношей и девушек, и за это же время половина из них ушла. В сельской местности один мастер по ремонту бытовых машин и приборов приходится на 14 тысяч человек, один парикмахер — на 5 тысяч, один сапожник — на 4 тысячи человек.

Не потому ли сфера обслуживания испытывает постоянный голод в работниках, что не научились у нас еще заботиться о них, быть чуткими и внимательными к ним, к их запросам и требованиям?

Судьба моих друзей не только в их руках.

Еще несколько имен появится в списке погибших в далеком Вьетнаме.

ПОЕЗ В САН-ФРАНЦ

Георгий МДИВАНИ

На Одиннадцатом Международном кинофестивале в Сан-Франциско, состоявшемся в конце 1967 года, собрались делегации кинематографистов многих стран мира. Хозяева — генеральный председатель фестиваля известный юрист Калифорнии Стэнли Моск, вице-председатель Клод Жарман и члены Комитета фестиваля профессор американской литературы Берклийского университета Альберт Джонсон, представитель кинопромышленности известный продюсер Луи Блау и другие — сделали все, чтобы фестиваль был разнообразным и интересным.

Как обычно на фестивалях, фильмы были разные,— разные по своему художественному достоинству, разные и по замыслу их авторов.

На фестивале не было фильмов, умаляющих человеческое достоинство, оскорбляющих чувство национальной гордости того или иного народа, не было антигуманных картин, какие сегодня путешествуют по экранам мира.

Для участия в фестивале дирекция отобрала два советских фильма: «Сердце матери» и «Хевсурская баллада». Кроме этого, состоялся показ известных советских фильмов, начиная от «Броненосца «Потемкина» и кончая фильмами «Дама с собачкой» и «Ленин в Польше».

Просмотры наших фильмов привлекали много зрителей.

В День советской кинематографии Стэнли Моск вручил нашей делегации единственный приз художественных фильмов фестиваля — Большой Серебряный Кубок с надписью: «Посвящается пятидесятилетию советской кинематографии. От Одиннадцатого Международного кинофестиваля в Сан-Франциско».

Пресса Сан-Франциско высоко оценивала большинство советских картин, сравнительно объективно отзывалась об их художественных достоинствах.

Мы встречались не только с журналистами и работниками кинематографии, но и со студентами Берклийского и Калифорнийского университетов. И, честно говоря, удивлялись тому, что молодые американцы так хорошо знают советскую кинематографию, особенно кинематографию двадцатых — тридцатых годов.

— Трудно переоценить влияние «Броненосца «Потемкина», «Октября», «Матери», «Земли», «Арсенала» и многих других фильмов на развитие мировой кинематографии! — говорил нам профессор Альберт Джонсон. Фильм «Третья Мещанская» А. Роома, который в Америке в свое время назывался «Диван и кровать», по мнению профессора Джонсона, был предшественником итальянского неореализма.

Джонсон рассказал нам о том, как он переводил на английский язык тексты старых советских фильмов, как писал для них специальную музыку, чтобы показывать своим студентам фильмы прославленных мастеров советской кинематографии. Этим благородным делом профессор Джонсон занимается и по сей день.

В Калифорнии, где бы мы ни бывали, всюду встречали теплый прием и дружеское расположение.

Американцы весьма просты в обращении, гостеприимны и стараются от души, чтобы гостям понравилась их родина, понравились гигантские, по-своему красивые города, их богатые музеи...

Они с удовольствием расскажут тебе о том, как тот или иной миллионер, бывший нищий, разбогател; и одновременно как иной миллионер до сих пор не умеет правильно написать свою фамилию...

И в этом американцы, как ни странно, не видят ничего постыдного.

Американцы по праву гордятся своими гениальными учеными, композиторами, писателями, кинорежиссерами. Они действительно могут гордиться ими! И Хемингуэем, и Давидом Гриффитом, и Генри Фонда!

Первый раз я был в США в 1958 году. За девять лет, по-моему, произошли большие перемены. Народ США в 1967 году показался мне менее беспечным, менее веселым. Американцы показались мне очень озабоченными. Я задавал моим знакомым вопрос: «Мне это кажется или это действительно так?..» Мне отвечали: «Это так! Потому что война!.. Никому не нужная война в Азии... В далекой Азии... Война, которая никому не приносит радости, кроме мультимиллионеров».

Американцы стали понимать, что сегодня легко, очень легко доставить с других далеких континентов ракетами смертоносные грузы и сюда, в Сан-Франциско, и в их небоскребный Нью-Йорк! И в Вашингтон и в Чикаго! Они понимают, что нельзя сегодня безрассудно относиться к войне. А все, что происходит,— это безрассудство миллиардеров. Безрассудство правительства. Безрассудство тех, кто убивает, кто летит убивать и в результате часто гибнет сам... Безрассудство кичливых генералов, которых каждый день показывают по телевизору, генералов, которые никогда раньше не воевали, никогда раньше не видели большой войны, потому что никто на Соединенные Штаты никогда не нападал. В общем-то раньше Соединенные Штаты не принимали решающего участия в большой войне — ведь всем известно, что только в середине 1944 года они появились на европейском континенте, когда немецкий фашизм был при последнем издыхании.

А сегодня сотни тысяч солдат и офицеров Соединенных Штатов Америки находятся в Южном Вьетнаме. Это летчики, танкисты, пехотинцы, зенитчики, артиллеристы, моряки... Их привезли сюда с моря, с воздуха на тысячах самолетов и кораблей... И вместе с ними доставили тысячи тонн смертоносного груза...

И несмотря на то, что эти солдаты и офицеры вооружены до зубов, несмотря на то, что в их распоряжении имеются самые современные самолеты, танки, авианосцы, крейсеры, бронетранспортеры, ракеты,— несмотря на все это, героический вьетнамский народ не только защищается от этих современных вандалов, но и наносит им тяжелейшие удары. И нет никакой надежды. Нет никакой надежды у военщины Соединенных Штатов, что они когда-нибудь победят, подчинят себе и уничтожат свободолюбивый Вьетнам. Вот это-то американцы и понимают!..

Жители Соединенных Штатов понимают, что огромные налоги, которые они выплачивают за хлеб, за мясо, за одежду, за квартиры,— все идет на войну!.. И большинство из них, подавляющее большинство, с тобой, иностранцем, тем более с человеком из Советского Союза, стесняются говорить о войне, стыдливо стараются уйти от разговора о войне во Вьетнаме.

Разговор, который мог состояться!

В аэропорту Сан-Франциско я видел молодого американского солдата. Коренастый парень лет двадцати пяти, с лицом человека, только что вышедшего из госпиталя, сидел в зале ожидания. На нем был серо-зеленый военный костюм со знаками отличия; с левой стороны гимнастерки висел крест, похожий на немецкий железный крест.

Правый рукав пустовал у солдата...

Солдат провожал глазами своих шумных соотечественников, проходящих мимо него с женами, детьми...

И мне показалось, что эти люди старались не смотреть в сторону солдата. Только дети бросали взгляды на воина без одной руки...

Я сел напротив солдата, внимательно наблюдая за ним.

Мне было любопытно смотреть на этого солдата, потому что он, вероятно, всего месяц-полтора назад потерял руку в джунглях... Значит, этот парень еще осенью был во Вьетнаме...

Сначала его призвали в армию. Дали ему деньги. Одели. Обули. Дали в руки оружие. Здесь, в Калифорнии, а может быть, и в Аризоне или в Мичигане, обучали воевать... Потом посадили в самолет. И он летел через весь Тихий океан в далекую Азию, за много, много тысяч километров от своего дома... Летел, чтобы убивать вьетнамцев, убивать всех, и воинов, и женщин, и стариков, и старух... Убивать детей!!!

Нормальному человеку трудно понять психологию убийцы...

Однорукий парень заметил, что я пристально смотрю на него. Он явно смутился под моим взглядом и отнял свою единственную руку от подбородка, опустив ее на колени.

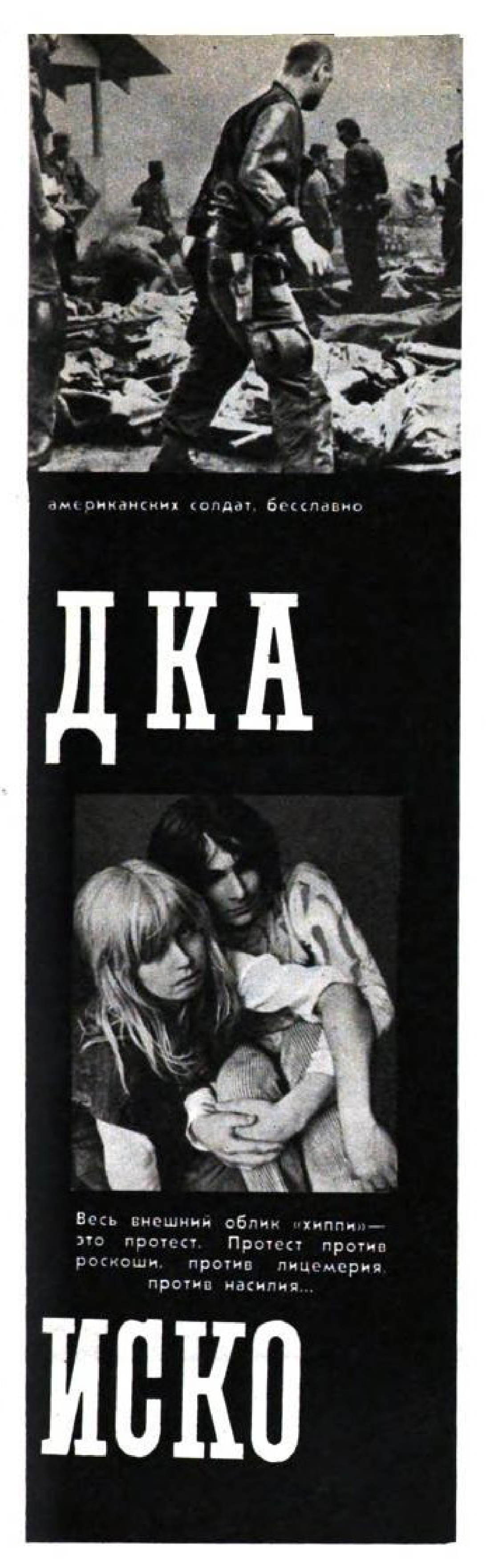
Мне показалось, что он в моих глазах прочел немой вопрос: «Почему ты, гражданин Соединенных Штатов, летел так далеко-далеко, чтобы убивать людей, которые, быть может, и не знают, где эти твои Соединенные Штаты... Людей, которые не могут объясниться с тобой, потому что не знают твоего языка... Почему ты пошел убивать их?.. Почему пошел сжигать напалмом их бамбуковое жилище?.. Травить их посевы, их скот... Почему?..»

...И мне показалось, что солдат словно бы ответил: «Не знаю, не знаю почему!.. Мне сказали, что вьетнамцы — враги моей страны, враги Соединенных Штатов Америки. Враги демократии и свободы. Мне сказали, что вьетнамцы на своих рыбачьих лодчонках переплывут через огромные пространства Тихого океана, придут к нам, в Соединенные Штаты, и будут убивать моих родных, моих близких... Будут разрушать и жечь мои города... Мой Сан-Франциско!.. Разрушат Чикаго... Нью-Йорк... Вашингтон.. Нет, вру!.. Мне ничего этого не говорили... Мне ничего не говорили! Мне просто дали деньги и оружие. Потом в газетах я прочел, что, воюя во Вьетнаме, я защищаю демократию...»

«Но это же бред?!» — спросил я глазами.

«Да, бред! — ответил однорукий.— Бред. Вся моя жизнь стала бредом. Бред, что я когда-нибудь смогу жениться. Бред, что я когда-нибудь куплю себе клочок земли, дом... Все это бред! Никому здесь я уже не нужен!»

Однорукий солдат волчьими глазами смотрел на спешащих мимо него людей. Людей с большими

американских солдат, бесславно

Весь внешний облик «хиппи»— это протест. Протест против роскоши, против лицемерия, против насилия...

чемоданами, фотоаппаратами... Это граждане Америки: служащие, деловые люди, студенты, учащиеся, старики, старухи... Конечно же, никто из них не хочет войны! Никто! Поэтому они стараются не смотреть в сторону однорукого солдата. Отворачиваются от него. Стараются не видеть это живое свидетельство чудовищной войны.

Вот перед одноруким солдатом прошла группа в девять человек — молодые солдаты. Они были веселы, улыбались, похлопывая друг друга по плечу, шумно разговаривая о чем-то. Им явно нравился их вид: пилотки набок, немного вперед. Какие они красивые! Прямо как с картинки!

Они шумно, очень шумно вошли в зал ожидания и прошли мимо безрукого солдата.

И я увидел, они тоже старались не встретиться глазами с «ветераном» войны... Старались не глядеть в сторону однорукого солдата...

Но безрукий проводил их грустным взглядом. Это мне не показалось! В его глазах была ирония. Неумолимая, жестокая ирония. Солдат думал: «Вот вы, молодчики, любуетесь собой! Радуетесь, что на вас новая военная форма. Но вы же знаете, что направляетесь не на защиту ваших границ. Вы же это хорошо знаете! Некоторые из вас вернутся на родину без ног или без рук... Вернутся так, как вернулся я! А некоторые вернутся в оцинкованных ящиках, покрытых сверху звездно-полосатым флагом. Остановитесь, пока не поздно! Вернитесь по домам, пока не поздно! Не надо! Не надо вам лететь в Азию! Вранье! Эта война не война американского народа. Это война тех, чьи сыновья не воюют и не будут воевать вместе с вами в джунглях Азии!..»

Да, я уверен, что именно так думал однорукий солдат, провожая взглядом веселых военных, уходивших прямо через зал ожидания к самолету, который, наверно, через несколько минут взлетит от аэродрома Сан-Франциско, держа путь в далекую Азию.

Несмотря на то, что много тысяч гробов доставлено в Соединенные Штаты из Вьетнама с прахом бесславных бойцов, почти никто не видел эти гробы. В США выработана целая система тщательной маскировки потерь на фронтах Вьетнама. Прямо с военного корабля или с самолета гробы в закрытых автомашинах доставляются родным.

Поэтому безногий или безрукий солдат, идущий по улице Лос-Анжелоса, Сан-Франциско или Нью-Йорка, производит на жителей Штатов более устрашающее впечатление, чем тысячи гробов, доставленных тайком на родину.

Передо мной сидит однорукий солдат. Ему двадцать пять лет, он уже отвоевался!.. Наверно, он получил бесплатный билет до своего штата. Всего один раз его фамилия мелькнула в газетах: «Такой-то был ранен...» А может быть, и вовсе не писали о нем, ведь его не убили. Его только ранили...

Прожил человек двадцать пять лет в Соединенных Штатах, работал на ферме или в какой-нибудь торговой фирме шофером или продавцом... Думал, когда-нибудь ему улыбнется судьба, он получит хорошее жалованье, женится и купит себе землю... И все это рухнуло!..

По радио объявили, что самолет уходит на Чикаго, однорукий солдат поднялся с места. Он взял маленький зеленый чемоданчик, в который может уместиться только несколько сорочек, полотенце, мыло, зубная щетка. Солдат медленно пошел через зал ожидания...

На мгновение мне стало жаль его. Но вдруг я подумал: «Почему я должен жалеть его? Он же не защищал границы своей родины! Никто на США не нападал! Он же не защищал честь американского народа! Наоборот, он позорил свой народ! Почему?.. Почему я должен жалеть его? За что он получил этот крест? Наверное, за то, что убил десяток вьетнамцев... Десяток, а может быть, и больше! Убил людей, которые защищают свою страну, свою родную землю, своих жен и детей. Защищают небо своей родины от цивилизованных мерзавцев, от убийц и негодяев!.. Почему, почему я должен жалеть этого солдата?!»

Через полчаса мы улетаем в Лос-Анжелос. Самолет был полон военными моряками. Здоровые, красивые парни. Красивая форма. Они были все молодые, все до одного! Чувствовалось, что ни один из них еще не знал запаха настоящего боя. Наверно, войну они знали только по американским кинофильмам, где штампуют для экрана улыбающихся белозубых парней-«героев», легко расправляющихся с «врагами», придуманными специально для сюжета.

Кстати, о фильмах. В Лос-Анжелосе мне рассказали, что правительство США пригласило многих прославленных сценаристов и режиссеров и просило создать «патриотические» фильмы о войне во Вьетнаме, но, как мне сказали, ни один из мастеров американской кинематографии не пожелал принять участие в этой грязной работе!

Война во Вьетнаме сегодня непопулярна в Соединенных Штатах. Все стесняются говорить о Джоне Стейнбеке; честные американцы стесняются говорить о нем так же, как в свое время норвежцы стеснялись говорить о Кнуте Гамсуне, предавшем свой народ.

«Хиппи»

Говорят, что родиной «хиппи» является Калифорния, точнее, город Сан-Франциско.

Сан-Франциско—один из красивейших городов мира, город, расположенный на крутых холмах... Всегда над ним синее, синее небо!..

В нескольких километрах от Сан-Франциско — заповедник секвой. Это лес, настоящий лес легендарных гигантских деревьев!..

И когда в этот лес попадает человек, ему кажется, что он шагнул в вечность. Для него уже не имеют никакого значения не только часы, дни и недели, но даже годы. Даже столетия!

Это не горы, которые остаются неизменными тысячелетиями. Это живые деревья, которые живут тысячелетиями, дышат, растут и когда-нибудь все-таки умрут!..

Но, когда глядишь на эти гиганты, кажется, что они живут вечно! И ты изумлен... И вдруг тебе становится страшно...

Не влияние ли страха перед этой живой вечностью — рождение «хиппи»? Нет! Конечно, нет! Соприкосновение с неумирающей природой — пусть даже кажущейся вечностью — облагораживает человека, развивает фантазию, рождает крылья мечты!.. А «хиппи», сегодняшний «хиппи» — это пессимизм без мысли.

В Сан-Франциско на каждом шагу можно встретить «хиппи». Это парни и девушки, похожие на юродивых. Грязные, спутанные, длинные волосы... Лохмотья вместо одежды... Они посещают театры, смотрят фильмы. Стараются не спорить, громко не говорить. Они медленно и бесцельно ходят по улицам... Сидят на зеленом ковре парков и площадей... Греются на солнце... Стараются держаться вместе, группами — обособленно от других людей. Они не только кажутся безвольными,— они и есть безвольные!

И вместе с тем внешний облик «хиппи» — это протест. Образ их жизни — протест. Потухшие глаза этих честных молодых парней и девушек — протест. Грубо залатанные брюки или юбка — протест!

Правда, среди них есть и такие, которые щеголяют небрежностью своей одежды, своими тщательно причесанными волосами: мол, посмотрите, каков я! Но мне объяснили, что это не «хиппи», а «пижоны». Настоящие «хиппи» не щеголяют. У настоящего «хиппи» не хватает воли, чтобы щеголять. А безвольный уже не может щеголять!

Во время встречи со студентами в Лос-Анжелосе, в Калифорнийском университете, студенты задали нам вопрос, встречались ли мы в Сан-Франциско с «хиппи».

— Да, встречались.

— Какое они произвели на вас впечатление?

— Очень странное! Мы не поняли, чего они хотят...

Нам ответили:

— Они ничего не хотят!

— Но даже те, которые «ничего не хотят»,— те тоже, вероятно, имеют свою программу жизни. Каковы идеалы «хиппи»? О чем они мечтают?..

На это нам не смогли ответить.

Если «хиппи» были бы маленькой группой молодых людей, если «хиппи» было бы явлением только одного Сан-Франциско, можно было бы не обращать на них серьезного внимания. Но «хиппи» не маленькая группа! Их много! Очень много в Соединенных Штатах Америки, тем более в Калифорнии... Они уже общественное явление!

На наш вопрос, как «хиппи» устраиваются на работу, как трудятся, берут ли их на работу, нам ответили: «хиппи» не работают. Они против работы!..

— Тогда на что они живут? — удивились мы.

— Они дети обеспеченных родителей,— ответили нам.— Но они против своих родителей! Против их образа жизни, против роскоши, против войны во Вьетнаме, против лицемерия, против насилия!..

— Но разве против всего этого борются пассивностью?!

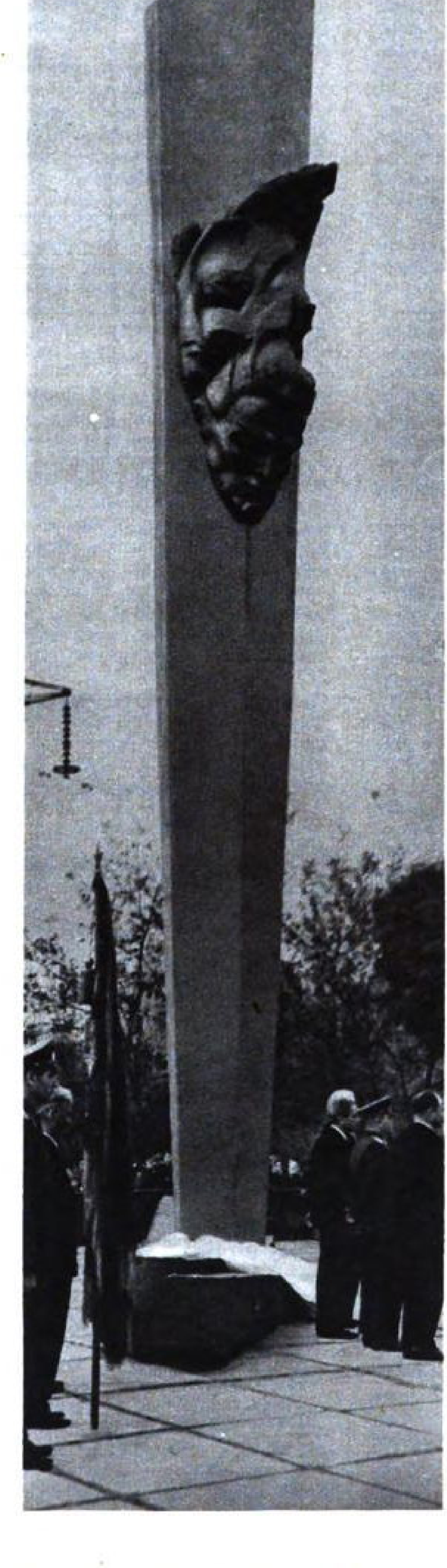
— К сожалению, «хиппи» вырождаются...— ответили нам.— На какое-то время это была прогрессивная сила нашей молодежи! Но они не нашли выхода. Многие из них начали употреблять наркотики. Наркомания стала сегодня болезнью «хиппи»... Они потеряли уверенность, потеряли способность бороться...

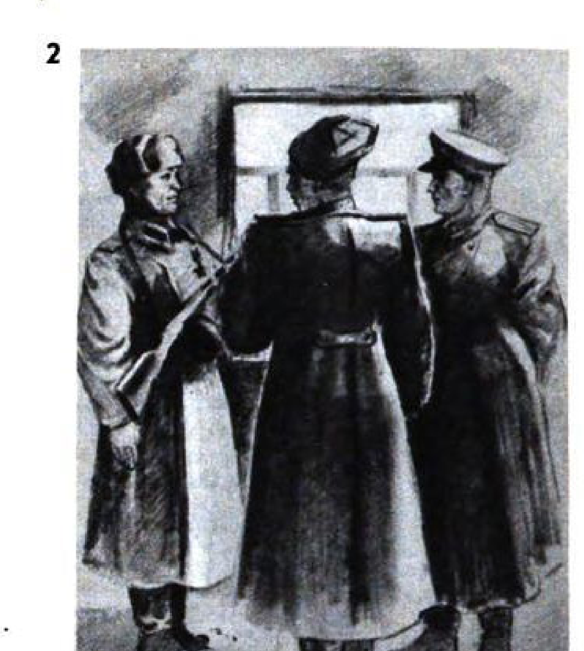
Я не знаю, правы ли были студенты Калифорнийского университета насчет того, что среди «хиппи» распространилась наркомания... А может быть, ее привили те, кому не нужны были «хиппи»?

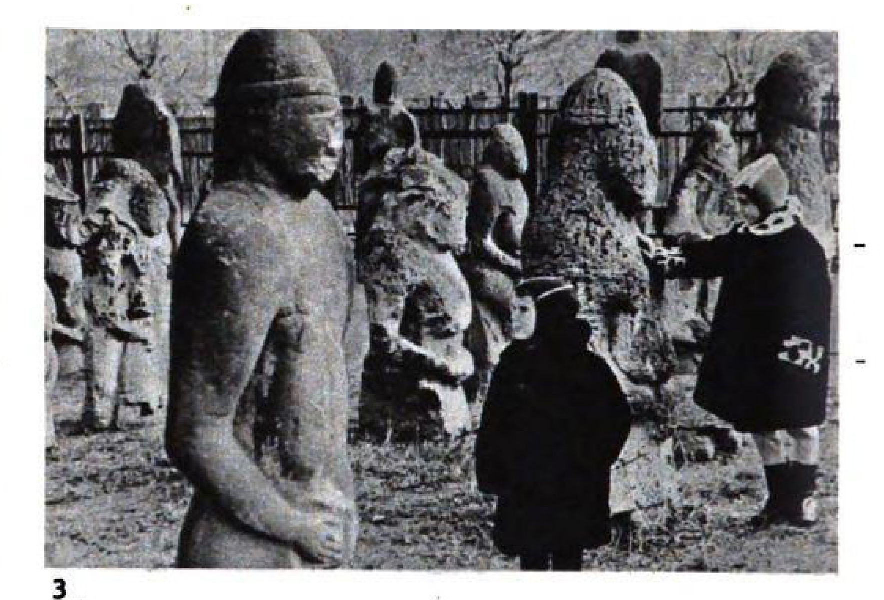
...И я пожалел, что не видел «хиппи» в то время, когда блестели их глаза, когда они протестовали. Когда они требовали своего. Когда у них были идеалы. Когда на них смотрели, как на общественную силу. Когда они не вызывали чувства жалости...

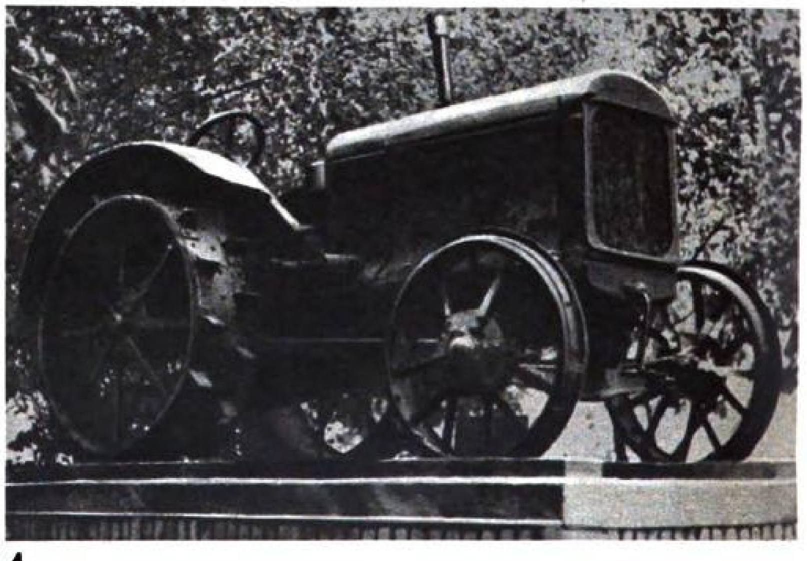
...Улетая из Америки, я думал о том, сколько в ней нравственных и физических калек. Ведь и однорукий солдат и эти лохматые «хиппи» с потухшими глазами, собственно, явления одного рода, хотя сами они этого и не подозревают. И те и другие калеки.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

1

2

3

4

5

6

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

1

28 августа 1941 года эскадрилья бомбардировщиков под командой капитана Владимира Шанаева выполняла боевое задание в районе Днепропетровска. В ее составе был комсомольский экипаж младшего лейтенанта Ивана Вдовенко. Защищая переправу от бомбового удара советских летчиков, немцы открыли по самолетам ураганный огонь. Один из снарядов попал в самолет Вдовенко. Машина загорелась. Надо было принимать срочное решение. Командир отдал приказ: «Уничтожить переправу»,— и объятый пламенем самолет врезался в понтонный мост, на котором скопились гитлеровцы.

Огромной силы взрыв потряс округу, а волны Днепра навсегда поглотили останки героев, повторивших подвиг капитана Гастелло. Но их имена навечно остались в памяти живых.

Недавно в парке имени Ленина, недалеко от места гибели героев, состоялось открытие памятника.

На четырехметровом обелиске надпись:

«Умирая, они боролись!

Героям Советского Союза летчику И. Т. Вдовенко, штурману Н. В. Гоманенко, орденоносцам радисту В. Карпову, стрелку М. Пулатову. 28 августа 1941 года они направили горящий самолет на вражескую переправу в районе Кайдак и взорвали ее.

Слава и вечная память комсомольскому экипажу!»

Н. ДМИТРИЕВ

Фото автора.

ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

2

В Ленинграде, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи МО СССР, хранятся многочисленные фотографии и рисунки фронтовых художников. Они отражают эпизоды, связанные с памятными датами суровых и славных годов.

Вот рисунок фронтового художника А. Палуева. Он запечатлел интересный случай, происшедший во время освобождения Советской Латвии. 18 сентября 1944 года в бою под хутором Домбеже наша рота продвинулась слишком далеко вперед и была отрезана от своего батальона сильным огнем противника. Рота заняла круговую оборону и приняла неравный бой. Тем временем батальон готовился к новой атаке. Ее успех зависел от согласованных действий с ротой. А связь с нею была потеряна. Командир батальона написал приказ и вручил его посыльному — старшему сержанту Антипину, человеку бывалому, обстрелянному еще в первую мировую войну.

Посыльный побежал через кустарник к роте. Но вот кусты кончились, открылось поле. Старый солдат бросился на землю и пополз по-пластунски. Как раз на середине поля его заметил и обстрелял фашистский пулеметчик. Бывалый воин знал, что в его руках судьба боевых товарищей.

Антипин решительно вскочил и перебежками, то и дело падая, бросился к хутору. Теперь уже два немецких пулемета пытались срезать смельчака. Антипин добежал до первых построек хутора и укрылся за ними. Приказ был доставлен своевременно. Хутор взяли дружной атакой батальона при активном участии роты, оказавшейся в тылу врага.

После боя генерал вручил Луке Иосифовичу Антипину орден Славы третьей степени. А старший сержант рассказал, что в 1917 году и тоже 18 сентября в этом же хуторе Домбеже ему был вручен солдатский Георгиевский крест. Только тут товарищи, весь батальон узнали, что старый солдат Лука Антипин — георгиевский кавалер! Вот какое необыкновенное совпадение... Кстати, в 1967 году исполнилось 160 лет со времени учреждения солдатского Георгия.

С. ГЛОТОВ, В. СМИРНОВ,
научные сотрудники Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи МО СССР

ОСТРОВ ПАСХИ НА ДНЕПРЕ

3

Остров этот невелик — меньше гектара. Он затерялся в море новостроек, парков, широких магистралей. Его координаты — среднее течение Днепра. Точнее, лежащий на берегу этой реки Днепропетровск. Еще точнее, проспект К. Маркса, площадка у дома № 2, где помещается Днепропетровский исторический музей. В саду музея стоят десятки каменных изваяний — фигуры воинов, облаченных в латы и шлемы. Из-под шлемов свисает по три косы. Рядом фигуры женщин: высокие головные уборы, ожерелья на груди.

Местные краеведы собрали коллекцию каменных баб — древних скульптурных надгробий половцев и скифов-сарматов, когда-то населявших степную ширь Южной Украины. Эти внушительные изваяния долгие годы поражали воображение купцов, воинов, путешественников и, конечно, местных крестьян, сложивших немало легенд о каменных людях. Многопудовые скульптуры в прошлом не раз меняли место жительства. То их считали виновниками засухи, то, наоборот, причисляли к чудодеям, исцеляющим от самых страшных болезней. И тогда их либо сваливали в овраг, либо с почестями перевозили поближе к селениям.

В конце XVIII века какой-то чиновник решил использовать произведения древних ваятелей в качестве верстовых столбов на почтовых трактах. Словом, с почтенными предками поступали неразумно.

Теперь, доставленные из разных мест Приднепровья, они стали предметом тщательного изучения. Украинские пионеры вместе со взрослыми любителями старины помогают людям науки разыскивать все новые и новые уникумы.

Ю. СЕРАДСКИЙ
Фото автора.

ТРАКТОР-КАПИТАН

4

Этот честно послуживший людям старенький трактор установлен ныне на пьедестал в самом центре Пинска, возле здания краеведческого музея.

Иногда возле трактора-памятника останавливается убеленный сединой человек. Он живет в деревне Туры. В Пинске его знают многие. Это Владимир Григорьевич Потрубейко, первый тракторист на Пинщине.

Когда-то еще молодым механизатором он принимал этот трактор на станции Лунинец, перегнал его лесными дорогами в свою деревню и проложил здесь первую борозду.

Во время фашистской оккупации трактор хранился разобранным у колхозников, после освобождения области от врага был вначале единственным трактором в восстановленной МТС. За его необычную историю и долголетнюю работу любовно назван трактористами «капитаном». Кончилась война, и на разоренном колхозном дворе вновь деловито зарокотал мотор. И до конца трудовых дней эту машину водил по полям колхоза В. Г. Потрубейко.

Сейчас ветерана часто можно видеть среди молодых механизаторов. Свой большой опыт, свое умение и любовь к технике передает он сельской комсомолии.

И. КАРШАКЕВИЧ
Фото автора.

ЖИВОПИСЬ ИЗ ХЛОПКА

5

Чего только люди не научились делать из хлопка! Различные ткани, трикотаж и корд, приводные ремни и марлю, канаты и рыболовные сети. А вот калужанка Мария Яковлевна Монзалевская с помощью хлопка делает картины.

Долгими часами она подбирает и окрашивает хлопковые волокна, создает гамму цветов и композицию картин. Затем изображение накрывается стеклом, вставляется в раму: картина оживает.

В комнате М. Я. Монзалевской глядят из рам букеты сирени, мимозы, роз, фиалок, флоксов, жасмина, незабудок.

Хороши и пейзажи «Весна в Крыму», «Золотая осень», «Шторм на море», «Закат над рекой» и другие. Ряд своих произведений М. Я. Монзалевская посвятила гениальному земляку калужан К. Э. Циолковскому. Недавно она создала новую картину — «Вечный огонь» — в память о погибших героях.

Оригинальные работы самобытной художницы не раз демонстрировались на выставках в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах.

Н. АЛЕКСАНДРОВ
Фото автора.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ПАРАШЮТИСТ

6

Этот случай произошел в Крыму на воздушном празднике черноморцев.

Когда начались показательные выступления парашютистов, зрители увидели в небе нечто совершенно необычное. Под оранжевым куполом одного из парашютов была привязана собака.

Оказалось, что этот отважный парашютист по кличке Цезарь принадлежал одному из участников соревнования, мастеру спорта Н. Болдову.

Цезарь никогда не расставался со своим хозяином и всегда сопровождал его даже на аэродром, с нетерпением дожидаясь каждый раз его возвращения из полета. Видя такую преданность, товарищи Н. Болдова решили приспособить специальный парашют для Цезаря, чтобы друзья не расставались даже в воздухе. Так Цезарь стал парашютистом. На его ошейнике значок, на оборотной стороне которого сделана любопытная надпись: «За особую собачью преданность».

А. БЕЛОУСОВ, мастер спорта СССР

Фото автора.

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

35

Странное ощущение возвращалось вновь и вновь: ему казалось, что за ним все время кто-то следит. Какой-то чужой глаз, пристальный и неотступный. И самое главное состояло в том, что он ни разу не видел «наблюдателя». Он только все время ощущал его взгляд на себе и потому стал нервничать.

А ведь так складно все шло до недавнего времени!

Зимой он женился на Ларисе. Она служила бухгалтером-ревизором. Эта ее должность весьма устраивала Рубцова: частые командировки жены создавали все условия, чтобы он, пребывая в роли добропорядочного мужа, хорошего семьянина, мог распоряжаться собой и своим временем, как ему нужно. К тому же у Ларисы была большая комната, которая в соединении с его комнатой дала возможность получить в обмен отдельную квартиру, так необходимую ему для конспирации дела, которым он теперь занимался...

Вспомнив сейчас об этом деле, Рубцов посмотрел на часы и поспешил покончить с завтраком. В полосатой пижаме и ночных туфлях он прошел из кухни в маленькую комнату и закрылся там. Собственно, на железную задвижку можно бы и не запираться, так как в квартире он один: жену еще с вечера удалось выпроводить к матери, в деревню. Но он уже привык работать взаперти.

Когда-то эти меры предосторожности Рубцов считал для себя ненужными. Сейчас не то!.. Арсений Павлович достал со шкафа черную шкатулку, где хранились бритвенные принадлежности. Выложил их на стол. Потом поддел шилом дно шкатулки и вытащил стопочку исписанных условными знаками бумажных листков, начал разбирать их.

Часа через полтора Рубцов пробежал глазами готовое донесение:

«На днях мне удалось побывать в некоторых интересных местах нашего района. При этом возле Осокина, направо от железной дороги, я видел военный аэродром, на котором насчитал 46 истребителей... На станции Березкино с поезда сошли два подполковника авиации. Когда поезд ушел, у переезда я заметил еще двух офицеров ВВС, они шли по дороге, ведущей в лес.

Будучи в облцентре, от водителя такси услышал, что на местном автозаводе находится в производстве машина спецназначения грузоподъемностью более 50 тонн...»

Далее шло в том же духе: что видел сам, что удалось подслушать. Все это не имело отношения к основному заданию, являлось результатом, так сказать, личной инициативы. Однако пренебрегать подобной информацией не следовало: за нее платили деньги...

Рубцов оттянул пальцами плинтус под столом, достал из тайника шифровальный блокнот. Прежде чем приступить к зашифровке, он еще раз прочел донесение и задумался, вспомнив недавний наказ непосредственного его «хозяина» — Ванджея: «Главное, чтобы нас никогда впредь не видели вместе. Шифрованные сообщения, исполненные тайнописью, вы должны маскировать строками невинного открытого текста, который по своему содержанию мог бы навести на мысль о мальчишеской игре, если магнитный пенал, куда вы вложите свою информацию, случайно попадет в чужие руки...»

Ченский поезд подошел к вокзалу областного центра. И как только, зашипев тормозами, остановился, из вагонов хлынул шумный поток пассажиров. Наблюдая это пестрое шествие, Рубцов не спешил покидать купе.

С вокзальной площади он направился на троллейбусную остановку, но не прямым, ближним путем, а окольным — пустынными переулками.

На троллейбусе Арсений Павлович проехал всего две остановки, потом вышел, взял такси и велел шоферу ехать к Большому бульвару...

Когда Арсений Павлович начал прохаживаться по липовым аллеям, над городом уже опускались сумерки. Большой бульвар был излюбленным местом вечерних прогулок. И Рубцов тоже с видом праздного человека вышагивал по его дорожкам, протянувшимся на добрых два километра.

Возле кустов желтой акации, откуда начинались каменные ступени длинной лестницы, которая вела с бульвара на улицу, он замедлил шаг, вынул из кармана и зажал в руке маленький металлический пенал. Спустившись по лестнице, Рубцов как бы невзначай дотронулся до железной ограды. Этого неуловимого движения было достаточно, чтобы всунуть магнитный пенал в железное дупло: полый столбик ограды был проломан.

Пересилив желание поскорее уйти от тайника, Рубцов заложил руки за спину и медленно двинулся в сторону вокзала. До поезда оставался еще целый час...

И ровно через час, когда Рубцов уже сидел в купе, на центральной аллее Большого бульвара среди гуляющей публики появился новый человек. Был он высок ростом, с покатыми крепкими плечами. Распахнув свой темно-зеленый короткий пиджак, заложив руки в карманы, человек ходил по дорожке и беспечно что-то мурлыкал себе под нос, какой-то веселый мотивчик.

На этого человека обратил внимание светловолосый юноша, сидевший со своей подружкой на одной из бульварных скамеек.

— Тебе не кажется, что он болтается здесь неспроста?— спросил юноша у своей подруги. До этого она без умолку тараторила, смеялась, теперь подвинулась ближе, тихо сказала:

— Да, я тоже об этом подумала...

— Гляди! Опять идет сюда,— шепнул парень.— Обними меня крепче... Да не бойся, не укушу.

— Может, еще захочешь, чтобы поцеловала?

— Не возражаю. Для дела не противопоказано.

— Сойдет и так.— Она повернулась, обняла его рукой за шею.— Если бы знать, что за тип!..

Но этого не знал даже тот, кто посадил их на бульварную скамейку, кто организовал засаду у тайника. Никто из чекистов не ведал, что за человек может прийти к тому месту у кустов желтой акации, где недавно побывал Рубцов. Знали только одно: за шпионским сообщением обязательно придут.

Пришел капитан Гарри Ванджей. Именно он и мотался теперь по дорожкам Большого бульвара, выбирая удобный момент, чтобы подойти к тайнику.

Наконец Ванджей уловил такой момент. Бульвар пересекала группа парней, они пели под гитару. И Ванджей пристроился сзади, как только понял, что ребята пойдут на улицу по каменным ступеням мимо кустов. Он смело шел за веселой ватагой, не рискуя быть замеченным со стороны улицы. По бокам его надежно маскировали густые заросли акации. Незащищенным оставался только тыл, но там ничего подозрительного не замечалось — гуляющих поблизости нет, а парочки, сидевшие поодаль на скамейках, вообще не в счет: на таком расстоянии, при скудном свете фонарей, едва ли можно разглядеть, что делает человек, задержавшийся на секунду у решетки бульвара...

Но юноша-блондин видел все, что делал Ванджей. И то, что видел, шепотом передавал своей подруге, невольно заражая ее волнением, которое испытывал сейчас сам.

Ванджей, приотстав от шумной компании, решительно шагнул к железной решетке ограды. Вынув из кармана стержень длиною чуть побольше карандаша, он запустил его в «дупло» полого металлического столбика, плавно потянул вверх и извлек пенал, заложенный Рубцовым.

Молодой человек рванулся со скамьи, следом за ним побежала девушка.

Ванджей успел сделать лишь несколько шагов, когда они, появившись на аллее из темноты, встали перед ним.

— Что вам надо?!— в недоумении спросил Ванджей.

Не ожидая ответа, он быстро повернулся, чтобы уйти. И тут же отпрянул назад: наперерез ему из кустов акации вышел коренастый милиционер с сержантскими нашивками на погонах. Это был сотрудник Демина — капитан Исаев. Недавно на свадьбе у Тюменцева в роли пьяного болтуна Аркашки ему пришлось вместе с Ниной Грицевец обрабатывать Рубцова, а теперь вот посчастливилось встретиться с его непосредственным хозяином.

— Минуточку,— спокойно сказал милиционер, преграждая Ванджею дорогу.— Торопиться не надо...

36

Машина свернула в узкий, плохо освещенный переулок и бесшумно остановилась.

— Заякорил, где приказано,— тихо доложил Тюменцев.

— Во двор подадите, когда увидите свет в его окнах,— сказал Маясов.

— Ясно, товарищ майор.

Маясов вылез, осторожно прикрыл дверцу. Вслед за ним выбрались из машины Дубравин и Зубков. Подошли к майору, начали о чем-то тихо разговаривать.

Постояв с минуту, Маясов и Зубков пошли к дому, где жил Рубцов. Немного погодя туда же зашагал Дубравин. Скоро его могучая фигура скрылась в полумраке.

Тюменцев остался один. Прислушиваясь, поднял голову. Небо над крышами было черное, вокруг стояла тишина, только чуть слышны были звуки шагов: это Дубравин прохаживался перед домом...

Как только в одном из окон квартиры Рубцова вспыхнул яркий свет, Тюменцев вырулил на середину мостовой, набрал скорость и с ходу сделал лихой разворот во двор. Он мог бы сделать это с закрытыми глазами: сколько раз заезжал за Рубцовым, знает тут каждый уголок.

К сожалению, низкий заборчик из штакетника, огораживающий клумбу, не дает подогнать машину прямо к подъезду. Придется держать ее немного поодаль. Это не совсем удобно, однако ничего не поделаешь. И потом место заранее согласовано с майором...

Но Тюменцев напрасно беспокоился: ему не довелось исполнить до конца свои прямые шоферские обязанности.

Все произошло в какие-нибудь три-четыре минуты. Когда Маясов и Зубков вывели Рубцова из квартиры на лестничную площадку, никто бы не мог предположить, что мирно протекавшая операция может вдруг резко осложниться. По лестнице во двор они спускались в таком порядке: впереди Зубков, за ним, понуро опустив голову, заложив за спину руки, шел Рубцов и позади него Маясов с двумя дворниками-понятыми. На повороте лестницы между вторым и первым этажами в полуметре над полом чернело давно не мытыми стеклами окно. Рамы его были плотно закрыты. Но, как оказалось, не заперты. И Рубцов этим воспользовался. Когда Зубков повернул на нижний пролет лестницы, Рубцов ударом ноги распахнул раму и спрыгнул вниз.

Ему повезло: он упал на мягкую землю цветника. Мгновенно вскочил и бросился через двор, по клумбам...

Зубков выбежал из подъезда первым, выхватил пистолет. Но подоспевший сзади Маясов не дал ему даже прицелиться:

— Не смей! Надо взять живым...

Маясов уже понял, что Рубцову не убежать: к забору, в левый дальний угол двора, куда мчался Рубцов, наперерез ему бежал Тюменцев. Через высокий тесовый забор Рубцову сразу не перелезть. Тюменцев неизбежно настигнет его.

Однако сам Тюменцев, бежавший изо всех сил, знал, что Рубцову перелезать через забор и не нужно: достаточно отвести в сторону широкую доску, державшуюся лишь на верхнем гвозде, и нырнуть в лаз, который ведет в густые заросли городского парка. Рубцов, как и Тюменцев, прекрасно знал этот ход, проделанный мальчишками. Они сами вдвоем не раз пользовались им: перед рыбалкой ходили в парк копать червей.

Тюменцеву удалось добежать до лаза первым. Тяжело дыша, он встал к забору спиной, для устойчивости широко расставил ноги.

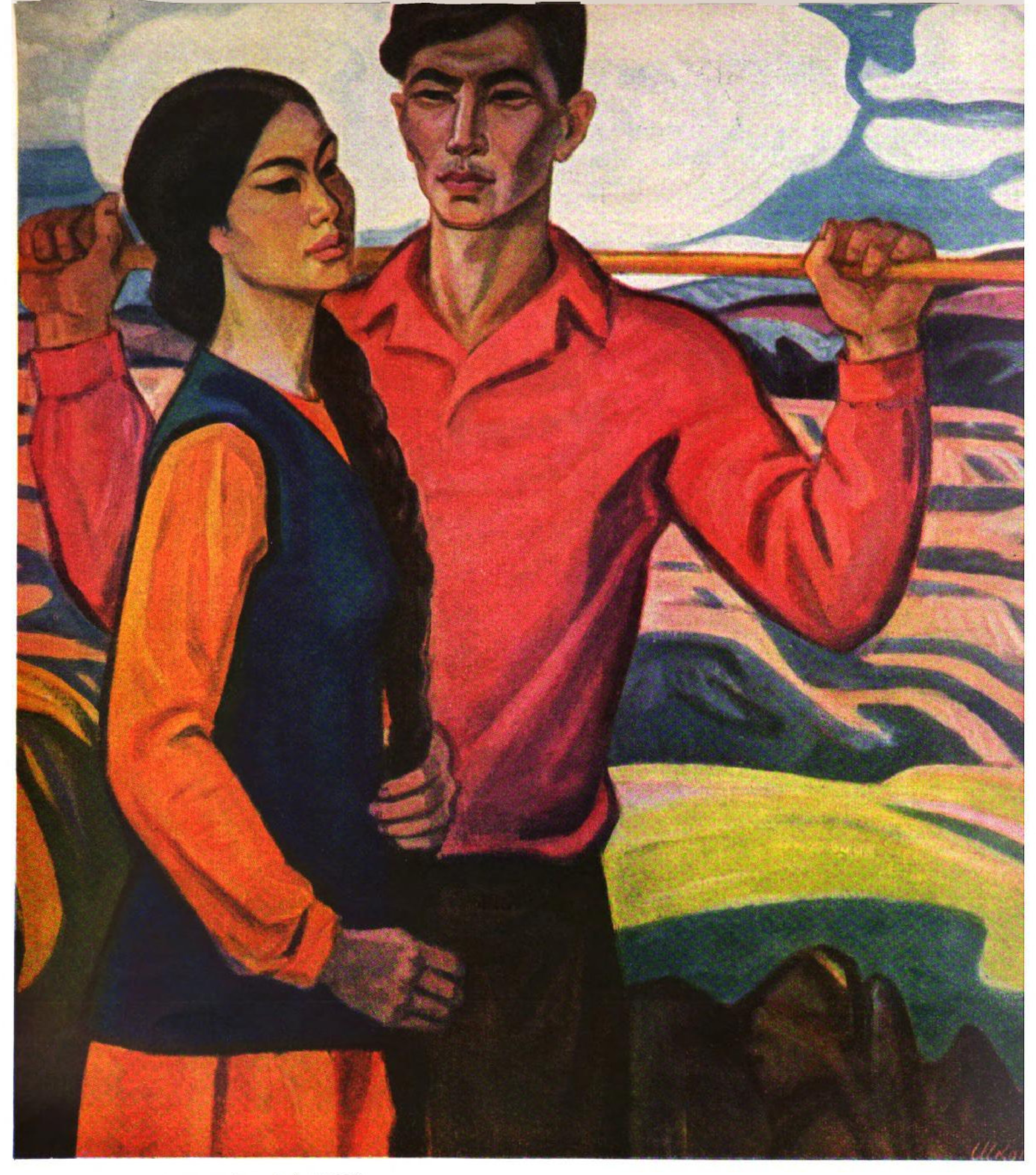
Здесь, за домом, в углу, у выкрашенного бурым суриком забора, было темнее, чем во дворе. Но Рубцов сразу узнал Тюменцева.

— Петя!— глухо вскрикнул он.— Пропусти!.. Я ж тебя спас, Петя!

От этих слов Тюменцев на какое-то мгновение растерялся. Перед ним стоял не враг, не преступник, а Павлыч, приятель... И тут же удар в челюсть бросил Тюменцева на землю. Рубцов рванулся к забору, стал лихорадочно нашаривать в темноте доску, прикрывающую лаз. Наконец нашел, рванул, и она, скрипнув, сорвалась с гвоздя, упала.

Но протиснуться в дыру Рубцов не успел. Поднявшийся с земли Тюменцев схватил его за ворот пиджака и отбросил назад. Рубцов остервенело выругался и, растопырив длинные руки, бросился на Тюменцева. Завязалась борьба. Для Тюменцева такая схватка, грудь с

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—5.

А. Школьный (Алма-Ата). ЮНОСТЬ.

М. Данциг (Минск). МОЙ ГОРОД.

грудью, была невыгодна: он не мог применить ни один из своих ударов. А Рубцов, изловчившись, захватил его правую кисть, подставил плечо, рванул сдавленную намертво руку вниз. От страшной боли Тюменцев закричал и упал без сознания.

Рубцов бросился к лазу. Но было поздно. С двух сторон повисли на нем подбежавшие Маясов и Зубков.

37

Приступая к допросу Рубцова, полковник Демин располагал значительными уликами против него. И все-таки Рубцов упорно не хотел признаваться в предъявленном ему обвинении.

Не предвещавший скорого завершения разговор с подследственным происходил в кабинете Маясова. В том самом кабинете, куда дождливым весенним днем явился Рубцов, чтобы сообщить чекистам о якобы случайной встрече с Никольчуком.

С уточнения этого факта Демин и начал допрос. Вначале Рубцов пытался разыгрывать «честного советского патриота». Но скоро пришлось перестраиваться: полковник выложил на стол вещицы, найденные при обыске у Рубцова на квартире. Здесь были портативный радиопередатчик, два фотоаппарата «минокс», четыре шифровальных блокнота, несколько листов бумаги для тайнописи.

— Зачем понадобились эти предметы честному советскому гражданину? — спросил Демин.

Рубцов ничего не ответил, только с откровенной злобой посмотрел на него. Он впервые так смотрел на следователя. А до этого юлил с мягкой улыбочкой человека, по ошибке арестованного чекистами, всем своим видом показывая, что готов терпеливо дожидаться, пока в этой ошибке полностью разберутся...

Но как ни врал, ни изворачивался Рубцов, он вынужден был под давлением неопровержимых улик постепенно сдавать свои позиции. На девятый день допроса полковник Демин решил подвести первые итоги следствия:

— Итак, мы установили: разоблачив Никольчука, вы должны были зарекомендовать себя патриотом, войти в доверие органов государственной безопасности?

Рубцов наклонил голову.

— Так требовалось по плану.

— А что это за план?

— Никольчуку дали новое задание. Расчет был на то, что он, зарабатывая себе судебное снисхождение, неизбежно расскажет об этом задании. А оно спутает вам карты, уведет от главного...

— В чем же заключалось главное?

— Главное было в том, чтобы внушить вам мысль, будто завод «Кленовый Яр» с некоторых пор больше не интересует Лаута, что его агент Никольчук переключается на другой объект — Зеленогорский химический комбинат, выпускающий похожую продукцию...

Глядя на медленно вращающийся диск магнитофона, Рубцов помолчал немного и потом продолжал:

— Все это должно было на какое-то время ослабить внимание вашей контрразведки к Кленовоярскому заводу и в конечном итоге облегчить проникновение к его секретам с нового направления.

— Облегчить проникновение кому?

— Новому агенту американской разведки.

— Зачем же так отвлеченно? — улыбнулся Демин.— Какому агенту?

— Барсуку.

— То есть вам?

Рубцов промолчал.

— Этим и исчерпывалось ваше задание?

— Нет... Рассчитывали, что после сдачи Никольчука вы заинтересуетесь мною. Сочтете в высшей степени бдительным патриотом, готовым активно помогать вам в контрразведывательной работе. И это, разумеется, не являлось самоцелью...

— Какова же была конечная цель?

— Чтобы создать благоприятные предпосылки для моего внедрения в органы госбезопасности...— Рубцов потер небритый подбородок.— При всем этом еще раз прошу принять во внимание, что ни по первому, ни по второму заданию я ничего не делал.

— Все учтем, Рубцов, не беспокойтесь,— сказал Демин и дал знак Маясову, сидевшему рядом с ним за столом, выключить магнитофон.— Что ж, перейдем к другому вопросу... Может, сегодня, на свежую голову, вы все-таки припомните, что означает та комбинация цифр, о которой мы вчера говорили?

— Я вам уже сказал, что забыл... Возможно, это номера облигаций или пометки о расходах.

Демин достал из сейфа записную книжку Рубцова.

— Ну, что ж, тогда придется мне вам напомнить.— Он раскрыл книжку на ладони.— Это не простые цифры. Это радиопароль, по которому вы, Рубцов, при необходимости могли вызывать из Москвы известного вам Гарри Ванджея из не менее известного вам посольства.

— Никакого Ванджея я не знаю...— Рубцов криво усмехнулся, пожал плечами.— И цифры в записной книжке не доказательство.

— Напрасно упорствуете. У нас имеются более веские доказательства,— сказал Демин, раскрывая папку, лежавшую на столе.— Ванджей был задержан в областном центре, на Большом бульваре, когда доставал из тайника ваше донесение... Вот, полюбуйтесь на составленный по этому поводу акт. Кстати, вот фотографии. Тут есть и вы.

Рубцов взял протянутый полковником лист, пробежал глазами по строчкам. Потом перетасовал подвинутую к нему пачку фотографий.

Он испытывал злобу. Оказывается, след к нему идет от Ванджея, по милости которого он и попал в руки чекистов. Выходит, он клюнул на следовательский крючок, поверил, будто веревочка вьется с другой стороны — от Никольчука. Поверил, как простак, седому и наболтал такого, о чем, быть может, он только догадывался...

Вся его тактика, которой он придерживался на допросе, летела к чертям собачьим, оказывалась несостоятельной. Надо было немедленно перестраиваться. И, решив так, Рубцов вдруг тяжело вздохнул, прижал растопыренную ладонь к груди.

— У меня, гражданин следователь, что-то плохо с сердцем...

Демин внимательно посмотрел на него, потом сказал, что он может прилечь на диван или пересесть поближе к форточке.

Арсений Павлович подвинулся со стулом к окну. Пока Демин и Маясов, склонившись над бумагами, вполголоса разговаривали, он, стиснув между колен тяжелые кулаки, думал...

Но думалось плохо. Перед глазами мелькали события последних месяцев. И ярче других — тот первый день...

Было холодно, мела метель. Красивая баба в коричневом пальто появилась у него в фотоателье под вечер внезапно. Отряхнула с рыжей челки снег, сбросила пуховый платок, потом молча подошла к двери и опустила предохранитель на замке.

— Что вам нужно? — поразился Арсений Павлович.

— Мне нужны вы, Рубцов! — Она бесцеремонно села в кресло, закурила.— А если говорить точнее, нас интересует Барсук, бывший агент абвера...

Эти слова были сказаны ею просто и даже дружелюбно. Но они будто пригвоздили Рубцова к стулу. А она между тем говорила, и он понял из ее быстрой, отрывистой речи, что ему предлагают сотрудничество с американской разведкой.

— Я ничего не знаю, вы ошиблись...— Он пытался увильнуть от прямого ответа.

— Прекратите, Рубцов, словоблудие! — оборвала его она.— И запомните: если вы откажетесь помогать нам, то завтра же чекистам станет известно о вашем прошлом.

Испытывая одновременно страх и ярость, Рубцов подумал: «Нынче ночью я убью эту бабу!»

Но она словно прочитала его мысли:

— Мне нужно вернуться в Берлин. Не вздумайте помешать.— И от этих слов ярость Арсения Павловича испарилась. А страх остался и с той поры постоянно жил в нем...

В первые дни после ареста он умышленно путал в показаниях, оттягивал время, чтобы сориентироваться, выявить причины своего провала. Он терялся в догадках. И даже, грешным делом, подумал, не удружил ли ему Петька Тюменцев, который, возможно, что-то пронюхал о его участившихся поездках по району.

Однако потом Рубцов понял, что Тюменцев к его провалу не причастен. Когда же полковник выложил перед ним фотоаппараты, и шифры, и все то, что нашли у него дома, он понял и другое: петлянье и запирательство бесполезны, надо менять тактику.

И он резко изменил ее: стал давать показания о своей связи с американской разведкой, о вербовщице Барбаре Хольме, о задании, которое она ему дала. Все это для того, чтобы вызвать сочувствие следователя своим видимым раскаянием, а главное — выставить себя агентом, которого хотя и завербовали, но который ничего для разведки не делал.

И вдруг как ушат холодной воды на голову: Гарри Ванджей, его непосредственный хозяин, пойман с поличным!..

В этом месте мысль Арсения Павловича вдруг споткнулась. А не он ли сам виновник своего провала?.. Вместо того, чтобы постепенно, шаг за шагом идти к главной цели, он, обезумев от страха, из-за алчности стал размениваться на мелочи. Он отправлял свои донесения слишком часто, тем самым увеличив вероятность их перехвата. И, видимо, где-то, в каком-то звене пересылки, его выследили...

Рубцов скосил глаза на часы полковника, лежавшие на столе. «Сердечное недомогание» слишком затянулось. Арсений Павлович придал своему лицу постное выражение и слабым, болезненным голосом попросил отложить допрос.

38

Следствие по кленовоярскому делу продолжалось. Постепенно вскрывались все новые обстоятельства преступления Арсения Рубцова, этого «простака», «рубахи-парня», «своего в доску», который всех знал и со всеми умел поладить, в подходящий момент рассказать веселую байку, выпить крепко и гульнуть во всю ивановскую. В таком обличье ему легко было делать свое дело: вползать в душу к доверчивым людям, выуживать по крупицам нужную информацию у простаков и болтливых, запугивать и держать в страхе робких и слабовольных. К последним можно было отнести Ирину Булавину. Женщина предельно впечатлительная, она легко подпала под влияние Рубцова и в полной мере испытала на себе его хватку. Страх, который сумел вселить в ее душу этот беспощадный человек, был так силен, что Ирина не могла освободиться от него даже тогда, когда ей сказали об аресте Рубцова.

Это была какая-то инерция страха, его затянувшаяся реакция. У Маясова даже возникло опасение, не повлияла ли вся эта «психическая атака» Рубцова на душевное здоровье женщины. Поэтому они с Деминым решились на ее последний допрос только после консультации с психиатром.

Но когда начался этот допрос, у Маясова вновь возникли опасения за Булавину. До нее не всегда сразу доходил смысл того, что ей говорили. Когда зашла речь об ее отце, она без конца повторяла автоматически одну и ту же фразу:

— Я не должна отвечать за отца... Это несправедливо, я не должна отвечать за отца...— Голос у нее дрожал, левое веко подергивалось.

Маясов старался ее успокоить:

— Я вам, Ирина Александровна, еще раз повторяю, выслушайте меня внимательно. За отца вам отвечать не нужно. Более того, вы можете гордиться своим отцом...

До нее наконец дошел смысл этих слов. Она удивленно посмотрела на майора.

— Ваш отец, Александр Букреев, был замучен в Борисинском лагере военнопленных,— сказал Маясов.— Он умер как настоящий солдат.

— Я не понимаю...— прошептала Ирина.

— Это установлено точно.

Она была совсем растеряна.

— Но как же отцовы письма? Его обещание приехать?

— Все это неправда, фальшивка.

— Но ведь письма написаны его рукой, я знаю...

— По заключению графической экспертизы, все письма, которые вы получили, подделаны. Они сфабрикованы в разведцентре, по заданию которого действовал Рубцов.

— Мне трудно это представить,— сказала Ирина.— Разве можно подделать стиль письма, отцовские слова? Например, Ири... Только он звал меня так...

— К сожалению, Ирина Александровна, и это возможно: Рубцов знал вашего отца несколько лет, работали вместе, вместе пошли на фронт... Что касается оригинала, с которого были сделаны фальшивки, у Рубцова сохранилось письмо Александра Букреева к жене, вашей матери. Письмо было написано за несколько дней до того, как полк, в котором он служил, попал в окружение.

— А портсигар? — вдруг спросила Ирина.— Портсигар, выходит, тоже поддельный?

— Нет, вот портсигар не поддельный,— сказал Маясов.— Все, что принадлежало при жизни вашему отцу, в том числе письмо и портсигар, после смерти Букреева присвоил себе его «друг»...

— Рубцов?

— Да, Рубцов, по доносу которого в Борисинском лагере и был повешен коммунист Букреев...— Маясов помедлил, потом негромко продолжал: — Через девятнадцать лет и письмо и портсигар, принадлежавшие ему, были пущены в ход против вас. Надеюсь, вы теперь, Ирина Александровна, понимаете, для чего все это Рубцову понадобилось?

— Да, кажется...

— И письмо и портсигар он пустил в дело для того, чтобы запугать вас, держать в постоянном страхе возможного разоблачения...

— Но какая ему от меня польза? — в полном недоумении спросила Ирина.

В разговор вступил Демин.

— Он знал о ваших отношениях с Игорем Савеловым. Знал, что Игорь очень любит вас. С вашей помощью он хотел обработать Игоря и завербовать.

— Подлец, боже, какой подлец...— шептала Ирина и не могла остановить слез.

— Возьмите себя в руки, Ирина Александровна. Что же делать?.. Игоря не вернешь, но в наших силах очистить от грязи его память. Вы должны рассказать нам о вашей последней встрече.

В тот день Игорь пришел к ней поздно, под вечер.

— Я ненадолго,— сказал он.— Мне через два часа на вокзал, мать приезжает.

Она усмехнулась.

— Ты как будто оправдываешься... Что с тобой? Ты избегаешь меня в последнее время...

Он ответил не сразу. Раскурил сигарету, потом вдруг взял Ирину за руки:

— Нам нельзя, как прежде, пойми! Надо что-то придумать. Упорядочить отношения...

— Словечко-то какое — «упорядочить».— Ирина громко засмеялась.

— Перестань! — крикнул Игорь.— Мне надоело прятаться... Вот так урывками, тайно...

Ирина сказала ласково:

— Ведь ты же, дурачок, знаешь: сына я не оставлю. Что мы будем делать, как жить?

После короткой паузы она вдруг спросила:

— Я слышала, тебя хотели уволить?

— Хотели... Только руки оказались коротки у одного ретивого.

— Кто это?

— Наш директор... Как бы сам скоро не загремел.

— Ну, а ты, значит, отделался легким испугом?

— Не сказал бы, что легким.— Игорь неожиданно улыбнулся.— На собрании стружку с меня снимали здорово.

Не дослушав его, Ирина поинтересовалась:

— Ты собирался купить мотоцикл... Денег достал?

— Немного...

— Где?

— Продал одному парню, Петьке Косачу, ружье.

— А знаешь, я могла бы тебе помочь.

— И много?..

— Сколько тебе понадобится.

— Ну и ну! — Игорь засмеялся.— То у меня просила, а теперь сама предлагаешь. Меценат нашелся?

— Не меценат. Арсений Павлович.

— И за что же он так к тебе благоволит?

— Не говори глупостей. Рубцов мне в отцы годится.

— Ну, в отцы он, положим, молод.

— Можешь думать, как угодно,— отмахнулась Ирина.— Но это серьезно: стоит тебе захотеть, и ты получишь от него сразу на весь мотоцикл с коляской.

— С какой радости?

— Хочет помочь, сам сказал мне.— Ирина взглянула на свои круглые часики.— Кстати, он вот-вот должен быть.

— Зачем это?

— Чтобы с тобой поближе познакомиться...

Когда появился Рубцов, у Ирины уже был накрыт стол. Выпили, закусили. Арсений Павлович рассказывал свежие анекдоты. Потом Ирина поставила на радиолу пластинку, они с Игорем танцевали.

Игорь уже собирался на вокзал, когда Рубцов дал Ирине знак, чтобы она оставила их одних.

Ирина пошла в другую комнату, включила телевизор. Она не помнит, сколько ей пришлось так просидеть — время перед телевизором бежало незаметно: шел старый веселый фильм. И вдруг там, в большой комнате, послышался шум, какая-то возня, звон разбитой посуды.

Ирина распахнула дверь и увидела: Рубцов и Савелов стоят по ту сторону стола, друг против друга. Лица у обоих злые, Игорь побледнел. Рубцов торопливо запихивает что-то в карман, какие-то бумажонки. На полу — осколки разбитой тарелки, кусочки сыра.

— Что здесь происходит?

— О, не волнуйтесь, ничего особенного.— Рубцов заулыбался.— Малость потренировались в приемах самбо... Вот только, извините, тарелочка...

Он вылил из бутылки себе в стакан остатки коньяка и выпил его со словами: «Посошок на дорожку». Потом сказал, что спешит домой, к жене, извинился и ушел.

Игорь, как-то странно глядя на Ирину, сказал:

— Ты знаешь, что предложил мне этот друг твоего папаши?

— Понятия не имею.

— Доходную работенку! — Он сел, распустил галстук, давивший шею.— А когда я сказал ему, что он сволочь,— выложил какие-то твои денежные расписки.

— Не связывайся с ним, прошу тебя...

— Ну и гад! — Игорь вскочил, заходил по комнате.— Нет, этого мецената надо «пристроить»!

— Ты с ума сошел! Он ужасный человек, я боюсь...— Она обняла Игоря и продолжала какой-то жалкой скороговоркой: — Давай уедем отсюда. Бросим все и уедем, а? Игорь, милый... Этого он не ожидал.

— Ты уйдешь от мужа? Ирна! Уйдешь?

— При одном условии: мы должны уехать из Ченска.

— Я готов! Хоть сейчас!

— Но ты не должен связываться с Рубцовым. Мы уедем тихо, чтобы никто...

С лица Игоря пропала радостная улыбка.

— Да он совсем тебя запугал. Что с тобой?

— Рубцова трогать нельзя,— опять сказала Ирина.

— Ты не права! Его просто надо вывести на чистую воду, узнать, что за тип...

— Нет, нет!..— твердила Ирина.— Если Рубцова заберут, я погибла: ему известны нехорошие вещи о моем отце. И потом эти мои денежные расписки, которые ты видел... Мне же в КГБ никто не поверит, что я ни в чем не виновата...

— Ира, брось! — сказал Савелов.— Я знаю, что там за люди.

Он привлек ее к себе, провел рукой по волосам. Потом взглянул на часы:

— Извини, мне пора, скоро поезд...

И убежал.

Больше она его не видела.

Показания Булавиной полностью подтверждали вывод следствия о том, что Рубцов начал ее «обрабатывать» уже после того, как возникло кленовоярское дело и был арестован Никольчук. Таким образом, Савелов, на которого пало тяжкое подозрение в пособничестве шпиону, в то время не имел никакой связи с Рубцовым.

Это был очень важный вывод. Он снимал все сомнения следствия насчет роли Савелова в кленовоярском деле и окончательно реабилитировал тех, кто прежде вел это дело, и в частности начальника Ченского отдела госбезопасности.

Демин поднялся из-за стола, подошел к Маясову.

— Как гора с плеч... С чем тебя, Владимир Петрович, и поздравляю.

— Спасибо,— ответил Маясов.— Хотя утешение маленькое: парня-то в живых нет...

— Да-а... И, похоже, настоящего парня.

39

В воскресенье с утра Маясов и капитан Дубравин поехали в больницу к Тюменцеву. Дело шло на поправку. Раньше, навещая его, они видели лишь зеленые глаза на забинтованном лице да закованные в гипс плечо и руку. Теперь бинты сняли. Тюменцев был гладко выбрит, без конца шутил по поводу «боевого крещения», которое устроил ему Рубцов. Дубравин, поправляя на своих широченных плечах белый халат, весело пробасил:

— Никогда бы не подумал, что ты, первая перчатка Ченска, можешь так опростоволоситься.

— Так он же самбист! — Тюменцев перестал смеяться.— Но дело, конечно, не в этом. Когда там, у забора, он попросил пропустить его, мне сделалось как-то... неважнецки. И он, гад, этим воспользовался...

Маясов осторожно положил ладонь на руку Тюменцева, вытянутую поверх одеяла.

— Ничего, еще чемпионом станешь.

— С боксом покончено, Владимир Петрович, это я точно знаю...— Тюменцев поморщился и вновь заговорил о том, что не давало ему покоя: — Я, понимаете, должен был отпустить его, потому что он когда-то вытащил меня из реки... Уж лучше бы сразу в челюсть дал — не так обидно. А то ведь переговоры начал. Значит, рассчитывал на что-то. Значит...

— Ерунду ты говоришь,— грубовато перебил его Маясов.

Тюменцев посмотрел на него.

— Если ерунда, то вот я хочу спросить вас, Владимир Петрович...

— Ну, ну...

— Помните, на свадьбе у брата был Аркадий? Вы мне объяснили, что он из уголовного розыска. Попросили свести его в одной компании с Рубцовым. Научили, как надо Аркадия рекомендовать... Теперь я понял, из какого он уголовного розыска и какое уголовное дело их с Нинкой интересовало... Значит, вы мне не доверяли?

Маясов улыбнулся.

— Чудак! Ну, конечно, мы тебе доверяем. Но ты же был приятель Рубцова. Представь: сказали бы тебе все — как бы ты себя чувствовал? У тебя же все на лице написано, сыграть бы ты не сумел, а так получилось вполне естественно. Понимаешь?

— А что же с тем парнем, с Савеловым? — вдруг переменил тему Тюменцев.

— Его убил Рубцов,— сказал Маясов мрачно.

40

Следствие приближалось к концу. То, что удалось установить через свидетелей, с помощью различных косвенных улик и архивных материалов, неопровержимо доказывало, что к сотрудничеству с иностранной разведкой Рубцов пришел не случайно. Страх перед разоблачением прошлого и жадность к деньгам были не единственными мотивами, толкнувшими его в объятия врагов нашей страны. Рубцов торговал секретами Родины еще и потому, что всю свою сознательную жизнь ненавидел Советскую власть.

...Арсений Рубцов (а по-настоящему Рукавишников) родился в семье екатеринодарского богатого мучного торговца. Отец его встретил Октябрьскую революцию враждебно и в гражданскую войну оказался в стане белогвардейцев. В годы нэпа он вынырнул в Орловской губернии под фамилией Рубцова, опять было начал вставать на ноги — открыл лавку, купил две паровые мельницы. Но его разоблачили, судили и выслали в Сибирь.

Когда Арсению исполнилось семнадцать лет, он уехал из дому «искать счастья». В Донбассе устроился работать конторщиком на химическом заводе. Через год, не бросая работы, поступил учиться в техникум. Жизнь была нелегкая, не о такой мечтал единственный наследник купца первой гильдии...

Бежало время, и он с горечью убеждался: прошлой жизни не вернуть, надо приспосабливаться к той, что есть. Так приспособленчество стало его второй натурой. Потом началась война. Осенью сорок первого года полк, где он служил, попал в окружение. И Рубцов (его перевели к тому времени в писаря) добровольно сдался в плен, принес с собой выкраденный в штабе секретный код.

В Борисинском лагере военнопленных судьба Арсения Рубцова определилась окончательно: он приглянулся сотруднику абвер-команды Карлу Кёлеру, который завербовал его и под кличкой «Барсук» пустил в дело как агента-провокатора. Там, в лагере, Александр Букреев, на свою беду, и встретился с ним. И был уничтожен ради того, чтобы Барсук мог действовать под его именем. После Борисинского лагеря пошли другие лагеря. Но задача была везде одна: «выявлять врагов великой Германии — коммунистов, комиссаров и евреев». И Рубцов из кожи лез вон, стараясь заслужить внимание и милость своих хозяев.

Усердие не осталось незамеченным. Барсука похвалили и ввели в «настоящее дело»: подрывать боеспособность партизанских отрядов, действуя внутри них.

В разное время ему удалось поставить под удар карательных войск три партизанских отряда: один в Ченских лесах и два в Белоруссии. Успех был исключительный, и Барсук удостоился высокой награды: ему дали железный крест 2-го класса. Перед ним раскрывалась желанная карьера офицера «великой германской армии» — так по крайней мере обещали ему абверовцы.

Но этому не суждено было осуществиться. И не потому, что сама «великая германская армия» потерпела полный крах. Карьера удачливого агента-провокатора оборвалась еще раньше, и весьма неожиданно. В марте сорок четвертого года Барсук со специальным заданием был помещен в лагерь пленных советских офицеров. Но задание он выполнить не успел. Советские войска внезапно перешли на этом участке фронта в наступление, освободили пленных. И в их числе «лейтенанта Рубцова», как значился он в лагерных списках.

Начался новый этап в его жизни. Рубцова мобилизовали в действующую армию. В качестве командира комендантского взвода при фронтовом госпитале он дошел с наступающими войсками до Берлина. За это время сумел покорить сердце хирурга Глафиры Басмановой. Женился на ней и, демобилизовавшись, вместе с молодой супругой прикатил в Ченск, на ее родину.

У Глафиры был двоюродный брат, заведующий фотоателье. Он сказал Рубцову: «Приобщайся! Выгодное дело, не то что твоя химия». И Рубцов приобщился...

Шли годы. После смерти Глафиры Арсений Павлович женился во второй раз, жизнь его постепенно приобрела устойчивые формы. Необременительная служба, достаток в доме, по вечерам «пулька» в кругу приятелей, а по воскресеньям охота или рыбалка. Маленькие радости человека, вынужденного навсегда распроститься с честолюбивыми мечтами прошлого...

И вдруг сразу все поломалось! У Барсука объявились новые хозяева. Взяли за горло, прижали к стенке: или — или!.. И снова надежда на какую-то фантастически-ослепительную жизнь...

Но вот финал — полная катастрофа: четыре стены следовательского кабинета, стол с черным ящиком магнитофона, за столом чекисты, постепенно сужающие кольцо неопровержимых улик.

Но он, Рубцов, не хочет, чтобы кольцо сужалось. Он противится этому изо всех сил — мутит воду, стараясь запутать следствие... Так было на первых допросах и так продолжается теперь. Только он избрал другую тактику: давать правдивые показания по мелочам и всячески уклоняться от предъявленных ему больших, тяжких обвинений.

К этой тактике он прибег, когда начали выяснять, что Рубцов делал в войну. Следствие тянулось несколько дней без заметных успехов. Наконец полковник Демин не выдержал:

— Давайте, Рубцов, договоримся: или вы будете рассказывать всю правду, или прямо скажите, что не желаете давать показания. В общем, подумайте!..

И с этими словами Демин вышел из кабинета, оставив арестованного вдвоем с охранником, стоявшим у двери.

Не повернув головы, Рубцов проводил полковника косым взглядом. «Ждешь, чтобы я подписал себе смертный приговор? Нашел дурака!.. О том, что произошло в урочище Кленовый Яр осенью сорок второго года, не знает никто. А вам себе я не враг, чтобы рассказывать об этом...»

...Лес. Суровый, хмурый, окутанный утренним туманом.

На широкой поляне, защищенной со всех сторон дремучим бором, спит партизанский лагерь... И только часовые, которых пробирает свежий октябрьский утренник, не спят, вслушиваются в ночные шорохи.

Один из них, совсем молодой парень, лежит на пригорке, под развесистым желто-багряным кленом, у тропы. И хотя в легкой стеганке зябко, все-таки клонит в сон. Чтобы прогнать дремоту, он высыпает на ладонь из расшитого алыми маками кисета остатки махорки. И огорчительно вздыхает: даже на пол козьей ножки не набирается...

Но что это? Впереди слышен треск сухих веток. Часовой берет автомат наизготовку, вглядывается в туманную чащу. На изгибе тропинки появляется человек.

— Стой! Кто идет?..

— Свои.

— Пропуск?

— Стебель.

— Пароль правильный!..— Дозорный улыбается и, поднявшись из-за укрытия, идет навстречу рослому человеку в брезентовом плаще с капюшоном, надвинутым на самые глаза.— Ты, если не ошибаюсь, из второй роты?

— Вторая рота, первый взвод, Букреев,— отвечает тот, приглаживая округло подстриженную бороду.

— То-то, я гляжу, знакомый вроде.

— И я тебя знаю: Сухов из первой роты?

— Верно!— подтверждает парень.— А ты, похоже, из разведки возвращаешься?

— Точно.

— А где же ребята?.. На разводе говорили, трое вас тут должно пройти.

— У ручья задержались, сапоги моют...— Бородач протягивает Сухову портсигар:— Курить будешь?

— С толстым удовольствием!— Парень обрадовался, начал открывать серебряную коробку.— Эге, штуковина-то, оказывается, с секретом!

— Надави на орлиный глаз...

И когда Сухов наклоняет голову над портсигаром, бородач заходит сзади и, выхватив из кармана нож, вдруг бьет парня пониже затылка.

Потом он сбрасывает с себя брезентовый плащ (под плащом надет мундир немецкого унтер-офицера), берет в рот свисток — раздаются звуки, напоминающие пение лесной птахи. Через несколько минут на эти звуки из леса, справа и слева от тропы, густо валят солдаты в темно-зеленых шинелях с автоматами наготове — они крадутся к спящему партизанскому лагерю...

— Ну как, Рубцов, надумали? — Полковник Демин вошел в кабинет вместе с Маясовым.

Рубцов от неожиданности вздрогнул. Провел ладонью по лицу, как бы смахивая страшное видение, только что его посетившее. Окончательно вернувшись к действительности, он говорит:

— Напрасно ждете... Больше я ничего не знаю.

Демин сел за стол.

— Итак, вы продолжаете настаивать на своих прежних показаниях? Фамилию Букреева себе не присваивали и под этой фамилией в Ченском партизанском отряде никогда не были?

— Да ну, что вы, ей-богу!..— Рубцов с видом обиженного развел руками.

— Хорошо,— сказал Демин и, открыв ящик стола, вынул из него серебряный портсигар.

— Вам знакома эта вещь?

Длинные пальцы Рубцова чуть заметно дрогнули, когда он взял тускло блеснувшую коробку с орлом на крышке. Но он тут же овладел собой и твердо сказал:

— Да. Этот портсигар принадлежал моему приятелю Александру Букрееву.

— Очень хорошо,— согласился Демин и, сняв телефонную трубку, попросил: — Пригласите Федора Гавриловича...

В короткие напряженные минуты перед появлением еще какого-то нового свидетеля Рубцов лихорадочно думал. Так ли он ответил?.. Ведь портсигар мог попасть к чекистам только от Ирины Булавиной. А ей он в свое время сам сказал, что получил портсигар от ее отца на память, значит, этого и надо теперь держаться...

И вот в кабинет вошел высокий сутуловатый старик с прокуренными желтыми усами. И Рубцов вдруг понял, куда гнет следователь, вытащив на свет божий красивую коробку из литого серебра.

Когда старик, поздоровавшись и одернув коротковатый ему пиджачишко, сел у стола, Демин спросил:

— Товарищ Смолин, вам знаком этот портсигар?

Старый слесарь положил раскрытый портсигар на свою широкую ладонь, поглядел на него.

— Да, знаком... Эту вещицу по осени сорок второго года я вместе со своим братаном торговал у бойца нашего партизанского отряда Букреева.

— А личность этого человека вам никого не напоминает? — Полковник перевел взгляд на побледневшего Рубцова.

Смолин не спеша надел очки в белой металлической оправе, стал внимательно вглядываться в небритое лицо человека с тонкими стиснутыми губами. И вдруг привстал.

— Букреев!.. Это ж он, Букреев! Только тогда, конечно, похудощавее был, помоложе и бороду носил...

Демин положил руку ему на плечо.

— Спасибо. Пока можете идти...

Как только старик вышел из комнаты, полковник еще раз снял с телефона трубку:

— Попросите ко мне товарища Тюрина...

Когда в дверях показалась круглая рябоватая физиономия бывшего отрядного снайпера (его разыскали в Смоленске), Рубцов понял, что пришел конец: с Тюриным они были в одном отделении, рядом спали в землянке.

Ему сразу сделалось нестерпимо душно. И наступило тупое безразличие ко всему. Он опустил между колен длинные руки и, тяжело вздохнув, сказал:

— Ладно, ваша взяла! Записывайте...

О трагедии, постигшей партизанский отряд в урочище Кленовый Яр, Рубцов рассказывал около двух часов. Потом вялым голосом попросил сделать перерыв...

Когда охранник увел арестованного, полковник Демин поднялся из-за стола:

— Да-а, Кленовый Яр...— Снял очки, устало потер переносицу.— На одном месте два преступления...

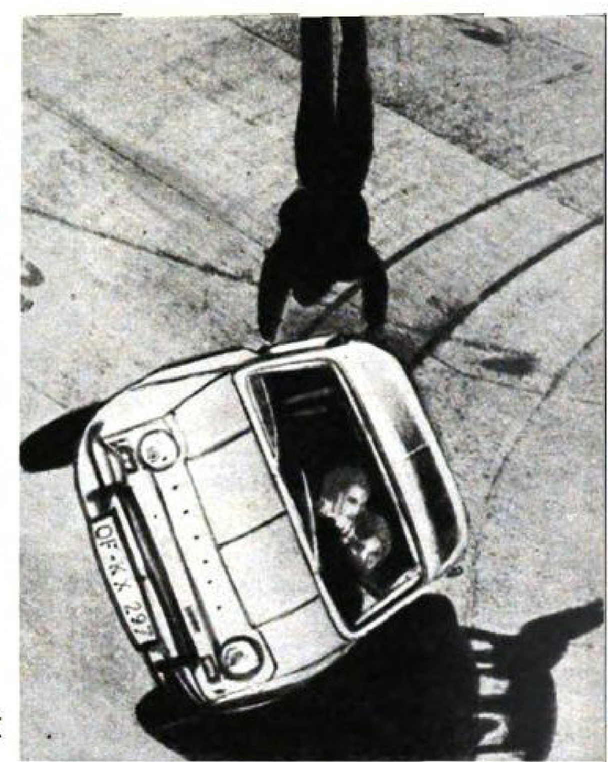
Маясов внимательно посмотрел на него и ничего не сказал. Он лишь подумал: два ли их, преступления? Ведь хотя Рубцову в разное время платили разными деньгами, он, по сути, был орудием одной силы, служил одному хозяину.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

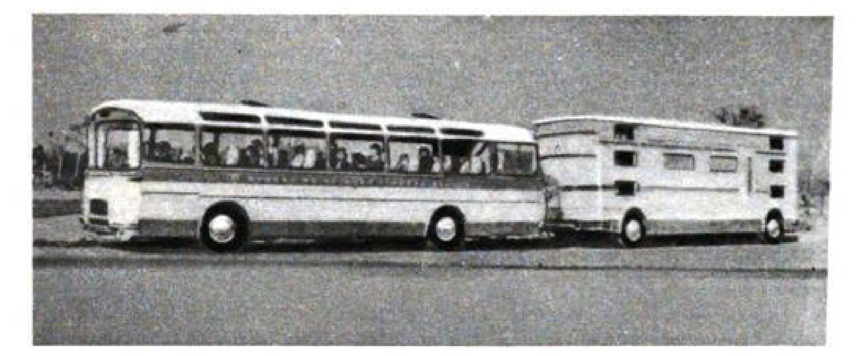
ГУСИ ЗАВОД СПАСАЮТ

В Англии входит в моду держать на заводских дворах гусей. Стоит появиться неизвестному, как гуси начинают громко хлопать крыльями и гоготать.

ЛИХИЕ АКРОБАТЫ

Французские акробаты Хосе Канга и Жаки Потра (за рулем) показывают акробатический номер.

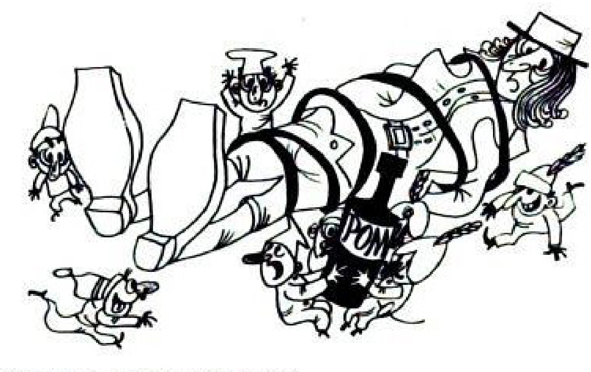
ГОСТИНИЦА НА КОЛЕСАХ

Комфортабельный караван-отель для туристов создали чехословацкие автомобилисты. К услугам путешественников 12 двухместных и 6 одноместных номеров.

— Когда же вы пришлете мастера отремонтировать ванну?

Рисунок В. Тамаева.

— Тридцать третьим будешь?

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

ГОВОРЯЩЕЕ РУЖЬЕ

Житель Кировакана (Армения) В. Торосян на охоте не чувствует себя оторванным от цивилизованного мира. В приклад своего ружья охотник вмонтировал транзисторный приемник и компас.

Р. Шахназарян
Фото автора.

Николка Турбин — В. Петров.

Елена — В. Калинина.

МХАТ. Современность. Турбины

— Кого пугали Турбины в прежние (кстати сказать, не такие уж давние!) времена? И почему пугали?..

Как ни хотелось бы написать о новом спектакле МХАТа «Дни Турбиных» некую «рецензию без воспоминаний», не вспомнить ОБ ЭТОМ просто невозможно! Ибо здесь как раз и кроется разгадка победы, одержанной театром. Победы радующей, пусть не во всем бесспорной.

Скажем прямо: сама графа о «социальной принадлежности» Турбиных хочешь не хочешь уже накладывала на облик каждого из них явственный трагический отпечаток. Хотя булгаковский талант, да еще в сочетании с бесчисленными мхатовскими талантами, конечно же, заставлял зрителя испытывать чувство уважения и даже сочувствия к врагу...

Никаких сомнений в своей социальной полноценности не вызывают нынешние Турбины — люди, полные достоинства и внутреннего света.

Постановщик спектакля «Дни Турбиных» Л. Варпаховский, решившись отнять у героев знаменитой — и теперь уже классической — пьесы Михаила Булгакова их непременную обреченность, некие незримые их котурны, взамен дает им не менее важное условие сценического успеха: глубокую правду трудной человеческой жизни. Правду жестоких, порой непоправимых ошибок, поисков и утрат, но и правду находок, открытий, узнавания нового...

В жизни Турбиных, как в жизни каждого из нас, радость и горе идут рядом. Только вот живут Турбины в такие годы, когда за каждую ошибку приходится куда дороже платить! Подчас своей жизнью. Как это и выпадает на долю старшего в семье Турбиных, Алексея, сильно и умно сыгранного Л. Топчиевым.

Свежесть, искренность, простота доверительной интонации Турбиных, всей присущей им духовной атмосферы составляют главное очарование спектакля, в котором на первый план убедительно и торжествующе — без малейшей натяжки! — выходит большая тема Революции. Точнее: тема неизбежного, закономерного приятия революции человеком. Если только он — человек.

Удивительно другое. Как было не видеть, что Булгаков-то ведь об этом именно и писал свою пьесу! И добрый юмор, и неподдельная сердечная теплота, и жажда счастья, и широта кругозора, и отзывчивость, и способность задумываться над окружающим — видеть его не только со своей колокольни... Сколько же всего, настоящего есть в этих Турбиных! Бесконечными ясными гранями живой, неповторимой жизни, блистающей многими актерскими свершениями, поворачивается к нам

Лариосик — А. Борзунов.

каждый характер... Режиссура высвечивает их, эти крупные, самобытные характеры, как будто вполне беспристрастно, спокойно. А на самом деле они лепятся с любовью и бережностью — вдумчиво, тщательно.

— Ясная,— говорит об Елене, сестре Турбина, капитан Мышлаевский (М. Зимин). Такой — ясной — и играет Елену В. Калинина. А у этой актрисы ясность отнюдь не означает безмятежности либо равнодушия. Напротив, Елена Калининой чувствует остроту происходящего, быть может, тоньше всех. И раньше всех догадывается о продажности и предательстве мужа — нравственного перебежчика, явного германофила, холодного и жестокого полковника Тальберга (В. Давыдов).

На конфликт всех Турбиных и Тальберга — пусть прикрываемый требованиями приличий от «посторонних», но все равно выпирающий острыми углами, а главное, **мировоззренческий**,— режиссура и опирается. Она использует его как трамплин, чтобы еще достоверней, убедительнее показать внутреннюю ломку, совершающуюся в душах Турбиных.

У Алексея — Топчиева эта ломка принимает поворот трагический. Над ним, Алексеем, видно, еще берут верх прежние представления, старые верования. Но самая смерть брата словно распахивает ворота в новое перед младшим Турбиным, Николаем (В. Петров), перед Виктором Мышлаевским, удивительно славным, открытым человеком в исполнении М. Зимина.

Эти люди живые.

И обстановка вокруг них такая же живая, по-мхатовски выразительная (художник Д. Боровский).

Густо, мелодично, медленно бьют в зале старинные часы, мерцает камин в углу, наполняя большую парадную комнату уютными бликами пламени; старинная люстра то гаснет, то снова загорается: где-то совсем близко ухают снаряды; на Киев наступают красные, бьют Петлюру... Бежит оставленный немцами на произвол судьбы гетман «всея Украины» (П. Массальский)... Неспокойно в доме Турбиных. Но как много правды в наивно-восторженных, простодушных признаниях Ларносика (А. Борзунов), со всей мальчишеской неподкупностью и силой влюбившегося не только в «Елену ясную», но во всех вообще Турбиных, в их добрый дом, в их друга Мышлаевского... В честность, нравственную силу этих людей, задумавшихся о справедливости.

О том, с кем жить. И для чего жить.

В этом современность прочтения булгаковской пьесы, без которой МХАТ не МХАТ.

Спасибо же МХАТу за Турбиных!

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото Л. Шерстенникова.

НА СЦЕНЕ — ВЕСЬ ГОРЬКИЙ

Днепропетровский русский драматический театр с честью носит имя Горького, оправдывая своим творчеством и мастерством принятую на себя высокую обязанность. Родившийся в 1927 году по инициативе гастролировавших тогда в Днепропетровске актеров Малого театра, **коллектив недавно перешагнул свое сорокалетие.** Это пора зрелости.

— За прошедшие годы театр познал и взлеты и падения. Бывало, что его лихорадило, случались и неудачи... Но все-таки большую часть нашего репертуара,— рассказывает главный режиссер театра Сергей Михайлович Вазлин,— всегда составляли лучшие советские пьесы. И уж, конечно, пьесы великого драматурга, чье имя носит театр. Может быть, не каждый театр сумеет похвастать тем, чем гордимся мы: у нас был поставлен весь Горький!..

— В тяжкую годину войны театр был в Барнауле,— дополняет директор Марк Григорьевич Литвиненко.— Мы показывали свои спектакли фронтовикам. А когда вернулись на родину, в разрушенный город, снова принялись за прерванную работу. Сейчас классика и современная драматургия очень широко представлены в нашем репертуаре. Среди спектаклей юбилейного года большим успехом пользуются пьесы Б. Лавренёва «Человек и глобус», «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Западня» Э. Золя, «Дело Ольги Зотовой» (по «Гадюке» А. Толстого), «Нашествие» Л. Леонова...

На днях, во время декады лучших горьковских спектаклей страны, показанных в Кремлевском театре, днепропетровцы познакомили зрителей с пьесами «Старик» и «Зыковы». Приятно было убедиться, что решены они по-горьковски крупно, остро. Заметно присутствует в режиссерской концепции и злободневность, современность. Ведь и сегодняшний зритель учится у Горького великой силе жизни, умению сопротивляться обстоятельствам. Учится видеть человека и за грубой, неотесанной внешностью, отличать мелкое, гаденькое под приглаженными, благообразными словами и манерами.

Постановщик обеих пьес С. М. Вазлин не побоялся ввести в горьковские спектакли почти один и тот же актерский состав. А это нелегко! Ведь бывает и так, что актер сменил костюм и парик, а новый характер не создал, новых красок не нашел... Какие же разные, буквально противоположные, контрастные образы создают днепропетровцы в двух горьковских спектаклях!

Вот Антипа и Мастаков, сыгранные актером В. Мишаковым. Непреклонный, сильный, несмотря на все свои сомнения, Антипа. И человек глубокий, созидательный, но все же не нашедший в себе сил к сопротивлению — Мастаков.

Заслуженная артистка УССР М. Шабельская за 30 лет работы в театре переиграла множество горьковских ролей; сейчас перешла на «старушек».

— И мне не труден, а радостен этот переход,— рассказывает актриса.

Целованьева из «Зыковых»,— казалось бы, такая суетливая, да и разлад в семью вносит... А ведь любит она Павлу, счастья ей желает. И как непохожа на нее нянька Захаровна, озорная, мудрая, находчивая и беспокойная женщина, глубоко преданная Мастакову и его детям.

Елена Корсунь играет Девицу Марину в «Старике». Застывшая, с неподвижными глазами и вялыми движениями, она вызывает жалость, сочувствие.

— Для меня эта роль необычна! — делится актриса после спектакля.— До сих пор я играла мягких, лиричных героинь и немного испугалась, когда мне дали Девицу. Многое в ней было непонятно, многое удивляло. Но постепенно Марина обретала характер. Под маской забитости, угнетенности у нее живет много человечного. Ей и плакать-то хочется и любить! А деньги... Что ж, для нее они только возможность освободиться от Старика! Вот побывала Девица в комнате Мастакова, посидела на мягких креслах, поговорили с ней по-человечески, может, первый раз в ее жизни,— и проснулся в ней сначала крохотный человечек. А потом найдет она в себе силы совсем уйти от Старика!..

В «Зыковых» Павла, сыгранная Е. Корсунь,— полная противоположность Девице. Павла — ограниченный человек, воспитывалась в монастыре. И как же много значат для сцены эти глубокие социальные обстоятельства, найденные Горьким!

Очень интересен Старик. Исполняет его заслуженный артист УССР Е. Зубовский. Мелкий, до гадливости подлый, как же хитро приспосабливается, меняется он в общении с героями пьесы: нагло грубит Мастакову, заискивает перед Софьей, циничен с Девицей, труслив со всеми в финале... Его злоба, завистливость в конечном счете идут от безысходности. Поэтому и образ Старика Зубовского тоже по-горьковски убедителен, тоже учит жизни...

Г. СМЕТАНИНА

На снимке: сцена из спектакля «Старик». Софья — В. Отвага, Мастаков — В. Мишаков.

Фото П. Шиманского.

ШАХМАТЫ

Под редакцией международного гроссмейстера С. Флора

КОМЕДИЯ ОШИБОК, ИЛИ ЗАГАДКА «БЕНТ ЛАРСЕН»

М. БОТВИННИК

Между Гастингсом в Англии и Пальмой на Майорке много общего: море, отели, туристы и... международные шахматные турниры! Но в Гастингсе шахматные конгрессы — давняя традиция, и, хотя когда-то эти турниры начали организовывать с целью рекламы, командуют ныне там шахматисты. Франк Роден, школьный учитель и директор турниров,— опытный организатор, он знает, что нужно участникам. Турнир же на Майорке всего лишь третий по счету, опыта у организаторов маловато, поэтому были и шероховатости. Но это был настоящий международный форум, примерно того же ранга, что мемориал Капабланки или межзональный турнир в Тунисе.

Отличие этих соревнований заключалось, может, лишь в том, что если на Кубе и в Тунисе Бент Ларсен легко завоевал первые призы, обеспечив себе победу еще до последнего тура, то здесь ему удалось вырвать победу на самом финише.

«Ларсенисты» сейчас намекают на то, что Ларсен устал, а то бы он и на Майорке всем показал... Известно, что на Западе да и в Советском Союзе датскому гроссмейстеру, попросту говоря, воскуривают фимиам. На Майорке даже собрали трех шахматных журналистов, чтобы они присвоили Ларсену звание лучшего шахматиста 1967 года. Советские гроссмейстеры, пострадавшие от энергичного датчанина, также посматривают на Бента с опаской. Так что же, собственно говоря, представляет собой 33-летний скандинав?

Однако, прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим партию, сыгранную на Майорке в 14-м туре.

ДЕБЮТ РЕТИ

М. Ботвинник — Б. Ларсен

1. c2 — c4 Kq8 — f6
2. Kq1 — f3 e7 — e6
3. q2 — q3 d7 — d5
4. Cf1 — q2 Cf8 — e7
5. 0 — 0 0 — 0
6. b2 — b3 c7 — c5
7. Cc1 — b2 Kb8 — c6
8. e2 — e3 b7 — b6
9. Kb1 — c3 Cc8 — b7

Нет сомнений, что Ларсен знал ряд моих партий, где встретилась эта позиция. Неизменно я продолжал здесь 10. cd, и, вероятно, это правильный путь. Но Ларсен столь уверенно и быстро разыграл дебют, что я предпочел уклониться от сильнейшего продолжения в пользу хорошего, лишь бы поставить партнера перед менее изученными проблемами.

10. d2 — d3 ...

Этот неторопливый метод игры имеет и преимущества,— черным труднее найти план игры. Пока что хода 10... d4 белым нечего опасаться, ибо после 10... d4 11. ed cd (11... K : d4 12. K : d4 C : q2 13. K : e6) 12. Kb5 черные теряют пешку d4.

10. ... Лa8 — c8
11. Лa1 — c1 Лc8 — c7
12. Фd1 — e2 Лc7 — d7
13. Лf1 — d1 Лf8 — e8!

Тонко сыграно! Выясняется, что шаблонное продолжение 14. cd ed 15. d4 cd 16. ed Ca3! вполне безопасно для черных. Но белые теперь уже не могут уклониться от размена пешек в центре, поскольку другой путь — 14. d4 cd 15. ed dc 16. bc K : d4 17. K : d4 C : q2 18. Kp : q2 Л : d4 (19. Л : d4 Ф : d4 20. Kd5 Фc5) вел к потере пешки.

14. c4 : d5 Kf6 : d5

Здесь мой партнер избрал ошибочный план и уже через четыре хода оказался в проигранной позиции. Единственным ответом было 14... ed! и в случае 15. Ch3 d4 (но не 15... Лc7 16. Kb5) 16. Ke4 (конечно, не 16. C : d7 dc 17. C : e8 cb) 16... Лc7 у черных удовлетворительная позиция.

15. Kc3 : d5 Лd7 : d5

Не лучше и 15... ed 16. d4.

16. d3 — d4 Фd8 — a8

Положение черных уже нелегкое — белые собирались играть 17. dc, к явной своей выгоде открывая все линии в центре. Здесь я догадался, что мой партнер находится под гипнозом результата партии Ботвинник — Джинджихашвили (Москва, 1967 год), где белые потерпели поражение... Грузинский мастер (в несколько другой ситуации) также проводил маневры Лa8 — c8 — c7 — d7 и Фd8 — a8 и тоже попал в проигранное положение — обстоятельство, очевидно, ускользнувшее от внимания Ларсена, когда он готовился к данной партии.

17. d4 : c5 Лd5 : d1 +
18. Лc1 : d1 Ce7 : c5

Здесь я разволновался — ход 18... bc представлялся мне единственным; как можно было оставить поле q5 без присмотра? Опасаясь, не просматриваю ли что-нибудь, я призадумался уже вторично (первый раз я затратил много времени на ход 14. cd), и нехватка времени отразилась на дальнейшей игре белых.

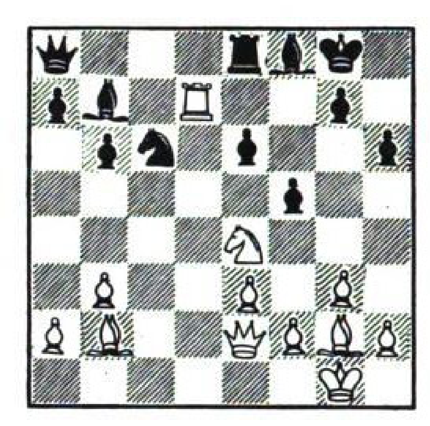
19. Kf3 — q5 h7 — h6

Угрозу 20. Фh5 иначе нельзя парировать (19... f6 20. Лd7)

20. Kq5 — e4 Cc5 — f8
21. Лd1 — d7 ...

Уже здесь белые упускают красивую возможность форсированного выигрыша путем 21. Kf6 +! qf 22. Фq4 + Kph7 23. Лd7! (во время игры белые считались только с вариантом 23. Ce4 + f5 24. C : f5 + ef 25. Ф : f5 Kpq8 26. Лd7 Ce7 с достаточной защитой у черных) 23... Лe7 24. Ce4+f5 25. C : f5+ ef 26. Ф : f5+ Kpq8 27. Фf6, и черным надо сдаваться. Разумеется, что ход в тексте также выигрывает, ибо у черных нет удовлетворительной защиты. На 21... Лe7 следует вышеуказанный вариант, а ход, избранный Ларсеном, не лучше... Ход 23. Лd7! найден С. Флором.

21... f7 — f5

Белые могли немедленно решать партию двумя способами. Первый указан А. Котовым: 22. Kf6 + qf 23. Фh5 Лe7 24. Фq6 + Лq7 (Или 24... Cq7 25. C : c6 Л : d7 26. C : d7 Ch1 27. f3 Ф : f3 28. C : e6 + Kph8 29. Фe8 + и мат неизбежен) 25. Л : q7 + C : q7 26. C : c6 C : c6 27. C : f6 Фf8 28. C : q7, и черные остаются без двух пешек. Второй — 22. Фh5 Лe7 23. Л : e7 K : e7 24. Kd6 C : q2 25. Фf7 + Kph7 (26. Ke8 Ch3 27. e4 Фd8) я обдумывал несколько минут, но так и не нашел заключительной жертвы 26. C : q7! C : q7 27. Ke8 Ф : e8 28. Ф : e8, после чего черные получали за ферзя лишь две легкие фигуры...

22. Ke4 — d6 Cf8 : d6
23. Лd7 : d6 ...

И снова белые могли быстро закончить игру, а именно: 23. Л×q7+, Kpf8 24. Лh7! и от угрозы 25. Фh5, как указал Л. Шамкович, нет защиты.

23... Kc6 — d4

Естественное решение: черные рассчитывают, что при разноцветных слонах им будет легче обороняться.

24. Лd6 : d4 Cb7 : q2
25. Лd4 — d7 Cq2 — h3

Ларсен долго обдумывал этот ход, выключающий слона из игры: до конца партии слон так и не пошевелился! Конечно, и после 25... Ch1 26. f4 положение черных тяжелое, ибо теряется пешка q7 без какой-либо компенсации, но все же ход 25... Ch3 привел меня в изумление!

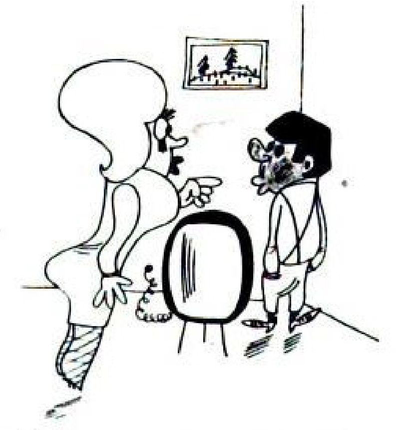
26. f2 — f3 Лe8 — d8

Увы! — на 26... e5 решало 27. Фc4 +.

27. Лd7 : q7+ ...

— Скажите, это в самом деле серьезно?

— И будешь стоять в углу до тех пор, пока не поймешь, что жениться тебе еще рано!

Рисунки Н. Калитина и Н. Станиловского.

Без слов.

Это затягивает борьбу. Я отказался от продолжения 27. Фd1 Л : d7 28. Ф : d7 Фf8 29. Ф : e6+Фf7, но С. Глигорич указал здесь хитрый путь: 29. Ф : a7 b5 30. a4! с неотразимой угрозой Ф : g7 +!, после чего пешка a4 проходит в ферзи.

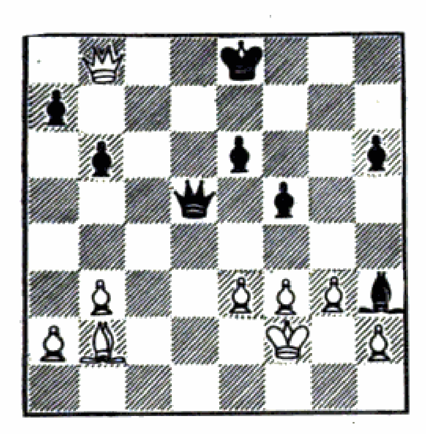
27...	Крg8 — f8
28. Лg7 — h7	Фa8 — d5
29. Крg1 — f2	Фd5 — d1
30. Лh7 — h8 +	...

Белые упускают еще одну возможность: 30. Сс3! с неизбежным Л : h6. (30... Фh1 31. Лh8 + Крe7 32. Сb4 + Крd7 33. Фd3 +). Недостаток времени у белых накладывает свой отпечаток на конец партии.

30...	Крf8 — f7
31. Лh8 : d8	Фd1 : d8
32. Фe2 — c2	Фd8 — d5
33. Фc2 — c7 +	...

Видимо, сильнее было 33. a4, препятствуя маневру Фd5 — b5 — f1. Размен ферзей, вообще говоря, на руку черным.

33...	Крf7 — e8
34. Фc7 — b8 +	...

Конечно, от этого шаха лучше было воздержаться, ибо теперь черные могли путем 34... Фd8 вызвать размен ферзей, но цейтнот есть цейтнот, и я предпочел получить выгодный эндшпиль, чем проглядеть что-либо в сложной борьбе перед контрольным ходом!

Удивительно другое: Ларсен, имея 15 минут в запасе, так поторопился с ответным ходом, что не заметил защиты ферзем... Когда после партии я обратил внимание датчанина на ход 34... Фd8, мой партнер весьма сокрушался и, видимо, не зря — белые имели лишь практические шансы на выигрыш, ибо после 34... Фd8 35. Ф : d8 + Кр : d8 36. e4 fe 37. g4 ef 38. Кр : f3 h5 39. gh Cf5 40. Крf4 Крe7 41. Cd4 Cb1 42. a3 Cc2 43. b4 b5! и даже в случае потери пешки a7 черные делают ничью, поставив короля на поле h7, а слона на поле a4. После хода в партии 34... Крd7 черные теряют вторую пешку и поражение становится очевидным.

34...	Крe8 — d7
35. Фb8 : a7 +	Крd7 — c8
36. Фa7 — a6 +	Крc8 — c7
37. Фa6 — c4 +	Фd5 : c4
38. b3 : c4	Крc7 — c6
39. Cb2 — d4	h6 — h5
40. a2 — a4	Крc6 — c7

Цугцванг у черных облегчает белым образование проходной пешки на ферзевом фланге.

41. c4 — c5	b6 : c5
42. Cd4 : c5	Крc7 — c6
43. Cc5 — b4	Крc6 — b6
44. g3 — g4!	...

Этот ход, указанный В. Смысловым при анализе отложенной позиции, быстро решает.

44...	h5 : g4
45. Крf2 — g3	e6 — e5

При выжидательной тактике черных, например, 45... Крc6, белые выигрывали путем 46. e4 Крb6 47. e5 Крc6 48. Крh4 Крb6 49. fg fg 50. Крg5 Крc6 (Или 50. g3 51. hg Cf1 52. g4 Ce2 53. Крf4 Cd1 54. g5 Ch5 55. Крe3 Cg6 56. Крd4 Крc6 57. a5 Крb5 58. a6 и белый король проходит на королевский фланг по полям c5—d6—e7—f7) 51. Ce1 Крb6 52. Cg3 и после проигрыша пешки e6 пешка e5 должна пройти в ферзи.

46. e3 — e4	f5 : e4

Или 46... f4 + 47. Крh4.

47. f3 : g4	черные сдались.

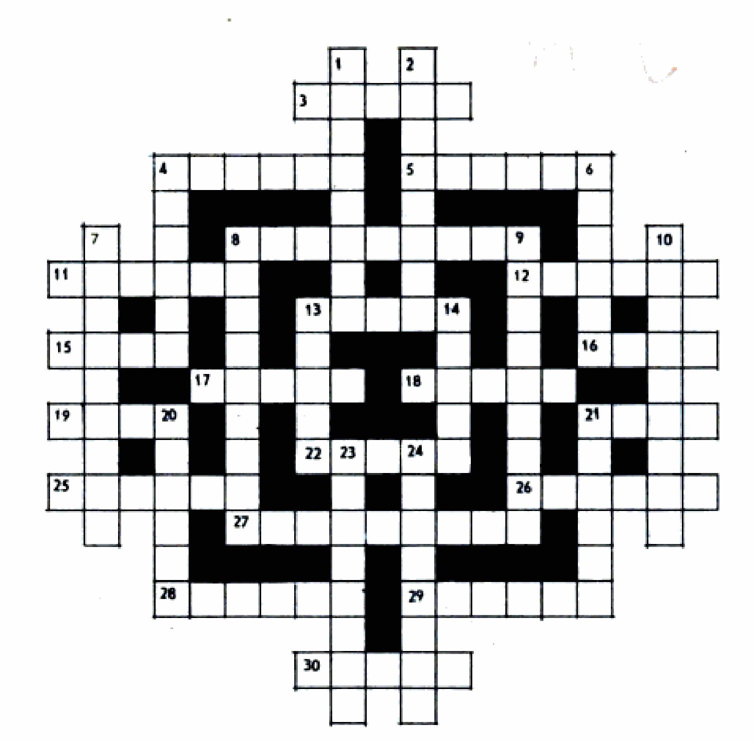
Теперь вернемся к поставленной ранее проблеме Бента Ларсена. Конечно, практическая сила его незаурядна: он оптимистичен и решителен в действиях, что помогает ему экономить время и силы, он очень много знает, что помогает ему найти проверенный в турнирной борьбе план, он почти не делает очевидных ошибок... Мне кажется, что по творческому облику Ларсен близок к крупному шахматисту прошлого Боголюбову. Следует учитывать, что Боголюбов добивался выдающихся успехов. Но, может быть, Боголюбову чуть-чуть не хватало подлинной глубины в поисках истины? Нет ли у Бента Ларсена того же недостатка?

Мне кажется, что нашим гроссмейстерам следует учитывать эти недостатки датчанина (так же, как и достоинства), когда они будут готовиться к тем боям, которые развернутся на шахматной арене в этом году.

— Спой, светик, не стыдись!..
Рисунки А. Алешичева.

— Этому больше ни грамма!
Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Повесть А. И. Куприна. 4. Часть песни. 5. Город в Италии. 8. Архитектор, построивший Зимний дворец в Петербурге. 11. Небесное тело. 12. Скульптурное изображение на плоскости. 13. Старейший ледокол советского арктического флота. 15. Пушной зверек. 16. Французский композитор. 17. Плодовое дерево. 18. Пьеса М. Горького. 19. Шерсть овцы. 21. Озеро в Африке. 22. Дежурство на корабле. 25. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 26. Река в Забайкалье. 27. Союзная республика. 28. Английский физик, предложивший модель атома. 29. Полуостров в Казахстане. 30. Школьная мебель.

По вертикали:

1. Зернохранилище. 2. Вид спортивного состязания. 4. Летательный аппарат. 6. Театральное объявление. 7. Птица отряда куликов. 8. Голландский живописец и график XVII века. 9. Искусственное орошение. 10. Порт на Дунае. 13. Автор сказки «Конек-Горбунок». 14. Созвездие южного полушария неба. 20. Полный круг, совершаемый при вращении. 21. Столица Руанды. 23. Приток Миссисипи. 24. Украинский духовой инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

4. Шевченко. 7. Аудитория. 8. Октант. 10. Африка. 12. Граната. 14. Каретка. 16. Секанс. 18. Серноводск. 21. Оптика. 23. Гравюра. 24. Украина. 25. Куртка. 27. Секста. 28. Секундант. 29. Нехлюдов.

По вертикали:

1. «Беднота». 2. Земляника. 3. Аксиома. 5. Плутоний. 6. Орнамент. 9. Атмосфера. 11. Галактика. 13. «Ревизор». 15. Капюшон. 16. Серсо. 17. Саджа. 19. Акварель. 20. Скафандр. 22. Тирасполь. 25. «Квартет». 26. Ахундов.

На первой странице обложки: Г. Нисский. ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА (фрагмент картины).

На последней странице обложки: Буера на старте.

Фото В. Сальмре.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00349. Подписано к печати 31/I 1968 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 143. Заказ № 111.

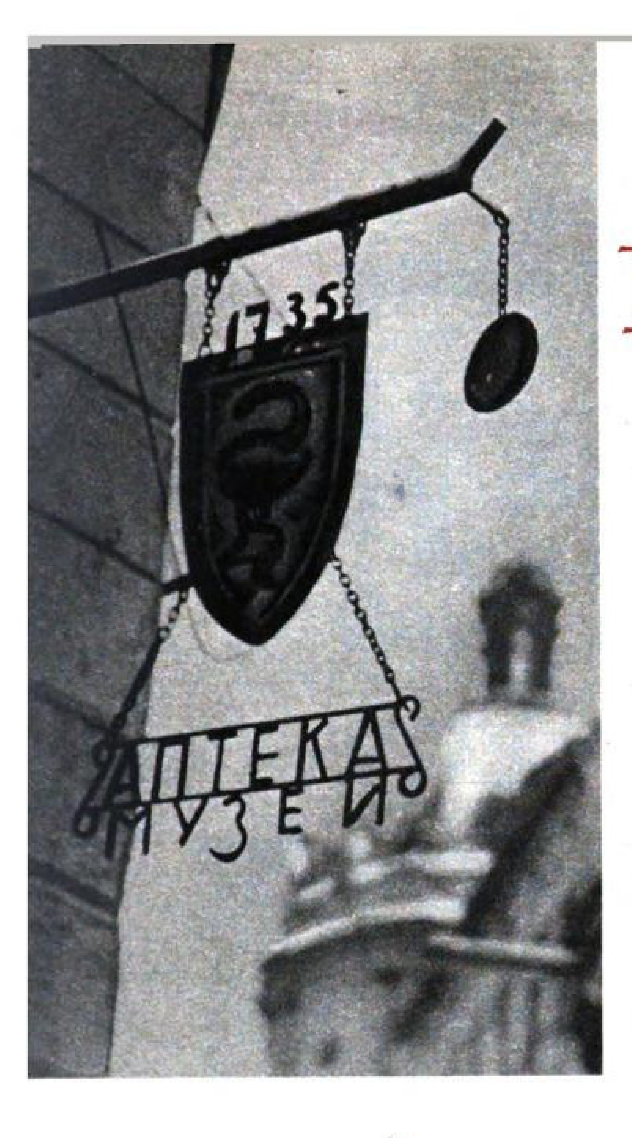
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Где варили зелье для

Н. САРАФАНОВА

Фото А. УЗЛЯНА.

Вот какая забавная история произошла с нами во Львове. В аптеке, в той самой, об открытии которой в 1735 году упоминается в «Хронике города Львова», написанной архивариусом Дионисием Зубрицким.

Итак, аптека. Горят три медных светильника вдоль длинного прилавка. Мерцают зеркала. Глядят на посетителя статуи Эскулапа и его дочери Гигии, кормящей из чаши змею. Вдоль стен, на темных полках, сверкают красные и зеленые флаконы с золотым тиснением, а у окна стоят огромные глиняные сосуды, которым более двухсот лет.

И вдруг лицом к лицу сталкиваемся с грузным усатым шляхтичем в старинном кунтуше со шнурами, в конфедератке, с саблей времен польского короля Казимира. Упираясь растопыренными пальцами в живот, схваченный широким цветным поясом, шляхтич, кряхтя, подходит к пультру. За ним сидит аптекарь — в бархатном камзоле, белых чулках, с гусиным пером в руке.

Мы слышим разговор.

— Пан аптекарь,— говорит шляхтич, шумно дыша.— Видит бог, как мне тяжко... Хочу капель иль зелья какого... Поспешите, пан аптекарь...

Аптекарь невозмутим. Глаза его полны тайны и достоинства. Он не шарлатан, не знахарь, а образованнейший человек своего времени.

Аптекарь осматривает больного.

— В болезнях врач должен только помогать природе, ибо часто сама природа излечивает,— говорит он.

Потом начинает толочь какую-то соль в бронзовой ступе.

— Только в порядке исключения,— объясняет он.— Ибо пестик тяжел, в нем полпуда, и эту работу всегда делает ученик...

...Лекарство готово. Шляхтич сыплет серебро на прилавок, морщась от боли, а может, от скупости — цены на зелье тогда были ух какие!

И вдруг под сводами раздается голос:

— Есть витамин B_{12}? А пенициллин по триста тысяч?..

Мужчина в ушанке, с газетой «Львовская правда» в руке, привычно войдя в аптеку, достает рецепты и останавливается, пораженный.

За прилавком, на фоне шкафов со старинными штанглазами, стоят три медика — три эпохи аптечного дела. Рядом с провизором С. В. Гургулой, которую горожане более сорока лет привыкли видеть у пультра этой аптеки, и студенткой, будущим фармацевтом Марией Юфимчук, оперся о прилавок аптекарь в камзоле, словно сошедший со старинной гравюры. Это артист Львовского русского драматического театра Советской Армии Г. Ф. Кирик. А больного шляхтича сыграл народный артист УССР, лауреат Государственной премии А. И. Аркадьев.

Зрителями были студенты четвертого курса фармацевтического факультета Львовского государственного медицинского института. Они пришли в единственную на Украине аптеку-музей изучать историю развития фармакопии. Аптека открылась в этом доме 233 года назад, действует и поныне под номером пятнадцать, а музеем стала недавно — двух лет еще не исполнилось.

Входим во внутренние залы, где хранится более 3 тысяч экспонатов. О них рассказывает нам создатель музея директор фармацевтической фабрики Леонид Степанович Крылов.

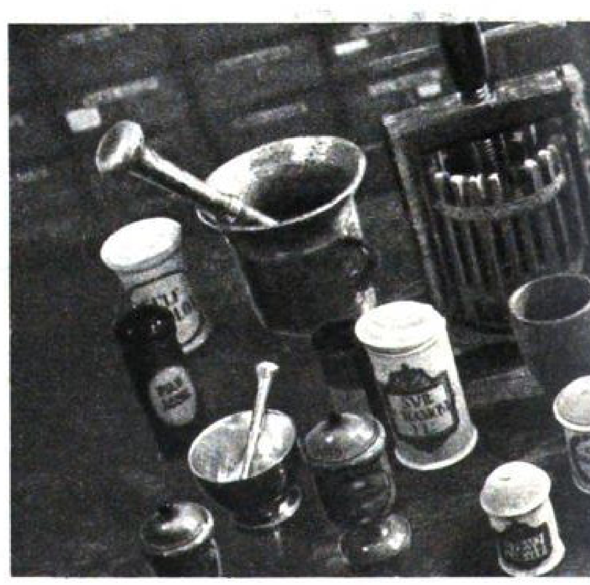
Пятнадцать лет собирает он ценнейшие экспонаты по львовским аптекам и западным областям Украины. Привозит на попутных машинах пудовые сокровища, как, например, вот эту стокилограммовую ступу с пестиком — родоначальницу аптечного оборудования. Ступе 250 лет, она привезена Крыловым из Луцка.

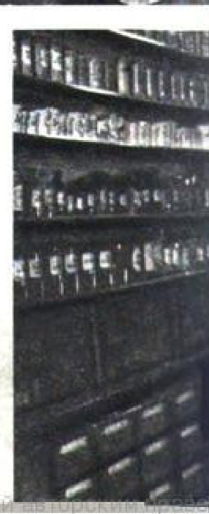
Вот деревянный, похожий на рубанок, примитивный дозатор из аптеки святого Николая; мельница с ручным приводом для дробления корней — ей около ста лет; набор для приготовления лекарств в крахмальных облатках величиной с пятак — интересно, как их глотали? И, наконец, сенсация конца XIX века — таблеточный пресс. Он действовал так: пилюльная масса насыпалась в форму размером с наперсток, удар руки по прессу — и таблетка готова. Одна таблетка!

Мы читали рецепты, выписанные отцом отечественной хирургии Н. И. Пироговым, старинные книги — их в музее больше трехсот, листали «Санкт-Петербургскую флору» 1802 года издания, подаренную музею рабочим Стрелковым из Кадиевки. А в книге отзывов прочли запись писательницы Веры Вовк из Рио-де-Жанейро:

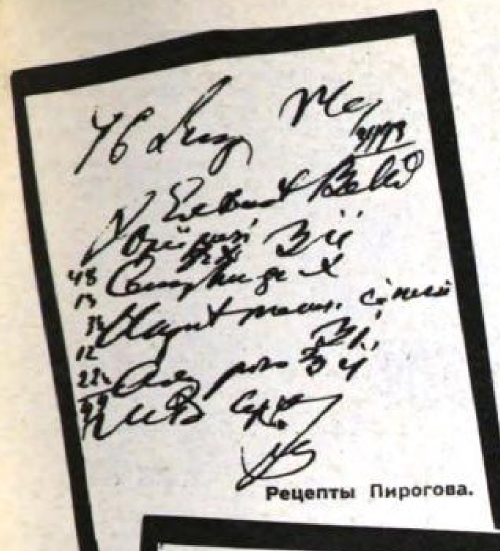
«Тут, наверное, варили омолаживающий напиток для Фауста. Очень приятно побыть в алхимической, чародейной обстановке».

Провизор С. В. Гургула, артист Львовского русского драматического театра Г. Ф. Кирик (сыгравший аптекаря 1735 года) и студентка, будущий провизор Мария Юфимчук.

Рецепты Пирогова.

ФАУСТА

— Видит бог, как мне тяжко, пан аптекарь...

Аптечный натюрморт XVIII века.

Аптека года 1785-го — ныне музей-аптека.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663